Ю1354

Цена отдельного номера в Москве, в провинции и на ст. жел. дор. 50 руб.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орг. Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (больш.).

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, 38.

Прием по делам редакции ежедневно, кроме праздничных дней, с 12—2 дня и с 8—9 веч.

ТЕЛЕФОНЫ: [illegible]

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: В Москве и в провинции на ноябрь—1 р. 50 к. золотом, до конца года—3 р. золотом.

Для удобства иногородних подписчиков... [illegible] ...для Германии, Австрии и др. стран—3 р. золотом.

ЦЕНА НА ОБ'ЯВЛЕНИЯ: [illegible]

Подписка на „ПРАВДУ" принимается во всех почтово-телеграфных учреждениях Р. С. Ф. С. Р.

Телеф. конторы: 71-25, 85-18, отд. об'явлений 2-27-12.

№ 253. Среда 7 ноября 1923 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА № 253

Пролетарии! Красноармейцы! Трудящиеся! Собирайтесь под красные стяги! Выходите на смотр своих сил! Да здравствует наш Октябрь! Да здравствует Октябрь в Европе!

В день пролетарской победы, в день красной звезды, мы шлем наши проклятья всем палачам рабочего класса, всем презренным слугам капитала. Его жадным банкирам и синдикатчикам. Его генералам и офицерам. Его растленным социал-демократическим лакеям. Его проповедникам и его шутам.

Пусть скорее рушится трижды проклятое господство капитала, мир наживы и рабства, мир кровавых войн и лицемерия, мир беспощадной эксплоатации и грабежа! Вон с нашей земли! Дорогу рабочему классу!

Ворота в грядущее.

Шестая годовщина нашей революции празднуется нами под красный набатный звон революции германской. Ее мощный колокол гудит сейчас на весь мир, и его металлический рокот кругами растекается по нашей планете. Измученный, голодный, израненный, ограбленный, подымается сейчас немецкий пролетариат против своих врагов. Он еще не одержал победы. Железная рука капитала еще держит его за горло. Но уже наливаются великой силой рабочие мышцы, и капиталистическая Европа содрогается в революционных конвульсиях, готовая рассыпаться в прах.

Смятенному буржуазному сознанию мерещится гибель мира и день апокалиптического страшного суда. За шесть лет все вылезло из привычных пазов. Рушились троны, перекраивалась карта мира, вышли из подземелий черные чугунные армии рабочих, взлетел над землей, как ослепительная ракета, красный мятежный флаг, такой зловещий для буржуазии.

Крепла и получала закалку под пулями врагов, под ударами голода рабочая власть, собравшая и сколотившая по-своему то, что осталось от страшной казармы, имя которой было царская Россия. Мужик поднял свой голос. А старая, цивилизованная, прилизанная Европа шла ко дну. Сама природа, казалось, заговорила на языке катастроф, смерчами, ураганами и землетрясениями вызывая представление о гибели мира.

Но на наших глазах гибнет не мир, а проклятая, грязью и кровью покрытая, машина буржуазного разбоя. Это она шатается и трещит под ударами бесчисленных пролетарских топоров. Это она готова с грохотом рухнуть под напором сомкнутых пролетарских когорт.

Шесть лет тому назад, среди моря крови, под несмолкаемый гул империалистских пушек, вышел на смертельный бой с врагом пролетариат России. Перед ним была крепость царского самодержавия, закованного в крепкие доспехи. Он ее разбил вдребезги. Против него выросла стена буржуазного режима. Но он бешено раскачал таран революции, и эта стена покрыла всю страну своими обломками.

И этим самым была пробита первая брешь в чугунных воротах мирового капитализма.

Капиталистический паук стал запутываться в своей собственной грязной паутине. Развязав стихию империалистской войны, он уже не мог овладеть ходом событий. «Победы» союзников, разгром Центральной Европы привели к бесконечному ужасу, накопили горы противоречий, заложили фугасное поле под всей европейской культурой. Никогда земля не знала такого хаоса, такой кровавой неразберихи, такого дикого безумия в человеческих отношениях. С каждым днем становится все более ясным, что господство буржуазии пришло в неразрешимое противоречие с интересами человечества. С этим господством нужно покончить. И, в первую очередь, нужно покончить с ним в Западной Европе.

Такова диалектика истории: безумие буржуазной Европы родит могильщиков этого безумия. Под гнетом нищеты, под ударами экономического распада, под прессом капиталистического грабежа родится пролетарская революция. Только ее гений, только ее беззаветное мужество, только ее организационная воля, воплощенная в миллионах работников, может спасти основной центр человеческой цивилизации.

И сейчас, в шестую годовщину нашей революции, мы стоим накануне пролетарской борьбы за Европу. Борьбы за уничтожение проклятого режима. Борьбы против хаоса и распада. Борьбы против расчленения Европы. Великой борьбы за собирание пролетарских соединенных государств. Эта борьба будет страшно тяжела. Она будет нечеловечески тяжела. Она будет стоить громадных жертв. Но только так может рабочий класс спасти Европу от гибели и разрушения.

Мы начинали свою революцию, как застрельщики революции международной. Эта международная революция развертывалась не так быстро, как мы ожидали. Но она шагала вперед неуклонно, и ее суровая, тяжелая поступь слышна теперь даже глухим. За гранью победы—широкие дали. Застучат молотки, задымят фабрики, сомкнутся раздробленные куски земель, начнется эпоха великих работ. Азия протянет руку Европе. Несокрушимым гранитом станет пролетарская половина мира. Победа труда будет обеспечена раз и навсегда.

Нужно проломить ворота в наше грядущее! Сумрачно стоят они перед немецкими штурмовыми колоннами. Около них—дрессированные слуги капитала, тренированные палачи рабочего класса. Раскачивайте революционный таран! Распахните настежь эти ворота!

ДЕМОКРАТИЯ.

ВЛАСТЬ.

В «демократической» Германии власть на самом деле находится в руках кровавых вильгельмовских генералов, титулованных и нетитулованных банкиров, сиятельных помещиков и князей. Людендорфы, фон-Секты, фон-Кары, Гинденбурги, Стиннесы и Вольфы, матерые волки банка, биржи и графской короны имеют в своих руках и финансы, и военную силу. Армия старых вильгельмовских чиновников в'елась в народный организм и сосет его. Ни рабочий, ни крестьянин не подпускаются к власти даже на пушечный выстрел. До сих пор еще принцы, кронпринцы, бывшие короли и королевы получают громадное жалованье и сидят в своих родовых поместьях.

И все же буржуазия не может наладить никакого порядка. Все идет к разорению. Тщетно пытаются палачи рабочего класса построить крепкую власть. На самом же деле все время происходит правительственная чехарда. Министры сменяются каждые два дня. Вся их работа заключается либо в расстрелах пролетариев, либо в перемещениях и перестановках. Никакой устойчивости. Никакого порядка. Никакой уверенности в завтрашнем дне.

Опора власти—офицерские банды, жандармерия и полиция. Главное их занятие заключается в том, что они расстреливают голодных рабочих, выкапывающих картошку с помещичьих полей или восстающих против ненавистной генеральско-социал-демократической «демократии». По всей Германии снуют туда и сюда передвижные офицерские банды, и черносотенные гвардейцы «умиротворяют» население «землей и пулей». Вся Германия напоминает вооруженный лагерь, где офицер метит в лоб пролетария.

С каждым днем растет бешеная ненависть трудящихся, рабочих, мелкого городского люда, мелких крестьян к тому правительству, которое продается Франции, сговаривается с французскими генералами против рабочих, разоряет страну экономически, заставляет миллионы людей голодать, готовит могилу лучшим пролетарским силам. Всюду и везде вспыхивает это возмущение против угнетения и голода, против власти помещиков, капиталистов и их социал-демократических укрывателей.

Нет никакого доверия правительству. Есть ненависть, и только она.

При такой власти, какая сейчас есть в Германии, неизбежна гибель всей страны, ее разорение, полная разруха, варварство, одичание, превращение культурнейшей части Европы в одну из диких и голодающих колоний союзнического империализма.

Этого хотят меньшевики и эсеры. До этого довели Германию немецкие социал-демократы.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

Оно определяется для Германии словом:

«Грабят».

Сначала обезоружили, уничтожили армию, забрали флот. Затем пошел грабеж извне и изнутри. Извне—мировой капитал, его генералы, банкиры, инженеры, промышленники и добровольные слуги. Они передвигают границы Германии, они перекраивают и кромсают ее: устраивают так, чтобы грабить было удобнее.

С того дня, как в Версале был провозглашен этот грабеж, из Германии официально выкачали 45 миллиардов золотых марок. Репарационная комиссия, т.-е. главный штаб разбойников, уверяет, что она получила только 8 миллиардов, и требует, чтобы ей было выдано в 15 раз больше, чем до сих пор. Сколько выкачали из Германии неофициально—не поддается учету. Любители чужого направлялись в Германию свободно, как гробовщик в комнату, где нет никого, кроме покойника. Они брали все, что попадалось под руку.

Одна часть хищников отхватила Баварию, чтобы заложить ее железные дороги парижской бирже. Другая—уже отгрызала Рейнскую область и мертвой хваткой вцепилась в Рурскую. Стиннес договаривается с французским генералом Дегутом. Стиннес ультимативно требует у Штреземана отдать ему государственное имущество. Он требует вернуть ему рабовладельческий кнут, вырванный из его рук ноябрьской победой германских рабочих.

Поставив страну на колени перед иностранным грабителем, германская буржуазия приказывала социал-демократам держите ей руки,—она может вырвать ся. На языке продающейся демократии такое соучастие в грабеже называлось коалиционное правительство. Теперь грабители стали смелее: на их стороне бронированный кулак генерала Дегута и вооруженные до зубов фашистские банды. И они гонят от себя социал-демократов:

— Прочь, вы ненужны. Народ обессилен и не может подняться. У германского народа отняты: руда, уголь, шахты, заводы, возможность свободно дышать и продуктивно трудиться. Пресс чудовищной контрибуции давит его. На рычаге всей своей тяжестью повисли Фоши и Стиннесы. К ним скоро прибавится—из чувства человеколюбия, конечно,—английский миротворец Смитс и американский благодетель Морган. Невыносимый нажим еще возрастет.

Политическое и экономическое рабство угрожает одному из самых культурных народов, населяющих нашу планету. Стране, занимавшей первое место в Европе по мощи и развитию техники, угрожает судьба колонии. На нее будут устремлены ненасытные аппетиты французских, английских, бельгийских и американских Керзонов.

Вот то будущее, которое «демократия» готовит трудящимся массам Германии.

Но двадцатимиллионный самоотверженный, организованный пролетариат этого не позволит.

Он пошлет демократию и всех ее хозяев туда, куда он послал Гогенцоллернов.

ХОЗЯЙСТВО.

Быстрый распад хозяйства.

Финансовый крах.

2 января 1923 г. одна немецкая марка равнялась 4.442 советским рублям образца 1923 г.

2 июля—1.000 руб.

1 октября—3½ руб.

6 октября—1 руб. В этот день марка сравнялась с рублем.

За 10 месяцев 1923 г. курс марки понизился в 200 миллионов раз. По сравнению с нашим рублем марка за это время понизилась в 5 миллионов раз.

Станок для печатания бумажных денег не поспевает работать. Попытки введения твердой валюты ведут только к новой спекуляции. Торговцы устанавливают цены в золотом исчислении. Заработная плата рабочим и служащим—по-прежнему в бумажном исчислении.

Цена на хлеб вырастает за одну ночь на 100—200 процентов. Реальный заработок трудящихся беспрерывно падает. Однодневной получки среднего рабочего едва хватает на покупку двух-трех фунтов хлеба. Буржуазия, поддерживаемая своим правительством, изо всех сил старается уменьшить нищенский заработок рабочих. При помощи социал-демократов она отменяет 8-часовой рабочий день.

Немецкие рабочие, служащие, интеллигенты голодают, хотя в Германии был хороший урожай, и у помещиков хлеба много. Труженики городов выезжают на помещичьи картофельные поля и за десять часов каторжного труда по сбору картофеля получают 5—6 фунтов картошки. Другие вынуждены воровать картофель с полей под выстрелами помещичьих охранников. Дров в городе нет. Электричество недоступно; сначала рабочий заменил электричество керосином, потом—сальные свечи, теперь дело доходит до лучины.

Германский пролетариат переживает наш 18-й год, но не ради защиты своей власти, а как бесправный и нищий раб.

Германская буржуазия, алчная в своекорыстии, тратит полученные от правительства громадные субсидии не на поддержку производства, а на безумную спекуляцию иностранной валютой.

Могучая промышленность Германии распадается. В августе полностью работала только одна пятая часть предприятий. Теперь—гораздо меньше. Рабочие выбрасываются на улицу, в нищету стотысячными пачками. 1 июля прошлого года безработных было 20 тысяч и 100 тысяч работало неполную неделю. Теперь совершенно безработных—3 миллиона, работающих неполно—5 миллионов. Хозяйство Германии гниет и гибнет.

Германия в тисках чудовищных долгов. Она обязалась уплатить 132 миллиарда золотых марок. Вся тяжесть долгов переложена на рабочий класс. Рабочий класс голодает. Интеллигенция нищенствует на перекрестках, буржуазия роскошествует.

В Германии уничтожаются последние ограничения внешней торговли, спасавшие страну от распродажи на мировом рынке. Буржуазия, несмотря на все запреты, переводит свои капиталы за границу и страхует себя от революции.

РАБОЧАЯ ДИКТАТУРА.

ХОЗЯЙСТВО.

Медленное, трудное, но неуклонное восстановление.

Постепенное оздоровление финансов.

15-го октября один советский рубль образца 1921 г. равнялся 6 немецким маркам.

31-го октября—70 маркам.

3-го ноября—900 маркам.

За 10 месяцев 1923 года курс советского рубля понизился в 42 раза.

У нас: постепенное сокращение выпуска бумажных денег. Червонец становится [illegible]. Заработная плата установлена в товарном и червонном твердом исчислении.

Средний рабочий на свою однодневную получку может купить 25 фунтов хлеба. Реальный заработок неуклонно возрастал до весны 1923 г. Советское правительство прилагает все силы к недопущению снижения заработной платы. 8-часовой рабочий день неприкосновенен.

Голод, холод и тьма 18-го года ушли в прошлое. Жизнь рабочего улучшается. Растут фабричные столовые, развиваются клубы. Твердо шагает рабочий класс по пути к устроению человеческой культурной жизни для всех.

В СССР промышленность возрождается, преодолевая громадные трудности. Повышается добыча нефти, угля, выплавка чугуна, стали. Легкая индустрия неизменно увеличивает свою продукцию. Несмотря на «ножницы», очередной летний кризис промышленность перенесла в 1923 г. гораздо легче и безболезненнее, чем в предыдущие годы. Принимаются энергичные меры к удешевлению цен, путем уменьшения непроизводительных расходов. Уже достигнуто значительное снижение промышленных цен. В сельском хозяйстве расширение посевной площади, рост посевов хлопка, льна, упорная борьба за культурное ведение хозяйства. Грандиозная сел.-хозяйственная выставка.

Налоговый пресс давит на имущих. Высокими налогами на предметы роскоши власть рабочего класса вынуждает буржуазию употреблять свои капиталы на производительные цели. Вся хозяйственная деятельность буржуазии находится под жестким контролем и воздействием рабочей диктатуры.

У нас — монополия внешней торговли. Планомерная и энергическая борьба с контрабандой ввоза и вывоза. Иностранный капитал привлекается и допускается в строго намеченных областях на выгодных для российского хозяйства условиях и под неослабным контролем рабочей власти.

Привет товарищу Ленину, вождю рабочего Октября!

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

На страже границы Красная армия: ни один белогвардейский отряд не застигнет врасплох. Ей помогает монополия внешней торговли: ни один иностранный купец не проберется неразоблаченным, необезвреженным.

На развалинах гнилой романовской России—этой охапки ненавидящих друг друга народов, связанных лишь общей петлей самодержавного насилия,—вырос Советский Союз—союз освобожденных народов, об'единенных великой революцией Октября. Все части Союза равноправны, независимы, свободно развивают свою культуру и быт. Все связаны в единый хозяйственный, военный организм, развивают, и собирают, и распределяют все силы в интересах крепости целого.

Многими путями пытался капиталистический мир разбить этот Союз. Он рвал штыками и артиллерийским огнем это организованное единство. Разжигая шовинистические инстинкты, взаимное недоверие между народами, бывшими раньше угнетателями и угнетенными, пытался соблазнить и оторвать отдельные области и страны. Но пролетариат отразил штурм интервенции, провокацию соц.-шовинистов, ложь дипломатов.

Рабоче-крестьянский союз расшибал наступление генеральской контрреволюции, вытряхнул из страны наемных бандитов, разорвал огненное кольцо вооруженной интервенции и колючую проволоку экономической блокады. В Генуе и Гааге международная буржуазия пыталась дипломатическим шантажем возместить хоть часть того, что она потеряла в открытой борьбе. Она и тут потерпела поражение. Все ее домогательства на старые, дореволюционные отношения натолкнулись на категорическое, четкое «нет». Красная дипломатия предупредила шантажистов: «Мы пока согласны пойти на уступки, но чем дальше, тем все меньше мы будем уступчивы, потому что растет наша сила».

Ни одна десятина земли не отдана обратно помещику. Ни один бывший владелец не появится на заводе и фабрике на правах прежнего хозяина. Ни один червонец не пойдет за границу по обязательствам, не взятым на себя советской властью в интересах Союза. Регулятор наших отношений с буржуазным миром в наших руках. Мы пускаем к себе иностранный капитал в такой форме и в такой пропорции, какие соответствуют интересам нашего хозяйственного развития.

Вопреки меньшевистскому и эсеровскому карканью, мы добились перелома в нашем торговом балансе. Еще в прошлом году ввоз в Советский Союз превышал вывоз на 200 милл. зол. руб.

Советское хозяйство и в этой области добилось активности.

Угроза независимости Советского Союза, брошенная английским правительством в керзоновском ультиматуме, поставила на ноги всех трудящихся Союза. Капиталистический мир убедился, что не притупились зоркость и бдительность и решимость Октября.

Ключ от нашей границы в нашей руке.

ВЛАСТЬ.

Пролетарская диктатура разбила царский государственный аппарат. Она выбросила вон из страны все царское отродье, титулованных захребетников, старых чиновников, всех псов буржуазного режима.

Она передала управление страной в руки десятков тысяч рабочих и крестьян. Советской страной правят путиловские, динамовские, тульские пролетарии, и под их руководством русские, украинские, азербайджанские, грузинские и других народностей [illegible].

Великой страной правят [illegible] и разум трудящихся.

Рабоче-крестьянская власть создала себе и надежнейшую опору в лице своей Красной армии и поставила ее на защиту завоеваний революции.

Впервые за всю историю человечества армия из страшного врага трудящихся, из орудия порабощения и угнетения стала другом трудящихся, врагом эксплоататоров и орудием освобождения.

Впервые воплотились в жизнь мечты, что армия есть вооруженный народ.

Красная армия, красная звезда которой стала символом освобождения для всех угнетенных народов и придавленных ярмом буржуазии трудящихся, стоит на передовом посту мировой революции, отточивши свой советский штык.

Пролетарская диктатура, начав свою работу среди развала и разрухи, установила твердый порядок, который теперь вынуждены признать даже виднейшие деятели буржуазных государств. Все усилия капиталистов и желтых социалистов не могли поколебать ее устойчивости. Сила ее крепнет от года к году.

Твердый порядок, который ею установлен, покоится на сознательности масс. Одной из основных ее задач является поднятие их культурного уровня. Оттого трудящиеся массы, которые сами жадно тянутся к свету, держатся за пролетарскую диктатуру все крепче и сознательнее.

Для власти нет фундамента прочнее, чем разумная сознательность масс. Поэтому советская власть, работая при самых тяжелых и неблагоприятных условиях, является самой крепкой и устойчивой в Европе.

Поэтому шесть лет бессменно стоит во главе страны Совнарком.

Поэтому в стране царит твердый порядок.

Поэтому железной рукой советская власть с успехом отражает все попытки капиталистов отнять у трудящихся земли и фабрики и переложить на их плечи тяжесть налогов и последствий империалистской войны.

Это строит и улучшает Р.К.П. К этому идет революционный пролетариат Германии. К этому зовет его коммунистическая партия.

С. С. С. Р.

Шесть лет тому назад, в серые октябрьские дни, российский рабочий класс взял в свои руки власть на баррикадах Питера и Москвы. Генералы и архиереи, сахарозаводчики и проститутки, профессора и банкиры, офицеры и кутящая буржуазная золотая молодежь — все ждали, что ненадолго хватит сил у черных людей, идущих под красными знаменами. Но вот прошло уже шесть лет. Кожаные куртки и засаленные рубахи правят громадной страной, и царствию их не видно конца. А бывшие владельцы старых дворянских поместий, графы и князья, родовитые носители гербов, купцы, промышленники, титулованная знать, люди в мундирах, лентах и эполетах—бессильно слоняются по задворкам Европы, играя роль политических сутенеров и «мерзавцев низших своей». Они пытались не раз и не два прорвать рабоче-крестьянский фронт. Не раз и не два продавали они свои благородные шпаги иностранным толстосумам. Не раз и не два совершали они свои набеги на советскую страну. Но, сжимая свои силы в железный кулак, стойко держался рабоче-крестьянский фронт, и каждый раз меч пролетарской диктатуры победоносно обрушивался на головы классовых врагов.

Рабочий класс, молодыми, неопытными руками взявший власть, пережил все муки, какие только приходились на его долю: он прошел победоносно сквозь строй интервенции, блокады, заговоров и измен; он разбил своих врагов на всех фронтах; раскромсанную Россию он сколотил в великий союз трудящихся, собрал ее по частям, отвоевал ее у иностранных насильников, отбил ее от российского денежного мешка и дворянской короны. Он пережил неизбывные муки нищеты и голода и, питаясь мерзлой, гнилой картошкой, не уставал держать винтовку в своей неустрашимой руке. Его босоногая Красная армия ликвидировала гражданскую войну, и красная звезда засияла на весь мир своим победным светом. Под ударами врагов он, делал тысячу ошибок и исправлял эти ошибки, налаживал хозяйство, чиня страну, зорко присматривался к тому, чтобы не порвались связи между пролетарием и мужиком, чтобы не дал трещины союз рабочих и крестьян.

Он пережил ужасы поволжского голода, от которого гибли тысячи и десятки тысяч. Его рука не дрогнула, когда нужно было убирать трупы. Он их складывал на телеги, как дрова, и убирал, подвозил хлеб, засевал поля, помогал крестьянину, карал заговорщиков, учился, учил других — и вывел страну, спас ее от неизбежного разгрома, перевел ее на другие рельсы и дал ей возможность развиваться и жить.

Он вытащил российскую кольмагу на международную арену. Он не полез в удавную петлю иностранного капитала. Он сам улучшил свое государственное хозяйство и, несмотря на рынок и его стихию, бережно возделывал социалистические оазисы своей промышленности.

На рубеже седьмого года разве не видит даже слепой, что рабочий класс у нас победил прочно и навсегда?

Из стран европейского материка нет страны, которая была бы сколочена прочнее, чем наш великий Союз. Сотни тысяч корней пустила рабочая власть, и никакая сила не в состоянии выкорчевать этой власти.

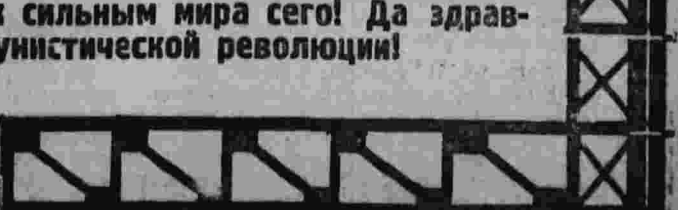
Рабочая диктатура вывела страну на широкую дорогу. Сплоченность пролетариата, могучее единство нашей партии обеспечили победу.

Прочно стоит на бетонном фундаменте Союз пролетарских республик. Среди буржуазных стран, идущих друг на друга в бешеной конкуренции, среди раздираемого противоречиями старого мира, точно могучее чужеродное тело, живет и развивается наш Союз, нисколько не страшась вражеского окружения. Миллионы друзей во всех странах недаром считают его своим отечеством: это, ведь, рабочий класс создал такую организацию. Точно могучий профсоюз среди капиталистических трестов, стоит наше рабочее государство на своем посту. И недаром говорят о нем с нескрываемой злобой в буржуазных кругах. И недаром боятся от нас получать хлеб в пользу рабочих. Ибо все растет и ширится любовь пролетариата к могучему орудию международной революции—СССР.

Мы прошли уже полосу самых тяжелых бедствий. Но мы знаем: нам, быть может, предстоят новые тяжкие испытания. Наш Союз не боится этих испытаний. Рабочий класс шел в октябрьские бои под знаменами международной революции. Этим знаменам он не изменит никогда. Ибо наш рабочий класс — великая героическая сила, класс, сердце которого бьется вместе, удар в удар, с [illegible] сердцами европейского пролетариата.

В день нашей победы с гордостью и благоговением вспоминаем мы наших товарищей, павших в боях. Мы вспоминаем людей, кровью которых удобрена наша земля, на костях которых воздвигаем мы стропила и балки нового общества. Мы шлем пламенный братский привет всем друзьям, сидящим за железными решетками; всем товарищам, с оружием в руках идущим на штурм капиталистических твердынь.

Да здравствует сила и мощь революционных рабочих, их мужество, их воля, их решимость, их священная ненависть к сильным мира сего! Да здравствует победа коммунистической революции!

Год седьмой.

В этом, седьмом после Октября, году будут, по всей видимости, решаться судьбы Европы: ее пролетариата, а вместе с ним ее хозяйства и культуры. С 1914 года Европа вступила в период самопожирания и самоуничтожения. Буржуазия, под руководством которой Европа достигла своего предвоенного могущества, до конца исчерпала себя и неспособна дальше руководить общественной жизнью. Нужна смена руководящего класса, чтобы человечеству выйти из кровавого тупика. Но буржуазия не хочет сходить. И хотя в истории не раз уже случалось, что переживший себя руководящий класс насильственно ниспровергался новым классом, но в прошлом никогда еще не было такого богатого, образованного, ловкого, дьявольски изощренного в искусстве властвования класса, как буржуазия. С другой стороны, никогда еще новому классу, претендующему на власть, не приходилось подниматься из таких низов угнетения и эксплоатации, как пролетариату. Борьба буржуазии за самосохранение затянула страшный узел на шее Европы. И мы видим с 1914 года, как Европа разоряется, обескровливается, разрушается.

Наибольшей высоты своей капиталистическая техника, хозяйственная организация, буржуазная наука достигли в сердце Европы, в Германии. И вот ныне Германия распластана перед нами, как самая угнетенная и голодная страна. Еще не прошло и десяти лет с тех пор, как германская буржуазия выступила в поход для централистического об'единения Европы. А ныне немецкие капиталисты дробят Германию на части и, при помощи золота и штыков Франции, создают и собираются создавать уродливые баварские, рейнские и иные государственные клетки, только бы удержать в своих руках остатки разрушаемых ими богатств. Заставляя для своих нужд прогнившую социал-демократию ходить колесом и глотать горящую паклю, буржуазия все дальше, однако, сдвигается с парламентских на фашистские методы господства. А победа фашизма — под какими бы флажками и ярлычками он ни пришел к власти — означала бы полную экономическую и национальную кабалу немецкого народа. Сепаратист принц Рупрехт, «централисты» Людендорф и Гитлер и великие военные жулики самоосуществленной Рейнской республики в одинаковой мере воплощают вооруженную судорогу обреченного класса, который не хочет умирать. Держаться фашисты могли бы только постоянными и непрерывными применением материальной силы. Силы же у них мало. Они вынуждены поэтому искать ее во вне, то-есть у Франции. Победа германского национализма неминуемо означала бы поэтому полное и окончательное растление буржуазного «патриотизма», расчленение и распродажу Германии, ее гибель и гниение.

Внешним образом экономическая, политическая и военная диктатура Франции над Европой достигла бы при этом полного завершения. Но этим самым на плечи 39-миллионного французского народа окончательно обрушилась бы тяжесть, которая грозила бы раздавить его. Гегемония французского капитала означала бы возрастание бессмысленной и кровавой государственной чересполосицы в Европе, прогрессивное истощение европейского рынка, самоблокаду французского хозяйства, рост милитаризма и государственных долгов. Немецкий капитализм тщетно пытался с 1914 г. централизовать Европу, как арену для развития производительных сил. Победоносный французский капитализм после 1918 г. только и делает, что «централизует» процессы разорения и упадка Европы. И никто в этой области не может сравниться с тупым, жадным и упрямым мелким буржуа, который известен под фамилией Пуанкаре.

6 лет тому назад молодой пролетариат России, на шее которого петля в те дни затянулась особенно туго, первыми октябрьскими призывами показал трудящимся Европы путь выхода. Тогда нам всем казалось, что путь этот более прост и короток, чем он оказался на деле. Но, хоть и более тяжелый, чем мы ждали, путь оказался единственно правильным, ибо он ведет к выходу. Это подтверждается теперь снова в свете германских событий, предопределяющих судьбы Европы на многие годы. Если палочная ночь, взятая сама по себе, могла казаться принципиальным поворотом исторического пути, то теперь, когда история готовится поставить веху немецкой революции, ночь, с несомненностью почти осязательной, входит в пределы исторического эпизода, шага на пути, который от полного господства буржуазного режима ведет к полной и окончательной его ликвидации.

Седьмой год революционной эры ставит во весь рост проблему борьбы за власть в Германии. Эта задача столь же революционно-политическая, сколь и революционно-военная. При помощи шпаной и плутней насквозь проституировавшейся социал-демократии, при помощи сложной системы вероломства профсоюзной бюрократии, при помощи естественной и искусственной, частичной и полной безработицы, при помощи государственного расчленения Германии, наконец, при помощи тяжелых и легких пулеметов, буржуазия стремится раз'единить, раздробить, ослабить, пригнуть к земле пролетариат, лишить его веры в себя и в свою миссию.

Революционно-политическая задача состоит в том, чтобы помочь борющимся, страдающим, обескровливаемым массам почувствовать свое классовое единство в высшем напряжении — под знаком захвата власти. В седьмом году после Октября коммунистическая партия Германии должна предстать — и предстанет — перед германским пролетариатом, как спасительница немецкого народа, как подлинный коллективный вождь, призванный историей.

Связать пролетарские низы каждой завоеванием власти значит создать непосредственную политическую предпосылку для разрешения военно-революционной задачи, т.-е. для фактического ниспровержения фашистской диктатуры и овладения материальным аппаратом государства. Это единственный путь спасения Германии и вместе с ней Европы.

Мы не делаем себе сейчас никаких иллюзий насчет простоты и краткости этого пути. Мы знаем, что он будет страшно тяжел. Он потребует величайших жертв. Он породит небывалые потрясения. Он нанесет неисцелимый удар тому подлому, из трусости и насилия созданному европейскому «равновесию», которое ведет свое летоисчисление от версальского мира. Из гражданской войны, которой германская буржуазия, совместно с французской, стремится придать самый жестокий и опустошительный характер, могут возникнуть кровавые столкновения далеко за пределами Германии.

Седьмой год после Октября рождается под грозными предвестиями, и мы, Советский Союз,—все еще единственная крепость трудящихся — должны быть сильнее, крепче, сплоченнее, тверже, вооруженнее, чем когда-либо, чтобы встретить все испытания, какие может принести нам будущее...

По ветхому библейскому преданию, шесть дней были днями труда: создания нового мира, а седьмой день был днем отдыха. После шести лет крови и сверхчеловеческого труда над созданием нового мира надвигается год седьмой. Но он не будет годом отдыха. Он будет годом великой и страстной борьбы, небывалого героизма и неисчислимых жертв на пути к победе. И таким мы приветствуем его!

Л. ТРОЦКИЙ.

5 ноября 1923 г.

Rote Sturmfahne

Nr. 15 | 28. Oktober — Erscheint nach Bedarf — Preis 500 Millionen.

Staatsstreich gegen die Republik!

Die sächsische Regierung „abgesetzt." — Vorstoß Bayerns und der Schwerindustrie.

[illegible]

Generalstreik gegen den Gewaltstreich der Monarchisten!

Sofortiger erbarmungsloser Kampf auf der ganzen Linie und mit allen Mitteln zum Schutze des roten Sachsens, zum Schutze der Republik, zum Schutze der Arbeiterklasse!

Proletarier Deutschlands!

[illegible]

СНИМОК С БОЕВОГО НОМЕРА НЕЛЕГАЛЬНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ В ГЕРМАНИИ «КРАСНОЕ БОЕВОЕ ЗНАМЯ».

В день нашей победы редакция „Правды" шлет братский привет своему берлинскому собрату. Под победные гудки московских заводов мы говорим: „Да здравствует загнанное в подполье, но вечно живое, страшное для врагов „Красное Боевое Знамя" германских рабочих!»

Редакция „Правды".

Октябрьская революция и вопрос о средних слоях.

Несомненно, что вопрос о средних слоях представляет один из основных вопросов рабочей революции. Средние слои, т.-е. крестьянство, мелкий городской трудовой люд. Сюда же нужно отнести угнетенные национальности, состоящие на девять десятых из средних слоев. Это, как видите, те самые слои, которые по своему экономическому положению стоят между пролетариатом и классом капиталистов. Удельный вес этих слоев определяется двумя обстоятельствами: во-первых, эти слои представляют большинство, или, во всяком случае, значительное меньшинство населения существующих государств; во-вторых, они являются теми серьезными резервами, среди которых класс капиталистов набирает свою армию против пролетариата. Пролетариат не может удержать власть без сочувствия, поддержки средних слоев и прежде всего крестьянства, особенно в такой стране, как наш Союз Республик. Пролетариат не может даже мечтать серьезно о взятии власти, если эти слои по крайней мере не нейтрализованы, если эти слои не успели еще оторваться от класса капиталистов, если они все еще составляют в своей массе армию капитала. Отсюда—борьба за средние слои, борьба за крестьянство, проходящая красной нитью через всю нашу революцию с 1905 по 1917 годы, борьба, которая далеко еще не прекращена и которая будет еще вестись в будущем.

Революция 48-го года во Франции потерпела поражение, между прочим, потому, что она не нашла сочувственного отклика во французском крестьянстве. Парижская коммуна пала потому, между прочим, что натолкнулась на противодействие средних слоев, и прежде всего крестьянства. То же самое нужно сказать о российской революции 1905 года. Исходя из опыта европейских революций, некоторые вульгарные марксисты, во главе с Каутским, пришли к тому выводу, что средние слои, и прежде всего крестьянство, являются чуть ли не прирожденными врагами рабочей революции, что в виду этого необходимо держать курс на более длительный период развития, в результате которого пролетариат станет большинством наций, и тем самым создадутся реальные условия для победы рабочей революции. На основании этого вывода они, эти вульгарные марксисты, предостерегали пролетариат от «преждевременной» революции. На основании этого вывода они отдавали по «принципиальным соображениям» средние слои в полное распоряжение капитала. На основании этого вывода они пророчили нам гибель российской октябрьской революции, ссылаясь на то, что пролетариат в России составляет меньшинство, что Россия—страна крестьянская и что в виду этого победоносная рабочая революция в России невозможна.

Характерно, что сам Маркс расценивал средние слои, и прежде всего крестьянство, совершенно по-иному. В то время, как вульгарные марксисты, махнув рукой на крестьянство и предоставив его в полное политическое распоряжение капитала, шумливо кичились своей «принципиальной выдержанностью»,—Маркс, этот наиболее принципиальный марксист из всех марксистов, настойчиво советовал партии коммунистов не терять из виду крестьянство, завоевать его на сторону пролетариата и заручиться его поддержкой в грядущей пролетарской революции. Известно, что в 50-х годах, после поражения февральской революции во Франции и Германии, Маркс писал Энгельсу, а через него компартии Германии:

«Весь ход дела в Германии будет зависеть от возможности оказать поддержку пролетарской революции, так сказать, вторым изданием крестьянской войны».

Это писалось о Германии 50-х годов, стране крестьянской, где пролетариат составлял незначительное меньшинство, где пролетариат был менее организован, чем в России 17-го года, где крестьянство по своему положению было менее расположено к поддержке пролетарской революции, чем это имело место в России 17-го года.

Несомненно, что октябрьская революция явила собой то счастливое соединение «крестьянской войны» с «пролетарской революцией», о котором писал Маркс вопреки всем «принципиальным» болтунам. Октябрьская революция доказала, что такое соединение возможно и осуществимо. Октябрьская революция доказала, что пролетариат может взять власть и удержать ее, если он сумеет оторвать средние слои, и прежде всего крестьянство, от класса капиталистов, если он сумеет превратить эти слои из резервов капитала в резервы пролетариата.

Короче: октябрьская революция, первая из всех революций мира, выдвинула на первый план вопрос о средних слоях, и прежде всего о крестьянстве, и победоносно разрешила его вопреки всем «теориям» и причитаниям героев II Интернационала.

В этом первая заслуга октябрьской революции, если вообще можно говорить в данном случае о заслугах.

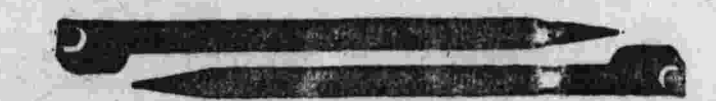
Но дело этим не ограничилось. Октябрьская революция пошла дальше, попытавшись сомкнуть вокруг пролетариата угнетенные национальности. Выше уже говорилось, что последние на девять десятых состоят из крестьян и мелкого городского трудового люда. Но этим не исчерпывается понятие «угнетенная национальность». Угнетенные национальности угнетаются обычно не только как крестьянство и городской трудовой люд, но и как национальности, т.-е. как трудящиеся определенной государственности, языка, культуры, быта, нравов, обычаев. Двойной пресс угнетения не может не революционизировать трудовые массы угнетенных национальностей, не может не толкать их на борьбу с основной силой угнетения—на борьбу с капиталом. Это обстоятельство послужило той базой, на основе которой пролетариату удалось осуществить сочетание «пролетарской революции» не только с «крестьянской войной», но и с «войной национальной». Все это не могло не раздвинуть поле действия пролетарской революции далеко за пределы России, не могло не поставить под удар наиболее глубокие резервы капитала. Если борьба за средние слои данной господствующей национальности является борьбой за ближайшие резервы капитала, то борьба за освобождение угнетенных национальностей не могла не превратиться в борьбу за завоевание отдельных, наиболее глубоких резервов капитала, в борьбу за освобождение колониальных и неполноправных народов от гнета капитала. Эта последняя борьба далеко еще не окончена,—более того, она не успела дать еще даже первых решительных успехов. Но она, эта борьба за глубокие резервы, началась благодаря октябрьской революции, и она, несомненно, будет развертываться шаг за шагом по мере развития империализма, по мере роста мощи нашего Союза Республик, по мере развития пролетарской революции на Западе.

Короче: октябрьская революция положила на деле начало борьбе пролетариата за глубокие резервы капитала из народных масс угнетенных и неполноправных стран, она первая подняла знамя борьбы за завоевание этих резервов,—в этом ее вторая заслуга.

Завоевание крестьянства шло у нас под флагом социализма. Крестьянство, получившее землю из рук пролетариата, победившее помещиков с помощью пролетариата и поднявшееся к власти под руководством пролетариата, не могло не почувствовать, не могло не понять, что процесс освобождения его шел и будет еще идти под знаменем пролетариата, под его красным знаменем. Это обстоятельство не могло не превратить знамя социализма, бывшего раньше пугалом для крестьянства, в знамя, привлекающее его внимание и облегчающее его освобождение от забитости, нищеты, гнета. То же самое нужно сказать, но в еще большей степени, в отношении к угнетенным национальностям. Клич борьбы за освобождение национальностей, клич, подкрепленный такими фактами, как освобождение Финляндии, вывод войск из Персии и Китая, образование Союза Республик, открытая моральная помощь народам Турции, Китая, Индостана, Египта,—этот клич впервые раздался из уст людей, победивших в октябрьской революции. Нельзя назвать случайностью тот факт, что Россия, служившая раньше в глазах угнетенных национальностей знаменем угнетения, превратилась теперь, после того, как она стала социалистической, в знамя освобождения. Не случайно и то, что имя вождя октябрьской революции, тов. Ленина, является ныне наиболее любимым именем в устах забитых и задавленных крестьян и революционной интеллигенции колониальных и неполноправных стран. Если раньше христианство считалось среди угнетенных и задавленных рабов обширнейшей Римской империи якорем спасения, то теперь дело идет к тому, что социализм может послужить (и уже начинает служить!) для многомиллионных масс обширнейших колониальных государств империализма знаменем освобождения. Едва ли можно сомневаться в том, что это обстоятельство значительно облегчило дело борьбы с предрассудками против социализма и открыло дорогу идеям социализма в самые отдаленные уголки угнетенных стран. Если раньше трудно было показаться социалисту с открытым забралом среди непролетарских, средних слоев угнетенных или угнетающих стран, то теперь он может выступать среди этих слоев открыто с пропагандой идей социализма, в надежде, что его выслушают и, пожалуй, послушают, ибо он имеет за собой такой сильный аргумент, как октябрьская революция. Это тоже результат октябрьской революции.

Короче: октябрьская революция расчистила дорогу для идей социализма к средним, непролетарским, крестьянским слоям всех национальностей и племен, она сделала знамя социализма популярным для них знаменем,—в этом третья заслуга октябрьской революции.

И. СТАЛИН.

О ДЕРЗОСТИ.

Высоко на гребне могучей волны взметнулись наши крепкие ряды. Сокрушая ударила волна по враждебным скалам капитала—и грохот наполнил мир. Так пришел в жизнь шесть лет назад наш Октябрь.

Дерзость, дерзость молодого класса неотвратимо ведет вперед. Труднейшие положения, опаснейшие затруднения, острие дворянской шпаги у сердца Москвы, нехватка всего, весь буржуазный мир захлебывается радостью: «на этот раз сорвутся»,—но снова отметаются опасные задачи, неожиданным поворотом разрубаются трудности. Свежесть мысли, бегущую инициативу (почин), неожиданные пути находит дерзкий молодой класс во всех областях борьбы. Нет конницы—фабричные от станка садят на коней. Нет угля и нет рельс—тысячи верст снимутся с места и сотнями веток пролягут в леса, вывозя дрова для спасения государства восставшего пролетариата, для переброски его армий, для движения хлеба по его дорогам. В малом и большом новый, дерзкий, неожиданный подход торжествующей революции.

«От них не знаешь, чего ждать, всегда вдруг, из-под земли, из воздуха быстро выскочит что-либо неожиданное,—шипят наши враги,—у них и в декретах и в жизни сплошная чехарда». Пусть шипит на молодую дерзость нового класса отживающий, отрулый старый враг. Быстрый темп нашей мысли, нашей жизни, нашего дела—могучее орудие борьбы. Честь и место дерзкому почину, ярко прокладывающему новые дороги!

Да, дерзость решений, дерзость пути—но не дерзость легковесных мальчишек. Широкой рукой отдает авангард рабочего класса свои жизни на победу своей дерзости, своими телами устилает ее путь—«и тяжкой поступью своею за стремления крепит». 370 тысяч членов сейчас в нашей партии. А свыше 230 тысяч коммунистов погибло за эти годы в нашей стране—на фронтах убитыми, умершими от болезней, расстрелянными белыми и прочее и прочее. Почти половину своих членов, 40 проц. жизней, отдала партия за эти шесть лет в грозном бою, в последнем бою международного пролетариата за низвержение позорной буржуазии, за освобождение труда, за будущее человека. На каждого живого—один мертвый. В день годовщины первого торжества, в день проверки пред новыми боями—вам, ушедшие, вам, дерзостью венчанные, вам первая мысль.

Пусть же трепещет недруг. Грозна та сила, что отдает себя с дерзкой уверенностью в неисчерпаемости резервов своего закала, своей воли, своего стремления. Всемирный пролетариат—наш последний резерв. Годы мы ждали его девятого вала. Отиснув зубы, с молчаньем, говорящим громче слов, глубоко в сердце храня неугасающий гнев, непримиримую ненависть—ждали девятого вала рабочей революции на родине современной борьбы пролетариата. Топот ее приближающихся шагов еще глухо звучал издали. Он затихал—и мы отступали, в нашу красную страну допускали мы хрюкающую морду буржуазии. Он нарастал, нарастал в наши первые годы—и мы шли вперед.

Теперь он вновь нарастает, на этот раз громче, властней, неотвратимей, чем когда-либо. Уже взрывами подымает бурая крышку котла революция Германии, уже пришла она свои июльские дни, уже живительный воздух назревающей революции там проносится ответной освежающей струей и по нашим рядам—приди, желанная! Твоя братья на жизнь и смерть, авангард пролетариата России, отдали уже половину своих жизней на общее дело,—но густая новая поросль поднялась вокруг нас за эти годы и широким потоком пополнит наши ряды. И прежняя дерзость, и гордая дерзость, в уппал дерзость поведет вперед, возьмет все преграды и навсегда утвердит победу—наши мертвые, наши дерзкие погибли недаром.

В едином порыве сомкнутся, мы знаем,
Сольются, как братья, народы земли.
Мы в день наш победный привет им бросаем
И наши знамена над теми склоняем,
В чью вечную память мы славу вплели.
Недаром наш молот стучал в наковальни,
Недаром точили мы острую сталь—
Внимайте! Как отзвук напева хрустальный,
Призыв к нам ответный доносится дальний,
И зарево красит широкую даль.

Ю. Л.

Новые задачи партии.

В каком положении застает шестая годовщина революции рабочий класс нашей страны—тот класс, который составляет фундамент Октября?

Дело пошло во многих отношениях к улучшению. Процесс деклассирования и распыления рабочего класса, несомненно, прекратился. Качественный состав пролетариата улучшился. Состав рабочих становится менее текучим, более постоянным. В главные наши промышленные центры возвращаются тысячи и десятки тысяч рабочих, которые разбрелись в первые годы революции по деревням и кто куда мог, чтобы только как-нибудь пережить наиболее трудное время. На наших фабриках и заводах вновь появляется старый «мастеровой», коренной рабочий, «потомственный» пролетарий. Основное ядро наших промышленных рабочих вновь собирается под крышу наших советских фабрик и заводов. В этом заключается одна из важнейших предпосылок для дальнейшего улучшения нашего хозяйства. И это же явление открывает нам новые широкие политические возможности.

Всякому, умеющему наблюдать молекулярные процессы, происходящие внутри нашего рабочего класса, бросается далее в глаза и следующее обстоятельство. Культурный уровень середняка, беспартийного рабочего, вырос за эти годы в очень значительной степени. Иной раз кажется, что шесть лет, протекших с октябрьской революции, промелькнули, как миг. На самом деле в течение этих шести лет уже успело сформироваться целое новое поколение рабочей молодежи и успел вырасти на целую голову рабочий-середняк.

Было время (1919—20—21 годы), когда на наших фабриках и заводах оставались преимущественно более пожилые рабочие и работницы. Весь цвет пролетариата был на фронтах или, вообще, был рассеян по всем углам России. Возвращающиеся теперь на фабрики и заводы рабочие приходят к нам не такими, какими ушли. Каждый пережил в течение этих шести лет столько, сколько иной раз не переживалось в течение целого поколения. Разбросанные по всем углам России—в армии, в деревне, в продовольственном отряде—рабочие учились понимать происходящее. Революция не имела достаточно материальных ресурсов, чтобы сразу улучшить положение всей многомиллионной рабочей массы. Но в культурном отношении она все же подняла рабочую массу на небывалую еще высоту.

Все внимательные наблюдатели рабочей жизни отмечают, например, следующие факты. На беспартийных рабочих конференциях ныне, в отличие от того, что бывало в прежние годы, по каждому вопросу выступают по несколько десятков ораторов. На губернских с'ездах профсоюзов, на уездных с'ездах советов и т. п. господствует совершенно другое настроение, чем это было в предыдущие годы: гораздо больше активности и сознательности, гораздо большее количество беспартийных ораторов и т. п. При этом говорят уже не о своей собственной нужде, как это в большинстве случаев бывало раньше, а об общих вопросах. И говорят толково, со знанием дела.

Культурный уровень рабочих масс вырос. Из этого следует исходить, как из аксиомы. Новые задачи партии будут поставлены правильно лишь в том случае, если мы будем исходить из этого основного факта.

Численный состав наших рабочих ячеек в последние месяцы, несомненно, увеличивается. В Петрограде и в Москве рабочие ячейки за последнее время удвоились в своем составе. Если еще недавно в наши ячейки на фабриках и заводах вступали, главным образом, хуже оплачиваемые рабочие, то за самое последнее время замечается приток также и наиболее квалифицированных рабочих. Нижеследующая табличка дает некоторое представление о количественном соотношении наших ячеек с числом рабочих на некоторых из крупнейших предприятий республики:

Название предприятия.		Рабоч.	Колич. членов ячеек.
1. Гужон	Москва	2590	78
2. В. Сытин	Москва	6200	105
3. Серпух. прядильно-ткацк. ф-ка.		5400	40
4. Балтийск. судостр. зав.	Петроград	3250	174
5. Обуховский завод	Петроград	3600	129
6. Красный Путиловец	Петроград	5200	198
7. Невская текст. ф-ка		1800	64
8. Окуловская ф-ка, Новгород.		2500	32
9. Лысьвенский завод, Пермский		3000	140
10. Златоустовский зав., Челябинск		4250	66
12. Платин. прииски, Екатеринб.		3312	26
13. Республикан. к-ра, Сев.-Донецк.		2000	27
14. Донгосфабрика, Ростов		2500	80
15. Красноармейск к-ра, Сев.-Донецк.		2080	27
16. „Эмбастус", Семипалатинск		1500	25
17. Гартманский завод, Луганск		3300	148
11. Алмазовский рудник, Донбасс		2000	150
18. Им. Марти и Бадина, Николаев (судостроительн.)		2800	93
19. Ф-ка „Абельман", Владимир (Ковров)		2761	50
20. Сахарный зав., Киевской губ.		5000	137
21. Цех. эк. гильз. к-сии, Тула (Патр. завод)		1479	14

Конечно, наши ячейки недостаточно сильны еще и в количественном отношении. Но это было бы еще с полбеды. Самая важная задача заключается в том, чтобы улучшить их в качественном отношении.

Нередки случаи, когда на данном заводе найдется иное большое количество беспартийных рабочих, которые по своему культурному уровню стоят не ниже, а иногда и выше, нежели члены нашей ячейки на этом заводе. Даже относительно петроградских заводов в ряде случаев это можно считать совершенно доказанным. Если взять, например, Путиловский завод, то на пять слишком тысяч рабочих мы имеем сейчас ячейку в 200 человек. Но на Путиловском заводе, по наблюдениям всех непосредственно работающих там товарищей, найдется не меньше, чем 400 человек беспартийных рабочих, которые в смысле культурного уровня не ниже, а иногда выше рядового члена нашей ячейки. Год—два тому назад это было не так, ибо на заводе оставались, главным образом, старики и женщины, меж тем как цвет старых путиловских рабочих был разбросан по всей стране. А теперь это так.

Разумеется, во многих отношениях рядовые члены нашей комячейки все же выше беспартийной массы уже просто потому, что члены нашей ячейки в отличие от беспартийных действуют организованно. В области чисто политической члены нашей ячейки почти всегда стоят выше беспартийной массы. Но когда дело заходит о хозяйственных, бытовых, культурных, житейских вопросах, тогда нередко приходится наблюдать и обратное. Один из выдающихся хозяйственных работников говорил нам недавно:

«Когда я отправляюсь делать доклад о своей хозяйственной работе на собрании членов наших партячеек, я иду без особой подготовки. Когда же мне приходится такой же доклад делать на делегатском собрании той или другой фабрики или завода, или на беспартийной районной конференции и т. п., я готовлюсь очень усиленно. Ибо я знаю, что мне будет поставлен целый ряд вопросов, что каждую свою цифру я должен буду суметь защитить, что критика будет серьезная и т. д.».

Поднявшийся культурный уровень широких кругов беспартийных рабочих может стать источником величайшей силы для нашей партии и для советской власти, но лишь в том случае, если мы во-время учтем это в высшей степени важное явление и сумеем сделать из него организационные выводы. В ином случае этот факт может стать источником многочисленных недоразумений между нами и беспартийными рабочими и может даже, как это ни странно на первый взгляд, создать величайшие трудности для нас.

Культурно выросший рядовой рабочий хочет—и с полным правом—принимать теперь большее участие в хозяйственной жизни своего завода, оказывать большее влияние на свой профсоюз и не на словах, а на деле использовать свои права в Совете Рабочих Депутатов. Главная задача нашей партии в нынешнюю эпоху в том и заключается, чтобы стать во главе этого движения беспартийных рабочих, суметь вместе с ними найти серьезные, деловые пути для удовлетворения этих законных желаний рабочих, выросших на целую голову.

На крупнейших наших предприятиях фабрично-заводские комитеты состоят на 85—90 проц. из коммунистов. Это хорошо. Однако, средний процент коммунистов в фабрично-заводских комитетах по всем профсоюзам еще недостаточно высок. Даже в таком центре, как Петроград, средний процент коммунистов в фабзавкомах всех профсоюзов был на 1-е февраля 1923 г. 18,5, на 1-е сентября 1923 г.—22,3. И далее если выделить 9 индустриальных союзов, то оказывается, что в них процент коммунистов в фабрично-заводских комитетах равняется лишь 32,5. В других рабочих центрах соотношение, вероятно, менее благоприятное для нашей партии.

Порядок постепенности, в котором проходят коммунисты при выборах на фабриках и заводах, примерно таков: 1) в Советы Рабочих Депутатов коммунистов выбирают легко, 2) в фабзавкомы—уже потрудней, 3) в профуполномоченные еще трудней, 4) а в расценочно-конфликтную комиссию коммунистам совсем трудно пройти. О чем говорит это обстоятельство? О том, что общеполитическое руководство рабочие массы доверяют коммунистам довольно охотно. Но когда дело идет об организациях, от которых зависит непосредственно зарплата и вся повседневная жизнь рабочих, массы выбирают коммунистов уже не так охотно. В этой области коммунисты на заводах не имеют еще достаточного доверия.

И тут для наших ячеек на фабриках и заводах открывается непочатый край работы. Наши партийные ячейки на фабриках и заводах должны отвыкать решать все хозяйственные вопросы завода только на партячейке. Наша ячейка на заводе должна начать рассматривать себя как коммунистическую фракцию всего завода. Это же относится к коммунистам, являющимся членами фабзавкомов, делегатских собраний и т. п. организаций. Основная задача партячейки—политическая работа в пользу партии. Разумеется, экономику нельзя отделить механически от политики. Наша партячейка, как политическая организация, несомненно, имеет свои партийные интересы и в области «экономики». Но защищать эти интересы надо умеючи. Прежде всего, нельзя забывать, что мы только часть завода. Пора научиться бороться за влияние среди всей рабочей массы систематической творческой работой во всех областях фабрично-заводской жизни. Пора почувствовать себя как политическую фракцию всего рабочего населения данного предприятия. Пора понять, что беспартийные рабочие выросли, и постараться расти в уровень с ними. «Самодержавие» партколлективов на местах стало уже теперь исключением из правила. Нужно добиться, чтобы такие явления исчезли вовсе.

Из всего этого вытекает, что вопрос о соответственном поднятии культурного уровня рядового члена нашей партячейки стал вопросом жизни и смерти для нашей партии. Ибо, если наша партячейка не станет головой выше, чем вся остальная масса, она никогда не сможет руководить этой массой, а стало быть, не сможет и выполнить своего основного назначения. В деле учебы партия достигла значительных успехов за истекшие годы. Но все это еще только слабое начало, капля в море. Политически воспитать всю массу членов партии, поднять ее на высоту, соответствующую выросшему культурному уровню всей рабочей массы,—вот центральная задача.

Выросшие беспартийные рабочие хотят более активно участвовать в производственной, профессиональной и советской жизни. Это есть основной факт, из которого надо исходить. Назад на заводы явились квалифицированные, политически здоровые, очень развитые рабочие. У беспартийных есть отдельные очень крупные фигуры, с которыми сравниться могут только наиболее крупные работники из коммунистов. Нужно найти форму втягивания сначала этих наиболее крупных фигур беспартийных рабочих, а затем и более широких кругов рабочих, в производственную, профессиональную, советскую, а затем и партийную жизнь.

Как всегда, когда выдвигается какой-либо крупный вопрос, связанный с настроениями в широких кругах рабочего класса, немедленно же всплывает вновь и вновь вопрос о роли наших профсоюзов. Естественнее всего было бы, конечно, чтобы, прежде всего, наши профсоюзы открыли гостеприимно двери указанным группам беспартийных рабочих. Естественнее всего, чтобы через наши профсоюзы шло вливание новых пролетарских сил в наши хозяйственные, советские и иные аппараты. Эта задача должна быть поставлена перед нашими профсоюзами на практическую ногу. Нужно еще раз внимательно пересмотреть вопрос о взаимоотношениях между фабзавкомами и партячейками, с одной стороны, между фабзавкомами и профсоюзами—с другой. Профсоюзы принимают слишком мало участия в работе наших хозяйственных органов. Не будем искать виноватого, не будем останавливаться на прошлом. Но для ближайшего будущего профсоюзы должны подойти к производству несомненно ближе, чем это было до сих пор. Мы можем и должны найти подходящую форму контроля профсоюзов и над трестами. Этот контроль ничего не стоил бы, если бы он принял форму обычного бюрократического контроля. Но ему не будет цены, если этот контроль будет основан на привлечении к работе тех выросших и культурно поднявшихся беспартийных рабочих, о которых мы говорили выше.

В нашей собственной внутрипартийной жизни за последнее время, несомненно, наблюдался чрезмерный штиль, местами даже прямо застой. Чтобы сколько-нибудь удовлетворительно разрешить намеченные выше задачи, чтобы оказаться на уровне тех международных событий, которые поглощают теперь все наше внимание, нужно, чтобы внутрипартийная жизнь стала гораздо более интенсивной. Нужно, чтобы внутрипартийная рабочая демократия, о которой мы так много говорили, стала в большей степени облекаться плотью и кровью.

Главная наша беда состоит часто в том, что почти все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз предрешенными. Это суживает творчество всей массы членов партии, это уменьшает самодеятельность «низовых» партячеек. Разумеется, в значительной степени это пока неизбежно. Партия наша построена на принципе демократического централизма. Управляющая такой страной, как наша, Российская Коммунистическая Партия не может не быть строго централизованной организацией. Но в очень значительной степени этот факт об'ясняется и тем, что культурно-политический уровень всей массы членов партии слишком сильно отстал от уровня руководящих слоев ее. Многие лучшие наши работники по постановлению партии целиком заняты хозяйственной или административной работой, не имея, или почти не имея, возможности окунуться в массовую партийную работу среди широких слоев рабочих. Часть товарищей, поставленных исключительно на партийную работу, не всегда оказывается на высоте тех новых громадных требований, которые пред'являют выросшие потребности масс. Партия должна уделить все внимание этим задачам, которые получают сейчас доминирующее значение.

Наши выводы, примерно, таковы:

1) Необходимо еще больше усилить работу партийного воспитания рядовых членов партии. Ибо основной предпосылкой завоевания на нашу сторону широких масс культурно выросших рабочих является более высокий уровень рядовых членов нашей партии.

2) Необходимо пойти навстречу законному желанию поднявшихся на высшую ступень беспартийных рабочих, принять активное участие в производственной жизни своего предприятия, в работе профсоюзов и советов.

3) Необходимо, чтобы профсоюзы подошли ближе к производству, от которого они, вопреки резолюциям партс'ездов, отрываются. Необходимо обдумать подходящую организационную форму для участия профсоюзов в контроле над трестами.

4) Необходимо заново поставить и разрешить на основе нынешнего состояния рабочего движения вопрос о взаимоотношении фабрично-заводских комитетов с партячейками, с одной стороны, и фабрично-заводских комитетов с профсоюзами—с другой.

5) Необходима систематическая суровая борьба против злоупотреблений отдельных трестовиков и хозяйственников вообще, как и против всех так называемых «излишеств».

6) Необходимо начать систематическую работу по вовлечению в ряды нашей партии тех беспартийных рабочих, которые рвутся к активному участию в общественной жизни и которые, в сущности говоря, очень близки нам по духу.

7) Без излишних громких слов о святости принципов рабочей демократии, необходимо внутрипартийную рабочую демократию применять на деле—усилить свободную дискуссию в партии по общеполитическим, хозяйственным и другим вопросам. В особенности привлечь внимание рядовых членов нашей партии к жгучим вопросам производственной жизни.

Пишущий эти строки вполне отдает себе отчет в том, что настоящей статьей вопросы эти только поставлены, но не разрешены. Действительное разрешение эти вопросы получат лишь в результате обмена мнений внутри нашей партии. Подытожив коллективный опыт нашей партии, мы найдем те практические мероприятия, которые приведут нас к цели. А найдя их, мы лучше всего преодолеем те искривления, которые представляет собою идеология «рабочей группы» или «Рабочей Правды». Об этих последних—в другой раз.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

От редакции. Помещая статью тов. Зиновьева, редакция ставит на дискуссию затронутые в ней вопросы. Редакция усиленно приглашает товарищей из партячеек, фабзавкомов, профсоюзов и т. д. принять участие в этой дискуссии. Редакция охотно даст место также письмам, статьям и заметкам беспартийных рабочих.

ЛЕНИН.

Есть имена, которые говорят своим современникам больше десяти томов ученых трактатов, которые более содержательны, чем всякие программы, которые светят как маяки и указывают человечеству на его дальнейший путь. Такие вожди являются воплощением страстей, подвигов, стремлений, исканий, мечтаний и порывов своих лучших современников. Таким именем в наше время для пролетариата, собирающегося завоевать весь мир, является Ленин.

Ленин—это не только название любимого вождя, это—программа и тактика, катехизис веры и философское миросозерцание одновременно.

Ленин—это ненависть, пламенная ненависть к угнетению и эксплоатации человека человеком, это презрение ко всем предрассудкам и их священнослужителям. Ленин—это учение о всесильной материи, отвергающее всякое сверх'естественное и божественное; Ленин—это царство чистого разума, не признающего никакой мистики.

Ленин—это призыв к отчаянной борьбе против старого мира, но вместе с тем и тактика этой борьбы. Отрицание всяких компромиссов, всяких полумер, всякого соглашательства, но в то же время признание необходимости временами лавировать, маневрировать и отступать—все это воплощение в слове Ленин.

Ленин—это бесконечное увлечение наукой и техникой, это стремление заменить человеческий труд электричеством, радием, внутриатомной энергией быть может. Ленин—символ электрификации, мелиорации и мощного трактора. Ленин—это отрицание всякой веры, кроме веры в неминуемое торжество труда над капиталом, всесильной машины над мертвой природой. Ленин—чего нет в этом слове для борющегося пролетариата? Все проблемы находят в этом имени свое решение. Жгучая ненависть к узкому национализму, милитаризму, к кровопролитным войнам господствующих эксплоататорских классов; чувства братства всех трудящихся на земном шаре, на каких бы языках они ни говорили, какого цвета ни была бы их кожа —все это воплощено в одном этом имени.

Если правда, что красота состоит в контрастах, то Ленин—высшая красота на свете, ибо он—воплощение кажущихся противоречий, ибо Ленин—это динамика и диалектика пролетариата.

Ленин—это Третий Коммунистический Интернационал, но это и новая экономическая политика; это штурм 25 октября и Брестский мир; это подполье, бесконечное двадцатипятилетнее подполье и эмиграция, тюрьма, ссылка и бегство, кружковщина и мелочная партийная работа; но это и диктатура, беспримерная по своей жесткости, это твердая революционная власть и гордый Красный Кремль, диктующий свою волю перепуганному капиталистическому миру.

Ленин—это страдание за идею; это истечение кровью за пролетариат; это борьба при самых невыносимых условиях, без хлеба, без воды, без света и без белья борьба против целого мира вооруженных до зубов врагов. Но Ленин—это и борьба с ленью, борьба с бюрократизмом, борьба против длинных статей в рабочих газетах и длинных резолюций на с'ездах.

Ленин—это символ разрушения до основания, разрушения без колебаний всяких ценностей для достижения победы; но это и символ восстановления хозяйства, повышения продуктивности труда и бережного отношения к каждой народной копеечке.

Ленин—это замыкание в узком кругу единомышленников — верных последовательных революционных марксистов, создание фракции, помещающейся на одном диване, это «раскольничество» и «сектантство»; но Ленин—это и сплочение миллионных масс борцов от Северного до Южного полюса, это единая коммунистическая партия Красного Земного Шара.

Да здравствует же т. Ленин!

И. ЛИТВИНОВ.

РЕВОЛЮЦИЯ НА СЕЛЕ.

Что получила деревня.

Злобное кольцо враждебных государств всемирной буржуазии не первый год окружает нашу советскую страну. То открытым нападением, то тихой сапой хотят они свалить власть рабочих и крестьян у нас, справедливо опасаясь, что иначе такая власть распространится в конце-концов и на их страны, погибнет и там господство помещиков и капиталистов.

Когда в Европе спокойно—несколько затихают внешние проявления ненависти к нам. Когда там начинает чувствоваться гроза, вспыхивают ярче огни гнева и недовольства пока еще подавленных европейских рабочих —тогда растет беспокойство европейской буржуазии и относительно нашего существования, тогда острее хочется ей скорее потушить наш опасный для нее, наш заразительный для ее рабов очаг трудовой свободы. Задача погубить, уничтожить рабоче-крестьянскую республику становится все неотложнее для государств капиталистов, чем ближе делается возможность советской революции еще в какой-нибудь крупной стране сверх России. Ведь тогда будет уже два опасных очага, задавить их будет еще труднее, пример будет еще заразительней, убытки еще больше,—так надо торопиться пока не поздно.

Вот почему приближение революции в Германии означает вместе с тем рост опасности и для нашего Советского Союза со стороны остающихся еще крупных буржуазных государств и их вспомогательных пограничных образований. Мы вступаем в период истории, чреватый великими последствиями. Большинству населения нашей страны, 90 милл. чел. крестьянской бедноты и крестьян-середняков, необходимо трезво посмотреть правде в глаза и твердо дать себе отчет, чего держаться, за что стоять.

Шесть лет продолжается наша революция. Что получила от нее деревня, за что ей следует постоять? Мы думаем, что основными являются здесь восемь пунктов.

Во-первых, деревня получила союз с рабочим классом вместо того, чтобы идти на поводу у буржуазии и господ помещиков.

Во-вторых, деревня получила освобождение от мучительного ее высасывания помещиками (за аренду земли и пр.) и помещичьим царским правительством. Если сложить вместе дореволюционные платежи помещикам за аренду и землю и прямые и косвенные налоги (напр., на водку) царскому правительству, — то получается вдвое больше, чем все теперешние прямые и косвенные налоги вместе.

В-третьих, деревня получила около 50 миллионов десятин земли бывшей помещичьей, монастырской, казенной, удельной.

В-четвертых, деревня получила политические права: дворянские начальники не секут более крестьянина розгами, не надо ломать шапку перед барином, крестьянин выбирает в советы и участвует в управлении всей страной.

В-пятых, деревня переживает невиданный в ней ранее рост общественной культуры. Всевозможные доклады уполномоченных из города на деревенских собраниях, участие крестьян в частых районных, уездных, губернских и иных конференциях и с'ездах по всяким поводам, массовая политическая школа участия в Красной армии,—все это разбивает прежнюю обособленность, захолустность крестьянина, разбивает отрезанность его от широкого мира общественной жизни, устраняет прежнюю робость, отсталость, ограниченность, бездейственность мысли. Вырабатывается постепенно новый общественно-психологический тип свободного сельского гражданина с развивающимся чувством личного достоинства, которого не знала старая Россия.

В-шестых, деревня получила быстрое восстановление своего хозяйства после тяжелой опустошительной семилетней войны. Голод, мор, запустение, нищета охватили целые губернии к концу войны (к 1921 г.). Но так как на крестьянской шее не сидит теперь помещик, то достаточно было при советском строе пройти трем годам (1921—1923 гг.), как крестьянство восстановило свои посевы уже почти до 90 проц. довоенных размеров крестьянского земледелия. Одновременно дан заметный толчок стремлению к агрономически-техническим улучшениям, закладывающему основания будущего прогресса.

В-седьмых, усилился приток в деревню промышленных изделий как-раз за эти последние годы. Несмотря на недостигнутое еще соответствие городских и деревенских цен, несмотря на обильную дань, взимаемую буржуазными торговыми посредниками,—крестьянин получает теперь уже гораздо более промышленных изделий, чем пару лет назад. Начинают уже сказываться усилия советского государства по восстановлению промышленности, и дальнейшее ее расширение решит вопрос и о ценах. Увеличение количества промышленных изделий в стране, к которому так настойчиво стремится пролетариат, сделает их более доступными и по цене.

В-восьмых, наконец, деревня получила зачатки коллективизации сельского хозяйства, которая должна вывести крестьянство на широкий путь к социализму. В некоторых частях страны это дело двинулось уже заметно вперед, напр., в Одесской губ. коллективы (об'единенные предприятия) беднейших хозяйств занимают уже почти 5 проц. всей сел.-хоз. площади губернии. В дальнейшем, при выдвинутом нашей партией стремлении оказывать энергичное содействие коллективизации крестьянского хозяйства (предоставлением для этой цели льготного государственного кредита и т. п.) и при растущем классовом оформлении разных слоев деревенского населения—можно ожидать еще более быстрых результатов на этом пути.

Таковы основные достижения. Конечно, деревня не получила еще в массе ни тракторов, ни электрификации, ни газет, ни коммунистических организаций (пока приходится один сельский коммунист на четыре деревни). Бесконечно широко еще поприще для дальнейшей работы по улучшению. Но завоевано главное: простор для этой работы, возможность этой работы без помех со стороны помещика и капиталиста. Отстоять непоколебимо эту возможность —вот основная задача советского крестьянства в седьмой год советского строя, в год больших возможных опасностей и несомненных успехов.

Колесо истории сдвинулось, и ничто не в силах остановить его движение.

Ю. ЛАРИН.

Новая деревня.

Революция расчистила деревне путь к новой жизни, она уничтожила все остатки крепостного права, выбила из дворянских гнезд паразитов и открыла настежь двери к новому строительству.

На наших глазах растет новая деревня, потрясенная, измученная, истерзанная тяжкими испытаниями империалистской и гражданской войн, растет непрерывно.

Чувствуется небывалая динамика деревни, и мы лишь по скромности своей не кричим на весь мир о своих достижениях. Но эти достижения есть, они прошли через всероссийский смотр на Всесоюзной выставке минувшим летом.

Было бы преступлением смотреть на нашу новую деревню через розовые очки.

Нет, положение нашей деревни тяжелое, она потребует еще не один год для того, чтобы стать на ноги, но она встанет, в этом нет никакого сомнения.

А «ножницы», падение цен на хлеб, растущая безработица в деревне? Разве это не признаки упадка? Где же тут рост, где развитие?

Да, по всему великому Советскому Союзу из деревень и сел несутся вопли на дешевизну хлеба, на расхождение цен на продукты городской промышленности и сельского хозяйства.

Что делать с дешевыми ценами на хлеб? Вот проблема, вот задача, которая поставлена со всею откровенностью и нескрываемою опасностью перед советской властью.

Она была бы неразрешима, если бы у власти не стояли рабочие и крестьяне. Она привела бы крестьянство к полному вымиранию, если бы не было Октября.

Но теперь, когда все ценности: земля, леса, фабрики, заводы, ископаемые находятся в руках того, кто все ценности создает, кто поливает своим потом землю, теперь не может быть неразрешимых вопросов. И они будут разрешены.

Крестьянство принимается лечить свой недуг собственными средствами.

Как же новая деревня разрешает вопрос о низких ценах на хлеб?

Она отвечает делами своих передовых мастеров земельного цеха: Яриловых, Седовых, Логановых, Кузнецовых, Чекуновых и многих других, мощным под'емом производительности своих полей.

Пусть будет хлеб дешевый, но для того, чтобы деревня поправилась, разбогатела, удвоим, утроим урожайность наших полей,—так отвечает наше передовое крестьянство.

И не на словах, а на деле: посевная площадь в этом году выросла на 10 милл. десятин; количество молодняка увеличилось на 10, 20 и даже 44 проц.; снова занимают свое место специальные культуры.

Перед новой деревней стоит новая программа, которая далека от фантастических планов и которая сейчас уже осуществляется.

Землеустройство. Оно идет полным ходом по всем необозримым пространствам Союза.

Земельный кодекс дает широкий простор инициативе крестьянства к осуществлению свободных форм землепользования.

Технический аппарат работает бессменно.

Правда, в этой грандиозной работе наблюдаются и болезненные явления: возникают миллионы спорных земельных дел. Но они уже не носят прежнего затяжного, волокитного характера. Дела разрешаются, и многие—непосредственно самими крестьянами в волостных земельных комиссиях.

Землеустройство — это освежающий вихрь, который разметет последние остатки старой деревни и откроет широкий простор новому строительству.

Новая деревня должна превратиться в сильный внутренний рынок, способный поднять колоссальный спрос на городские товары и оплатить их.

Новая деревня чутко прислушивается и тому, что делает город—не только советский, но и зарубежный, западно-европейский.

Она давно уже перестала жить своими узкими интересами и смотреть кругом лишь с высоты своей колокольни.

События в Гамбурге встречают быстрый отклик в ярославской, самарской и томской деревне.

Деревня готовится к испытанию. Она знает, что великие события, назревающие в Западной Европе, отразятся на самой отдаленной и захудалой деревушке. Она готова к работе для поднятия и развития своего хозяйства и она шлет привет красному городу и говорит ему:

— Ты хочешь излишки хлеба? Мы дадим их! Но ты, город, позаботься о том, чтобы ни одна сельскохозяйственная машина не лежала на твоих городских складах. Давай машину сюда, на землю, на хозяйственный фронт. Доверяй новой деревне, она сторицей отплатит за поддержку.

Ты хочешь, чтобы земельный кодекс вошел в силу? Давай работников, давай с.-х. литературу, поддерживай сельскохозяйственную кооперацию, держи смычку твоих трестов с нашей потребительской кооперацией и уничтожай посредников без остатка.

До новой деревни дошли слухи об открытии центрального сельскохозяйственного банка.

Деревня приветствует красный город и говорит: Сей смело семя. Кредит на сельское хозяйство—залог развития и процветания промышленности и под'ема всего народного хозяйства.

П. ГУРОВ.

На хозяйственном фронте.

Хозяйственный фронт является в конце концов решающим. Весь непосредственный смысл революции—в под'еме материального благосостояния масс, в переходе от того состояния, когда живут, чтобы есть, к тому состоянию, когда едят, чтобы жить. До сих пор жизнь без страха лишиться куска хлеба была уделом небольшой кучки эксплоататоров; в результате революции такой должна стать жизнь всех трудящихся.

Сила революции в том, что она завоевывает людей, массы трудового населения. Революция неизбежно ведет к временной хозяйственной разрухе. Уже поэтому основная сила ее не в мощной технике, а в мощном влиянии на людей, без которых самые лучшие машины—только груды железа и стали.

Но влияние ее на людей, как в стране пролетарской революции, так и в странах капиталистического рабства, стоит в прямой непосредственной зависимости от хозяйственных успехов революции. Под'ем руководимого пролетариатом хозяйства не только укрепляет армию пролетарской революции, как вооруженную, так и невооруженную, но и разлагает армию капитала.

Наоборот, отсутствие успехов на хозяйственном фронте не только ослабляет революцию изнутри, но и ухудшает ее внешнее положение.

Разумеется, сказанное выше не имеет в виду эпохи гражданской войны. Всякий рабочий знает, что борьба требует жертв, не только гражданская война, но даже обыкновенная экономическая стачка.

Но после победы пролетариата и его союзника—крестьянства в гражданской войне, мера хозяйственных успехов становится мерой укрепления революции.

Это было бы верно и в случае полной победы пролетарской революции, в случае удержания всех ее завоеваний.

Это тем более верно в условиях неполной победы (полной политической и неполной экономической победы пролетариата), в условиях частичного отступления пролетариата, вынужденного отказаться от части своих революционных завоеваний, чтобы обеспечить остальную.

Если пролетариат, господствующий класс нашего общества, вынужден терпеть существование капиталистической оболочки, вынужден допускать частную капиталистическую эксплоатацию в пределах той территории, над которой развевается пролетарское красное знамя, то это социальное унижение победившего пролетариата [1]), само по себе отнюдь не содействующее укреплению пролетарской революции ни в пределах территории, ни вне последней, может быть уравновешено—и даже более чем уравновешено—лишь хозяйственными успехами.

Пролетариат восстанавливает свое (государственное) хозяйство собственными силами; участие капитала в крупной промышленности и транспорте—речь могла бы идти об участии иностранного капитала—покуда ничтожно. Но осуществить под'ем всего народного хозяйства силами и методами пролетариата в наших условиях—при наличии громадных масс мелких товаропроизводителей и при разрухе, унаследованной от времени трехлетней империалистической и трехлетней гражданской войны—невозможно. Легшее в основу нашего общественного строя классовое сотрудничество пролетариата и крестьянства построено поэтому на признании рынка, откуда в наших условиях вытекает и допущение—в известных рамках—деятельности капитала. Со своей стороны капитал на отведенную ему роль—действовать на почве и в рамках советского общественного строя—пошел лишь после того, как его открытые контр-революционные выступления в гражданской войне за власть во всем ее об'еме потерпели полную неудачу.

Когда около полугода тому назад [2]) я ставил вопрос: развивается ли новое созидаемое пролетариатом общество в условиях отступления пролетарской революции; создает ли переходный советский строй условия для развития производительных сил всего общества и крупного хозяйства, находящегося в руках пролетариата; является ли пролетарский режим прогрессивным режимом и является ли этот прогресс прогрессом пролетарского общества, — то ответ приходилось давать на основе данных за год беспримерного голода и за несколько месяцев первого года, протекшего без войны и без неурожая.

Теперь этот первый год более или менее спокойной работы позади нас, и успехи народного хозяйства СССР и государственного пролетарского хозяйства вырисовываются еще более выпукло. Мы остановимся здесь лишь на нескольких наиболее важных пунктах в дополнение к данным, приведенным в указанной выше статье.

Валовая продукция 12 важнейших отраслей промышленности составила (по довоенным ценам):

в 1-й половине 1922 г.	372,3 милл. р.
во 2-й половине 1923 г.	525,6 милл. р.
Прирост	+ 41 проц.

Прирост (для этих же отраслей промышленности) в 1922 г. против 1921 г. составил + 37 проц. Под'ем крупной промышленности и в первой половине 1923 года шел все еще ускоряющимся темпом.

В результате валовая продукция этих отраслей промышленности составила уже свыше трети довоенной, в то время, как в 1920 г. она составляла только около одной шестой.

Особенно сильно выросли (по своей валовой продукции):

бумажная промышленность	+154%
металлическая промышленность	+ 69%
табачно-махорочная промышл.	+ 68%
кожевенно-обувная промышл.	+ 58%
химическая промышленность	+ 56%
электротехническая промышл.	+ 55%

Кроме них значительно выросла валовая продукция текстильной промышленности (на 34 проц.).

Продолжался рост и производительности труда.

Валовая продукция (по довоенным ценам) на одного рабочего составила (по тем же 12 отраслям промышленности):

в 1-й половине 1922 г.	522 руб.
в 1-й половине 1923 г.	648 руб.
Прирост	+ 24 проц.

Производительность труда составила в 1-й половине 1923 года почти $2/3$ довоенной.

Продолжался и рост числа промышленных рабочих: на 1-е января 1923 г. их оказалось почти полтора миллиона, т.-е. больше по сравнению с числом их на 1-е июля 1922 года на 15 проц. (некоторая небольшая часть этого прироста об'ясняется большей полнотой учета).

В результате в первый раз за время революции крупная государственная промышленность переходит к тому, чтобы стать не только безубыточной, но даже прибыльной.

Предварительный бюджет государственной промышленности на 1923—24 г., утвержденный ВСНХ, предполагает —при общей сумме валовой продукции почти в два миллиарда товарных рублей (1.993 милл. руб.)—получение 323 милл. дохода от промышленности, из них 147 милл. прибыли и 176 милл. налогов и акцизов [3]); в том же году государство предполагает выдать работающей промышленности дотации в размере 65 милл. товарных рублей и ссуд на срок свыше года 14½ милл. руб. (кроме того, на консервацию и концентрацию около 26 милл. руб.).

Часть прибыли промышленность затратила на увеличение запасов сырья, топлива и проч. (в общем, на 79 милл. руб.) и, кроме того, будет нуждаться в оборотных кредитах.

Из всех отраслей промышленности убыток предположен лишь по металлопромышленности, и то небольшой (около 1½ милл. руб.).

Безубыточность и даже прибыльность государственной промышленности из области благих пожеланий переходит в область действительного.

О под'еме народного хозяйства в целом свидетельствует продолжающийся рост грузооборота на железных дорогах. За вторую четверть 1923 года он возрос по сравнению со второй четвертью 1922 года на 10 проц.

Сельское хозяйство впервые в нынешнем году дало излишек, оцениваемый, примерно, в 200 милл. пудов хлеба для вывоза за границу. Посевная площадь нынешней осенью снова расширилась. О размерах роста сельского хозяйства свидетельствует и падение цен хлеба и других продуктов сельского хозяйства. Это падение имело место потому, что, несмотря на рост промышленности и ее спроса, предложение продуктов сельского хозяйства было все же слишком велико.

Прежний вывод, гласивший, что пролетарский режим оказался режимом прогрессивным и что прогресс этот является, в первую голову, прогрессом пролетарского государственного хозяйства, таким образом, всецело подтверждается данными последнего времени.

Этот под'ем народного хозяйства осуществлен на основе применения по преимуществу методов рыночного хозяйства. Уже поэтому он не может быть непрерывным.

Блестящий под'ем крупной промышленности был обусловлен в значительной мере высокими ценами на продукты промышленности и низкими ценами на продукты сельского хозяйства. Сельское хозяйство толкало вперед развитие промышленности, которое, в свою очередь, вызывало под'ем производства промышленного сырья, следовательно, переход сельского хозяйства от его продовольственного направления к сырьевому и, значит, к интенсификации сельского хозяйства.

Расхождение цен, с одной стороны, делает возможным снижение цен продуктов промышленности, как только наметился перелом в рыночной кон'юнктуре (до того их снижение при господстве частного капитала в розничной торговле означало, прежде всего, увеличение его прибыли), а с другой стороны,—таит в себе опасность того, что это снижение произойдет стихийно в форме общего торгово-промышленного кризиса, связанного с сокращением производства, безработицей и прочими спутниками кризиса.

Непрерывное расширение промышленности при непрерывном росте цен продуктов промышленности и непрерывном падении цен продуктов сельского хозяйства должно было привести в конце концов к тому, что спрос на продукты промышленности со стороны сельского хозяйства должен был оказаться меньше, чем предложение со стороны промышленности, т.-е. к кризису сбыта для промышленности.

Капиталистические кризисы были обычно очень мучительны, ибо для капитала допустимы лишь такие меры борьбы с кризисом, которые не затрагивают прибыли.

В ином положении находится пролетариат, хотя бы он вел и товарное хозяйство.

Так называемая прибыль для пролетариата—только фонд расширения производства. Ради расширения производства, ради обеспечения своего будущего он урезывает свою заработную плату, как ни скромна она еще до сих пор.

Но когда наступает кризис сбыта, то пытаться сохранить прибыльность промышленности путем сокращения ее продукции означало бы не понимать смысла так называемой прибыли для пролетариата.

Для капитала лучше сократить производство вдвое, если сохраняется прежняя норма прибыли.

Для пролетариата лучше отказаться на время от прибыли, но не сокращать производства.

Если невозможно расширение промышленности (кризис сбыта), задачей дня становится поддержание промышленности на данном уровне. Но для этого необходимо сбыть ее товарные излишки.

Это возможно, если отказаться от прибыли и на величину ее понизить цены продуктов промышленности (и даже больше, так как такое понижение понижает одновременно с доходами и расходы).

Сжатие промышленности означало бы уменьшение спроса самой промышленности и рабочих на продукты промышленности, с одной стороны, и на продукты сельского хозяйства—с другой, т.-е. дальнейшее углубление кризиса и, кроме того, повышение себестоимости продуктов промышленности, т.-е. новые затруднения в будущем.

Напротив, понижение—в известных пределах — цен создает возможность выхода из кризиса, если это понижение носит характер всеобщности, т.е. распространяется почти на все отрасли промышленности (тогда каждая отрасль не только меньше получает за свой продукт, но и меньше платит за продукты других отраслей) и если многочисленные связанные с понижением цен мероприятия в различных областях народного хозяйства, согласованы друг с другом.

Рынком сбыта для продуктов промышленности является и пролетариат. Чтобы расширить этот рынок сбыта, необходимо, чтобы заработная плата не снижалась соответственно понижению цен продуктов промышленности.

Вместе с тем, самый кризис сбыта при наличии сотен тысяч безработных ставит вопрос о мерах предупреждения кризиса в будущем. Он требует от нас усиления плановой работы, безапелляционная оценка которой в том виде, как она велась до сих пор, дана нынешним кризисом. Он требует укрепления внутренних связей государственного хозяйства, представляющего само для себя колоссальный рынок, анархия которого может и должна быть преодолена, ибо мы еще не достигли таких хозяйственных успехов, которые твердо обеспечивали бы завоевания революции от опасности, связанной с всеобщими потрясениями народного хозяйства.

Л. КРИЦМАН.

[1]) Конечно, относительное унижение, умаляющее, но не уничтожающее его господства и ни в коей мере несравнимое с уделом пролетариев в странах капиталистического рабства.

[2]) См. «Правду» от 16 июня 1923 г., ст. «Два года новой экономической политики пролетариата СССР».

[3]) [illegible]

Юбилей контр-революции.

Такие юбилеи справляют ежегодно наши враги.

Не особенно радостна была для них первая годовщина октябрьского переворота. Истекший год не оправдал их надежд на скорое — «через две недели» — падение советской власти.

Горько плакала в этот день меньшевистская «Борьба» над разбитым корытом «демократических» иллюзий.

«Накануне октябрьского переворота революционная Россия была как невеста в брачном венце и наряде. Прошло несколько месяцев — сорван с чела ее брачный венец, втоптан в грязь ее светлый наряд. Над развалинами России воцарился большевизм — [illegible] культурного мира» («Борьба», 7—XI—1918).

Не состоялось бракосочетание России с антантовским империализмом. Зато как счастлива меньшевистская Грузия! Она нашла своего суженого — бравого вильгельмовского генерала...

* * *

Прошел еще год. Раздавленная адмиральским сапогом, бесславно скончалась эсеровская учредилка.

Мудрая газета меньшевистской Грузии, успевшей к тому времени от немецкого генерала перейти на содержание к английскому, также закупалась над живучестью советской власти, «несмотря на свое банкротство сумевшей продержаться два года».

Но черная реакция не теряла надежды, вещала:

«Доблестные добровольческая, донская и кавказская армии — с торжеством [illegible] «Вечернее Время» — вышли на широкую московскую дорогу... Ген. Юденич железным кольцом охватил «красный» Петроград. Армии адмирала Колчака в неудержимом порыве сбивают красных и идут к Волге... Антанта протягивает нам дружескую руку. Японские войска сражаются бок о бок с сибирскими стрелками. Французы посылают нам ген. Манжена. Брат итальянского короля просит главнокомандующего. Двухлетний небывалый кошмар близится к концу. Великая, единая и неделимая Россия встает во весь свой великодержавный рост». («Веч. Вр.», 25—X—1918).

Белогвардейско-антантовское счастье было «так возможно, так близко!» Однако, уже катились назад деникинские банды. За ними последовали Колчак и Юденич. И к третьей годовщине от белогвардейской «Великой России» осталось лишь недоброе воспоминание в виде крымской сатрапии Врангеля.

* * *

К третьей годовщине белогвардейцам было не до юбилея. После явного краха белогвардейских авантюр «Борьба» решилась сделать «попытку понять социалистическое и политическое значение октябрьского переворота».

Результат получился изумительный.

«Дата 25 октября будет датой крушения великой нашей эпохи. 25 октября — не день рождения нового мира, а один из самых страшных дней среди тех, когда судороги смертельных конвульсий [illegible] старого мира». («Борьба», 7—XI—1920).

Философия — вполне достойная меньшевистских мудрецов!

* * *

Четвертую годовщину белогвардейцы встретили в еще более пониженном настроении.

«Когда-то в доброе старое время, — грустно писала суворинская газета, — со словом «юбилей» соединялось представление о чем-то радостном, торжественном, возвышенном. Теперь III Интернационал, в числе самое большее нескольких сот человек, празднует свой юбилей. Юбилей совершенно неслыханного, небывалого в мировой истории позора».

И, обращая укоризненный взор на «Европу», «Новое Время» просит ее об избавлении от этого «позора», чтобы вновь можно было вернуться к тем «добрым, старым временам», когда вместо Октябрьской революции «радостно и торжественно» справлялись юбилеи «дома» Романовых.

«Позорная и кошмарная годовщина, — вторя «Новому Времени», кричит на всю Европу эсеровский «Голос России», — не последняя ли она? Не решаясь предсказывать, не смея пророчить, мы не можем, однако, не выразить нашей внутренней веры в то, что царству преступных банкротов близится конец... Да будет эта годовщина последней!»

Еще неистовее вопит бывший эсер Бурцев в своем «Общем Деле»:

«Проклятье вам, большевики!.. Смерть вам, предатели!

Пусть будет благословенна рука того, кто решится избавить от вас родину...

Мы хотим верить, мы верим, мы убеждены, что мы накануне полной победы над большевиками и накануне возрождения Великой России».

Бурцевское «Общее Дело» не дожило до пятой октябрьской годовщины. Не дожил до нее и истошный «Голос России». Их пожелания исполнились. Четвертая годовщина Октября действительно оказалась для них последней.

* * *

Не «[illegible]» насчет «последней годовщины», белогвардейцы справляли пятилетний юбилей советской власти без всяких предсказаний.

Эсеровские «Дни», бия себя в грудь, с дрожью в голосе клялись и божились:

«Мы — враги. Но если бы мы, враги, могли увидеть хотя какую-нибудь маленькую, захудалую звездочку среди сплошных туч российского ночного неба! Где найти тот телескоп, в который на российском горизонте усмотрелась узкая полоска зари?» («Дни», 7—XI—1922).

Советская власть крепнет с каждым днем, а ее враги беспомощно ищут для себя хотя бы какой-нибудь захудалой «звездочки».

А. УСАГИН.

Рабочие-добровольцы на помощь деревне.

На XI с'езде партии тов. Ленин крепко вбил нам в головы очередной «гвоздь» положения: «сделать так, чтобы простому рядовому трудящемуся человеку было понятно, что он получил какое-нибудь улучшение, что коммунисты ему сейчас помогают на деле».

Заблуждаться нечего: революция еще мало принесла деревне непосредственно-ощутимых улучшений. Она не только не улучшила материального положения деревни, но, наоборот, потребовала от крестьянина огромных жертв на «издержки». Основное же завоевание революции — землю — крестьянство до сих пор еще не осилило из-за недостатка инвентаря: площадь посевов еще не достигает довоенных размеров.

Во время революции город показал себя деревне далеко не с положительной (в ее глазах) стороны. Из города приходили новые люди, говорили хорошие, даже приятные (хоть часто и малопонятные) речи, но делали совсем плохие дела: брали хлеб, уводили скот, забирали людей опять на войну, командовали, начальствовали в деревне, заводили свои непонятные, тяжелые порядки...

Медленно, туго усваивала все это деревня, проявляла недовольство, бунтовала... Но жизнь учила лучше коммунистов — жестокая, неумолимая жизнь, пригрозившая возвращением помещика... Медленно, туго перерабатывает деревня уроки революции еще и теперь...

И вот, по слову тов. Ленина, советский город начинает давать деревне нечто прямо противоположное. Приходят в деревню рабочие-шефы. Сторонятся от них деревни, по привычке смотрят недоверчиво... Но шеф ничего не берет, шеф даже не вертит языком по «текущим моментам», шеф сам дает, шеф является не в качестве командира, начальника, администратора, а в качестве товарища по труду, который братски помогает советом и ДЕЛОМ.

Небывалый эффект! Сильнейшее впечатление!

У нас нет точных сведений о результатах шефства с количественной стороны. Тем не менее, смело можно сказать, что результаты первого короткого периода шефства (около года) очень значительны.

Благодаря шефству в деревню попали, в виде добровольного дара рабочих, тысячи орудий земледельческого труда, сотни сельскохозяйственных машин, сотни тысяч газет, журналов, книг, учебников и не одна сотня тысяч рублей деньгами.

Благодаря шефству, в деревне дружеской рукой рабочего-добровольца построены вновь или восстановлены десятки очагов культуры в виде домов крестьянина, народных домов, изб-читален, школ, курсов, кружков.

Благодаря шефству в деревне, силами рабочих-добровольцев закреплены десятки прочных узлов хозяйственной связи с деревней в виде усиленных или вновь открытых кооперативов, небольших электростанций, ремонтных и других мастерских, проложенных электропроводов и т. п.

Наконец, благодаря шефству проведены в деревне тысячи самых удачных, сопровожденных деловой помощью, митингов, и тысячи агитаторов-добровольцев рабочих побывали по крестьянским избам желанными гостями.

Мечта тов. Ленина о том, чтобы мы сделали для деревни что-нибудь ПОМИМО ОФИЦИАЛЬНОГО БЮДЖЕТА, ПОМИМО ОФИЦИАЛЬНЫХ СНОШЕНИЙ, осуществилась в значительной мере. Не забудем, что это — только еще начало, что сам рабочий только еще выбирается из нищеты, что и наш государственный бюджет еще тощ до крайности.

Результаты шефства с качественной стороны еще более значительны. Это — укрепление и создание новых, живых, небывало прочных связей между рабочими и крестьянами, хозяйственное, политическое, культурное, бытовое сближение, смычка между городом и деревней, под'ем общего хозяйственного и культурного уровня деревни.

Под влиянием шефства деревня буквально перерождается. Темнота, дикость, хулиганство, пьянство, самогонщина отступают, прячутся в углы, в подполье, исчезают. Шефство подняло работу сельских партийных ячеек, укрепило и усилило их влияние в деревне. На членов сельских ячеек шефство повлияло положительно в том смысле, что расширило круг их знаний, а главное — подняло их настроение, заставило подтянуться, отойти от обывательщины, предрассудков, иной раз — от самогона и т. д.

Далее шефство много способствовало улучшению и укреплению местных административных и общественных учреждений. При помощи шефов производилась чистка сельских советов, правлений кооперативов, комитетов [illegible] и комитетов крестьянской взаимопомощи, выводилось из советских и общественных учреждений административное самодурство, грубость, волокита, взяточничество, предпринималась энергичная борьба с самогонщиной и т. д.

Наконец, на самих рабочих, участников поездок, шефство оказало благотворное влияние в смысле повышения их общего развития от всего виденного и слышанного, в смысле пробуждения новых интересов, мыслей и чувств, тяги к пополнению своих знаний, чтобы дать ответы на все вопросы крестьян и т. д.

Перед нашей деревней рабочая революция открыла безграничный простор. Сознание, психология крестьянина сильно сдвинулись в сторону заинтересованности рабочим, его жизнью и трудом, фабриками и заводами, советскими городами, мероприятиями советской власти и коммунистической партии. «Мужик», «дядька», уже иначе смотрит на рабочего. Крестьянин тянется на завод, в город, где он чует биение новой жизни. Место прежней отчужденности занимает сознание братской близости и понимание рабочего.

Шефство повело к непосредственному знакомству тысяч отдельных крестьян и рабочих между собою во время поездок, ночевок и т. д., — к знакомству личному, но вместе с тем такому необыкновенному, когда целый завод приезжал в гости к целой деревне! Шефство повело к непосредственному общению крестьян с рабочими-гостями (в деревне) и рабочих с крестьянами-гостями (на фабриках и заводах). Шефство повело к непосредственному ознакомлению рабочих с бытом и трудом крестьян, а крестьян — с бытом и трудом рабочих.

Шефство породило и воспитывает в крестьянах и рабочих те новые, общие для них, бодрые, подымающие чувства, мысли, настроения, великое значение которых можно сравнить разве лишь с боевой спайкой крестьянина и рабочего в Красной армии во дни гражданской войны, — те чувства, настроения, мысли, которые перерождают человека, вырывают его из строя старых чувств, настроений, мыслей, воспитывают в нем человеческие элементы новых коммунистических отношений.

Самое важное, великое значение шефства в том, что оно знаменует собой новый поход рабочего в деревню, но уже не в качестве командира, администратора, сборщика, а в качестве товарища по труду, не с целью распорядиться и взять, а с целью дать, братски помочь советом и ДЕЛОМ.

Город у нас начинает давать деревне обратное тому, что город давал при капитализме, — отметил острый глаз т. Ленина еще 10 месяцев тому назад. Советский пролетарский город начинает подымать деревню до себя, пересоздавать ее по своему образу и подобию. Шефство усиливает это влияние неофициальными, общественными путями, товарищескими групповыми и личными воздействием.

Помимо прямых результатов, шефство дало немаловажные косвенные результаты. Прежде всего шефство сразу внесло свежую струю во всю работу [illegible]. Рабочий советский город начинает давать деревне то, что капиталистический город никогда не давал и не мог давать. В короткое время наша деревня достигнет таких успехов, какие заграничной и не снились. И уже начинает достигать. В этом убеждает нас все, что сейчас в деревне делается, и в частности шефская работа.

Именно в силу чрезвычайной отсталости нашей деревни в ней возможны настоящие чудеса, возможна самая плодотворная работа. Как стихия, долго и насильно сдерживаемая и наконец прорвавшая преграду, крестьянство неудержимо стремится вперед, к улучшению своей жизни.

Шефу остается лишь отвечать настойчивым запросам, лишь направлять рвущуюся стихию, иногда посильным толчком пробуждать к деятельности накопившуюся силу!

Партии остается всерьез заняться шефским движением, развить, расширить шефство, как ВСЕСТОРОННЮЮ ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ РАБОЧИХ МАСС ГОРОДА РАБОТНИКАМ ДЕРЕВНИ!

Весело работать на шефство, товарищи!

В. КАРПИНСКИЙ.

В Октябре.

В кровь ли, в грязь ли подошвы хлопали
Все равно, только б голод не сгрыз,—
Нет нигде ни [illegible], ни купли,
Нет в подвалах ни кошек, ни крыс.

Все дожди и дожди. Откуда [illegible]?—
Но остры и кричащи глаза,
Вьется кровь бесшабашною удалью,—
Штык за штык. И азарт на азарт.

Что ж молчит и не действует бог-то?
Или спящим не слышит он пуль?—
В тесной комнате седенький доктор
Чутко слушает медленный пульс.
— Эй, братва! Не будем [illegible]
Что пришли мы на гулкий [illegible],
Что подстрелили мы белого зайца,
Что мы сыщем трусливую дичь.

Ничего, что хлеба осьмушку
Не получим сегодня в срок...
Эй, возьми вот того на мушку,
Заплати ему красный оброк!

Ветер, ветер... Шальная метелица,
Прекрати свой свистящий напев,
Дай верней в эту грудь прицелиться,
Дай огнем погасить этот гнев.
Четко, гулко
Через овраг
В край переулка
Стелется шаг.
К центру за линией,
Там — наша цель.
Ветер все сильнее,
Выше метель.

В такт от [illegible]
Каждый отзыв;
[illegible]
Штык о штык.
Эй, товарищ! Россия на [illegible],
Грудь на ветер. [illegible]
Все, чем жили мы,— к чертовой истории,
[illegible] — в новый день.

Дождь и снег. Снег и дождь. Ненастье.
Время с'едено. [illegible]
Ничего нет красивей на свете
Вдохновенных, упорных глаз.

— Эй, братишка! Ту жизнь покончим потом,—
Ты и крепок, и дерзок, и храбр...
. . . .
Разве можно не помнить вечного?
Разве можно забыть Октябрь?

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

Великие союзники.

Великий ученый и революционер К. А. Тимирязев, открытие памятника которому в Красной Москве мы только-что отпраздновали, еще в 1908 г. предсказывал, что «в мировой борьбе, завязывающейся между той частью человечества, которая смотрит вперед, и тою, которая роковым образом вынуждена обращать свои взоры назад», наука явится орудием победы для первой.

Высшие задачи науки и озаренной ее светом техники лежат как раз в стремлении всю природу во всех ее проявлениях превратить в полезное орудие и в хозяйственную ценность, превратить так называемую «мертвую материю» в живую энергию («наука создала вторую природу», сказал один мудрый ученый), освободить человека от изнурительного гнета грубого труда, вывести его из подземных шахт, вытащить из грязи на земле. Наука порабощает интересам всего человечества запасы энергии природы. Мы знаем, например, что для замены ныне работающих на земном шаре механических двигателей потребовалось бы свыше трех миллиардов рабов, т.-е. вдвое больше, чем все население земного шара, считая женщин и детей.

Борьба за обладание источниками энергии есть основа борьбы человека с человеком. И борьба классов может быть сведена к борьбе за обладание энергией: энергией угля черного (все виды минерального топлива), белого (вода, воздух), синего (горючие газы), красного (кровь человека), энергией, воплощенной в фабриках, машинах — во всем, что является основой благополучия личности. В то же время энергия скажет свое решающее слово во взаимоотношениях людей в процессе производства. Она, особенно в своем последнем, самом молодом и ярком образе — электрической энергии,— создает прочный материальный базис для планомерного обобществленного хозяйства.

«Честно служить знамени энергетики,— заявил тов. Г. М. Кржижановский на 8-м всероссийском электротехническом с'езде,— могут только те работники, социальный кругозор которых ясно охватывает непреложные нужды переходного времени от порядков капиталистических ко все более и более развернутым формам социализма».

И здесь мы подходим к одному из глубочайших противоречий капиталистического хозяйства. Сознавая, что богатство и мощь страны обусловливаются успехами науки и техники, крупнейшие государства Европы и Америки в бешеной скачке стремятся обогнать друг друга в области научно-технических исследований.

Неизбежная погоня за дешевой энергией заставляет выдвигать на очередь грандиознейшие планы электрификации, как, например, план Муррея электрификации Восточных Штатов Сев. Америки. Но все эти короли стали, нефти, короли энергии, содействуя в своих собственных интересах росту науки, развитию техники, тем самым, вопреки своей воле, создают собственных могильщиков.

В своем поступательном шествии техника в первую очередь беспощадно ломает перегородки между отдельными предприятиями, преодолевает формы частного хозяйства, стирает грани между отдельными странами, неразрывными нитями связывает воедино все человечество.

Мы видим, например, как электрическая станция на белом угле у Боденского озера (в Швейцарии) «экспортирует» энергию на юг Франции. Перерезать в одном месте этот электропровод, и вы лишите энергии большую группу предприятий Франции. Мы знаем, например, как беспроволочный телефон и телеграф фактически силою той же электрической энергии одержали блестящую победу над пространством и временем. Теперь мы стоим у порога разрешения задачи передачи на расстояние энергии без проводов.

Нам кажется несомненным, что и последние работы в области строения материи, раскрывшие перед нами картину строения атомов, выявившие их беспокойную, вечно во взаимных столкновениях жизнь, потому так пристально приковывают наше внимание, что здесь наука, приподнимая перед нами завесу своего будущего, показывает головокружительные возможности найти колоссальные запасы энергии внутри самого атома путем его разложения. Одна капля воды может оказаться равноценной десяти вагонам каменного угля, а одного килограмма последнего хватило бы, чтобы в течение двух лет поддерживать движение трех пар поездов между Москвою и Петербургом.

Наука — могучее орудие создания материальной базы социалистического хозяйства — в то же время находит в последнем лучшую почву для своего дальнейшего роста, свободу от необходимости служить чуждым ее природе задачам и полную возможность осуществлять свои конечные цели: «предвидение и пользу» (по определению Д. И. Менделеева). Обе намеченные цели в сущности сливаются в одну: «в прямую общую пользу», в повышение ценностей нашей жизни.

Не случайным поэтому является, что за годы советской власти русские ученые и русские техники, в тягчайших зачастую условиях войны и блокады, одержали блестящие победы на тропах человеческого творчества. Характерным является, что именно наибольшие успехи достигнуты на путях овладения материей и энергией, победы над временем и пространством и создания надежных средств международной связи. Впервые (по об'ему и широте захвата) в истории России был поставлен вопрос о естественных производительных силах (слова, внесенные в обиход нашей жизни российской Академией Наук), впервые кабинет ученого так сблизился с фабрикой и заводом.

Недостаток места не позволяет нам подробнее остановиться на новом государственном фонде научных работ наших ученых. Мы можем только в день шестой годовщины Октябрьской революции освежить в памяти некоторые главнейшие победы за последние шесть лет на этом важнейшем участке нашего фронта.

Новые алюминиевые руды Урала, блестящие достижения Кара-Бугазской экспедиции, новые запасы платины на Урале и в Сибири за полярным кругом, новые месторождения железной руды на Кольском полуострове, новые жилы циркония и титана, серебро-свинцовые руды Медвежьего острова, залежи графита в районе Верхней Печоры, намечающая новый фонд железных руд курская магнитная аномалия, переоценка рудных запасов Кривого Рога, Биби-Эйбатская нефть, Майкопский нефтяной фонтан, богатые месторождения фосфоритов Верхней Камы, горючие сланцы Поволжья, сапропели, классические работы по удобрениям, гидроторф с химическим способом сушки торфа, блестящие достижения в авиации, создание за годы революции прочного научного базиса нашего авиостроения, последние металлические (из кольчуг-алюминия) самолеты, телефонные трансляции (делающие возможными переговоры по телефону между Питером и Владивостоком), русские катодные лампы, центральная радиотелефонная станция в Москве (передающая без проводов разговор на расстояние до 2.000 километров), радиомузыка, только-что (можно сказать вчера) установленная радиотелефонная связь между Москвой и Берлином, громко говорящий телефон, осуществляемый план электрификации СССР, радиотрансляция и открывающиеся перспективы радиофикации СССР (Москва и Ташкент свяжут Лондон с Индией), первые удачные опыты передачи изображений на расстояние и передачи энергии без проводов и т. д., и т. д.

Все это — блестящие победы Великого Союза Науки и Труда.

М. ЛАПИРОВ-СКОБЛО.

Ранний смотр.

[illegible], сквозь голые [illegible] деревья, пробилась красная зорька, а уже и поля, и деревни, и села, и города зашевелились. Все глаза потянулись туда, где начиналось шествие.

В голове быстрым, не теряющим времени шагом шли плотно и густо партийные ряды. Гул дрожал в самой утробе судорожно-вздрагивающей земли, отдавался за дымной чертой ее, за синими туманами морей, за белеющими вершинами гор. Шли тесно, гулко, быстро, обжигая горячим взглядом. И у каждого в руке ключ от фабрики, завода, школы, от полей, лесов, от человеческого сердца, ключ от рабочего сердца, — гулко, тесно, быстро.

А за ними непомерно чернеющей, далеко пылящейся толпой — рабочие фабрик, заводов, шахт, рудников, и у каждого кривая лопаточка и ведерко с известкой, — строители, строители новой жизни, быта, новых человеческих отношений, нового хозяйства.

А среди них весело идет второе поколение — живые, задорные, подвижные как ртуть комсомольцы, и далеко разносится:

— Мы, молодая гвар-ди-я... мы ра-бо-чих и кре-стьян...

А с ними фабзайчики с ключиками, зубилами, молотками — смена.

А там вприпрыжку — пионеры: рабочие учатся организовываться с пеленок. Так неимоверно нескончаемой массой течет черный поток рабочих, сизовато-задымленный фабричным дымом.

А за ними — мужички в самых разнообразных одеждах, с самыми хозяйственно-разнообразными лицами.

Одни, не отрывая глаз от дали, куда шумящим потоком уходят передние колонны, поспевают за ними. Кто тянет многолемешный плуг коммуны, трактор, кто семена клевера, кто многоудойную свою же выхоженную буренушку.

Другие волокутся и, утопая по колено в беспредельной земле, тянут в ярме трехполку, трепанную лошаденку, безмолочную коровенку, которая ест, только чтобы ходить. Волокутся, утопая в земле, а изрезанные заботой лица просыпающихся легонько уже озарены далекой зорькой, и в полуоткрытые глаза заронились красные искорки.

А в этом движении, как отбросы, шныряют толстенькие буржуи, хозяйчики, кулачки и, испуганно озираясь, помахивая куда попало кадилом, подобрав расу, рысцой бегут попы; да вдруг задерутся, с'едят друг-друга кадилом, святым крестом, и опять рысцой, опять испуганно озираясь и мотая куда-попало кадилом с просыпавшимися углями.

И все это идет и идет, и нет ему конца, и нет ему края.

А по бокам, впереди и сзади, как подвижная защита от бурь и непогоды, железно двигаются красные ряды и искоса режут крылом холодноватый осенний воздух красные летучие машины.

Так от зари до зари проходят, торопясь и не теряя времени, бесчисленные колонны. А по сторонам стоит прошлое, быстро покрываясь пылью от идущих.

Стоят, заволакиваясь, темные призраки царских тюрем, казарм, виселиц, буржуазные треххвостки для рабочих и превосходно сделанные в свое время буржуазными учеными особого рода насосы для высасывания рабочей крови, мозга и пота, и другие машины для переливки этого мозга, пота и крови в блестящие полновесные золотые монеты.

Все это стоит как укор, как воспоминание прошлого, засыпаемое пылью веков, а ведь прошло только шесть лет.

И еще есть в одном месте, в чертополохе и бурьяне, полуразрытый бугорок, и на нем покосившийся осиновый кол с полусмытой дождями надписью: «с...алис... ре....ционер». Видать грязные клочья шерсти. В народе урочище зовется: «собачья могила». Ее неудержимо заносит пылью забвения.

И еще: стоит в сторонке дохлый, облезлый человек на одной деревянной ноге. Одежда истлела, весь в струпьях, нос провалился, глядит одна ноздря, глаз вытек, а яма гнойно заплыла, и где ухо — кишат черви, отвалившееся гнилое мясо на щеках обнажило почернелые куски челюстей и единственный сохранившийся кривой, желтый клык с запекшейся рабочей кровью. Черно-гангренозный распухший язык истекает ядовитой сукровицей, а на из'еденном лбу невытравимо: «измена и предательство рабочей жизни, счастья, будущности».

Один глаз — чтобы видеть позор свой; одно ухо — чтобы слышать бесславие свое; одна ноздря — чтобы обонять тление свое. Стоит, протянув костлявую руку свою — да будет дадено.

И даже пыль забвения не садится на него, доколе не истлеет.

Возле, дожидаясь, лежит осиновый кол. Свежей краской надпись: «Меньшевики».

А. СЕРАФИМОВИЧ.

Две линии экономического развития мира.

Мировой капитализм вышел из империалистической войны потрепанным и обессиленным в Европе, усилившимся и помолодевшим по ту сторону океана. Со времени заключения мира прошло более пяти лет. За эти пять лет в мировом хозяйстве наметилось много новых процессов и тенденций, при чем ни один знающий экономист не решается утверждать, что тенденции восстановления хозяйства и развертывания его являются преобладающими.

Первые месяцы после заключения мира прошли под знаком товарного голода, вызванного истощением товарных запасов за время войны и распределением производительных сил в интересах обслуживания мировой бойни. Переход промышленности на мирные рельсы произошел довольно быстро, но очень скоро обнаружилось, что о восстановлении мирового хозяйства в старых размерах, а главное, с восстановлением довоенных пропорций мирового хозяйства не может быть и речи. Мировой капитализм двинулся вперед по старым проторенным путям, стихийно-автоматически пытаясь вернуться к довоенным соотношениям. Разразившийся кризис показал, однако, что мировая война внесла коренные изменения во всю хозяйственную обстановку. Эти изменения заключаются в следующем: 1) Америка вытеснила Европу из целого ряда пунктов, которые служили рынками сбыта для продуктов европейской промышленности; 2) за время войны очень сильно развилась промышленность национальных и колониальных стран, что также повело к резкому сокращению рынков для европейской промышленности; 3) обнищание Европы уменьшило ее покупательную способность как на продукты промышленности, так и на продукты сельского хозяйства; 4) растрата основного капитала промышленности за время войны в Европе и потеря рынков сбыта ослабили ее производительные силы, сильно замедлили темп накопления и вызвали закупорку сбыта и сокращение платежеспособного спроса на сырье заокеанских стран, что, в свою очередь, вызвало кризис в этих областях в производстве по ту сторону океана; 5) превращение монополии Америки на ввоз в Европу на основе кредита продуктов сельского хозяйства вызвало кризис американского земледелия, себестоимость продуктов которого за время войны сильно возросла; 6) перепроизводство продуктов сельского хозяйства в Америке сопровождается недопотреблением в Европе, для которой американский хлеб дорог, а более дешевый русский хлеб до последнего времени был отрезан от европейского хлебного рынка.

Замедление темпа капиталистического накопления в Европе приводит к тому, что европейский капитализм не в состоянии быстро капитализировать в сложившихся условиях. Если раньше новая перегруппировка в распределении производительных сил в условиях быстрого капитализма осуществлялась довольно легко, поскольку новый основной капитал распределялся между различными отраслями в зависимости от требований рыночной кон'юнктуры, теперь такое приспособление сделалось до крайности трудным, поскольку основной капитал, и отчасти оборотный, застывает в определенной натуральной форме. Это неизбежно влечет за собой неплавное развитие тех отраслей, которые могли развертываться в связи с рыночной кон'юнктурой, и приостановку предприятий или недостаточную загруженность их в тех отраслях, продукция которых не находила достаточного спроса.

Послевоенный период мирового капитализма характеризуется также процессом обособления отдельных национальных хозяйств. Капитал каждой страны стремится полностью закрепить за собой свой внутренний рынок и не пропускать на него промышленную продукцию других стран. Эта тенденция наметилась уже до войны, поскольку капиталистические тресты стремились держать в своих руках внутреннего потребителя, навязывая ему свои продукты выше цен мирового рынка, что позволяло им на этот последний выбрасывать свою продукцию по пониженным ценам, конкурируя с остальными капиталистическими странами. Теперь этот процесс чрезвычайно усилился. Если в течение столетия до мировой войны капитализм, прорывая национальные границы отдельных стран, все теснее втягивал их в орбиту мирового хозяйства, то теперь происходит как раз обратный процесс. Мы имеем перед собой старческое свертывание мирового капитализма в границах национально-хозяйственных организмов и относительное уменьшение связей отдельных стран с мировым хозяйственным целым. После того, как американский капитал добился установления высоких таможенных пошлин на своей территории, после укрепления таможенных барьеров в других странах, мы видим, как по тому же пути собирается пойти Англия, классическая представительница фритредерства. Последняя кампания за протекционизм в Англии, в случае ее успеха, будет означать завершение тенденции хозяйственного обособления отдельных стран на одном из важнейших участков мирового капитала.

Мировой капитализм вступает в эпоху новой системы своего внутреннего равновесия. Если раньше капитализм мог двигаться по восходящей линии как создавая сам для себя рынок, так и опираясь на рынки колоний и полуколониальных стран, в которых он разлагал докапиталистические формы хозяйства и сбрасывал туда излишки своей продукции, то теперь ему приходится устанавливать внутреннее равновесие своих частей на другом базисе. Весь мир уже поделен между капиталистическими странами, и каждое новое завоевание добавочных рынков сбыта и источников сырья для одной части капитализма может быть достигнуто лишь путем уменьшения их для другой части. Эта система равновесия замкнутого круга должна означать более медленное развитие всего целого, более частые кризисы перепроизводства, более короткие промежутки промышленного оживления и усиление шансов новых столкновений и мировых войн. Если раньше промышленные циклы с их под'емами и кризисами измерялись промежутками времени в 8—10 лет, то теперь эти сроки должны быть гораздо более короткими. Опыт последних лет дает фактическое подтверждение этой мысли. Мировое хозяйство пережило период «мнимой кон'юнктуры» в 1919 году, в начале 20 года. Затем начался кризис, продолжавшийся до конца 1921 года; после этого началось опять некоторое оживление, наиболее значительное для промышленности Соединенных Штатов и захватившее отчасти Европу. В последние же месяцы кризис снова начал усиливаться, особенно в Англии, на шее которой продолжает висеть гиря 16 проц. безработных рабочих.

Но если мировой капитализм нащупывает, повидимому, для себя возможность некоторого весьма относительного и довольно гнилостного равновесия в условиях послевоенной кон'юнктуры, то во всем мировом хозяйстве, со включением в него также и России, наблюдается еще и другой процесс, который может быть назван тенденцией к отпочкованию социалистических хозяйственных организмов.

Выход России из мировой войны и из мирового хозяйства, создание собственного замкнутого хозяйственного целого, переход на социалистические рельсы крупной промышленности и транспорта при стремлении всего комплекса установить контакт с мировым хозяйством в качестве единого организованного целого (монополия внешней торговли) знаменует собой начало новой эпохи во всей мировой экономике. Мировое хозяйство распалось на две неравные половины с принципиально-различными системами хозяйства и с двумя социально-противоположными классами у руля государственной власти. Развитие производительных сил мира совершается теперь по двум различным руслам и с различной быстротой. При таких условиях каждая новая удачная пролетарская революция не только будет перекрашивать в красный цвет некоторую часть географической карты земли, но и отводить соответствующую часть производительных сил из русла одной системы в русло другой.

В недрах капиталистической системы есть сейчас одна часть, которая готова оторваться от пуповины буржуазного мира и присоединить производительную силу своих рабочих и своих машин к хозяйственной системе Советского Союза. Этой страной является Германия. Всемирное историческое значение тех событий, которые происходят сейчас в Германии на политической арене, и судьбу народного хозяйства Германии,— с другой стороны, мы можем полностью понять лишь в свете борьбы этих двух систем мировой экономики. Лишенная своих колоний, растратившая во время войны значительную часть своего основного капитала, истощившая запасы своего сырья, придавленная тяжестью репарационных платежей, имея огромный дефицит в продуктах питания и изголодавшееся за время войны население,— Германия вступает после войны на мировой рынок со своими дешевыми товарами. Она напрягает все силы, чтобы быть способною к конкуренции с остальными капиталистическими странами. Она продает дешевые товары. А это значит, что она: 1) распродает за бесценок на мировом рынке рабочую силу своего пролетариата, 2) продает за бесценок основной капитал своей промышленности, сколоченный десятилетиями предыдущего своего экономического развития и полностью не восстанавливаемый при таком способе реализации; 3) распродает в форме своих дешевых товаров строения своих городов, поскольку принудительное жилищное законодательство не дает возможности их ремонтировать; 4) в натуральной форме своих дешевых товаров распродает по пониженной цене часть продукции своего земледелия, распределяемую в порядке разверстки; 5) возит по дешевым тарифам продукцию своей промышленности и все необходимое для ее функционирования, т.-е. распродает основной капитал своих железных дорог и жертвует ради дешевизны своих товаров частью своих государственных доходов. В результате страна имеет зияющий дефицит в своем народном хозяйстве, а все покупатели дешевых немецких товаров получают бесплатные подарки от разоряющейся страны.

Но все имеет свой конец. По причинам, на которых я здесь не буду останавливаться, Германия уже дольше не может продолжать такую «экономическую» политику. Теперь немецкие товары уже не дешевые, а в некоторых случаях дороже, чем за границей. А это означает смерть для конкурентноспособности германской промышленности. Иностранные рынки для Германии закрываются теперь не только таможенными тарифами отдельных государств, но и барьером высоких цен самой германской продукции. Отсюда начало и углубление промышленного кризиса в Германии и чудовищно быстрый рост безработицы. Если в период распродажи национального имущества Германии и рабочей силы ее пролетариев все фабричные трубы дымились, то теперь тысячи предприятий либо закрываются совсем, либо работают частично. Что же касается безработицы, то хотя германское правительство и приостановило в последнее время публикацию соответствующих цифр, опасаясь, очевидно, того впечатления, которое они должны произвести, сведущие лица на основании косвенных источников определяют число полных безработных в Германии в 3 миллиона человек при пяти миллионах частично работающих. Закрытие предприятий и безработица продолжают расти и дальше. В итоге, если бы мы хотели охарактеризовать теперешнее положение Германии в системе мирового хозяйства, то мы должны были бы сказать: современная Германия выключается из системы мирового хозяйства.

Но выключенная из системы мировой экономики, такая страна, как Германия, не может существовать, если не включится в другую систему. Такой другой системой является наш Советский Союз. Лишь создание германо-российского экономического и советского союза может спасти Германию. Она изгоняется из капиталистического мира, но история открывает ей двери в систему социалистического хозяйства, в лагерь пролетарской диктатуры, в котором новый союзник будет встречен с энтузиазмом. Но чтобы эта встреча состоялась, чтобы Москва и Берлин могли стать двумя центрами единого хозяйственного организма, нужна пролетарская революция в Германии. Если она победит, в русло социалистической системы вольется новый могучий поток. Если она потерпит поражение, то Германии нет спасения и на лоне капитализма. Так стоит вопрос.

Германская пролетарская революция должна победить во что бы то ни стало.

Е. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.

Октябрь и просвещение.

«Старая школа вырабатывала прислужников, необходимых для капиталистов; старая школа из людей науки делала людей, которые должны были писать и говорить, как угодно капиталистам. Это значит, что мы должны ее убрать».

(Ленин, речь на III всероссийском с'езде Комсомола 4 октября 1920 г.).

* * *

«Мы говорим: наше дело в области школьной есть также борьба за свержение буржуазии; мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики—это ложь, лицемерие».

(Ленин, речь на I всероссийском с'езде по просвещению 25 августа 1918 г.).

Царско-помещичий строй ни в чем другом, пожалуй, не проявлял столь откровенно своей классовой природы, как в области народного просвещения. Университеты, лицеи, пансионы и институты благородных девиц, гимназии, кадетские корпуса, коммерческие училища—для сынков и дочек дворян, купцов и фабрикантов, а казенная винная лавка и церковь с попом—для крестьян и рабочих. В итоге мы получили в наследство от царя такой уровень культурного развития страны: к 1920 году по РСФСР на каждую 1.000 населения насчитывалось всего 319 грамотных и 681 неграмотных. Революция в производственных отношениях должна была, таким образом, одновременно быть и революцией в деле народного образования. И точно так же как октябрьское восстание и победа камня на камне не оставили от старого порядка власти и управления, так и в области народного просвещения если не уничтожены полностью пережитки старого, то во всяком случае на три четверти, если не на пять шестых, старое обращено в прах.

Освобожденные от тисков капитализма и полицейщины рабочие, а за ними и крестьяне каким-то лихорадочным темпом стали строить просветительные учреждения: школы, университеты, клубы, всякого рода другие просветительные учреждения вырастали буквально как грибы после дождя. В нашей массовой начальной школе этот рост имел такое цифровое выражение: на 1 января 1914 г. (при царе) насчитывалось 62.050 школ I ступени с 4.186.480 учащихся, на 1 января 1921 г. мы имели уже 76.052 школы I ступени с 6.067.383 учащихся; школ II ступени на 1 января 1914 г. насчитывалось (вместе со всякого рода духовными училищами) 1.003 с 304.557 учащихся; на 1 января 1921 г. мы их имели 3.719 с 407.601 учащихся. Сеть детских домов за тот же промежуток времени возросла с 659 с 26.691 детей до 3.086 с 145.560 детей, а количество детских садов и очагов с 387 до 4.069 с 213.071 детей.

В области массового профессионально-технического образования точно так же мы имели в первые годы заметные достижения, прежде всего количественного характера.

Особенно силен был размах в области высшего образования, т.-е. как раз там, где прежде ковалась враждебная пролетариату идеология и откуда эксплоататорский строй вербовал себе «культурных» приказчиков. Сеть высших учебных заведений и количество учащихся в них возрастали в первые годы советского режима в таком виде: на 1 января 1914 г. числилось на территории теперешней РСФСР 64 вуза; в 50 из них, давших о себе статистические сведения, насчитывалось 65.467 учащихся; к 1921 году мы имеем 159 вузов с 197.418 учащихся. Об университете и вообще о высшей школе прежде рабочий и крестьянин не мог и мечтать—«кухаркиных детей» не пускали не только в эти «храмы науки», но и в среднюю школу. Основная идея советского правительства сводилась к тому, чтобы широко раскрыть двери вузов для трудящихся и, таким образом, радикальнейшим образом изменить социальный состав учащихся в высших учебных заведениях.

За каких-нибудь 2—3 года физиономия вузов на наших глазах стала заметно меняться: уже к концу 1922—23 учебного года мы имели в наших вузах 12,1 проц. рабочих, 37 проц. крестьян и 50,9 проц. прочих. По предварительным данным прием в 1923—24 году в вузы Москвы дал такой результат: в Москве из общего количества принятых студентов приходится на рабочих и их детей—31 проц., на крестьян и их детей—23,2 проц. и на интеллигентов, служащих и т. п.—45,8 проц. По Петрограду картина мало чем отличается от московской. Место старого, часто прилизанного, в чистеньком и выглаженном мундирчике и форменной шапочке студента занял рабочий с темными от сажи и работы лицом в потертой шапке и пальто, в тяжелых и не всегда целых сапогах. Правда, новый студент при помощи советской власти освободился от многих почтенных наук в роде римского или полицейского права и всякой другой юридической и филологической казуистики и чепухи; высшая школа перестраивается и заметно уже перестроилась в направлении более непосредственного обслуживания практически-хозяйственных и бытовых нужд страны, университеты с их линией на выработку «образованного человека» все больше уступают место высшей школе профессионально-технического образования с линией на выработку образованного и дельного специалиста.

Так же силен был размах нашей политико-просветительной работы — особый тип просветительной деятельности, который Россия не знала в старое время. По крайней мере, клубы и избы-читальни и особенно ликвидация неграмотности—этот вид политико-просветительной работы поставлен и развернут только в обстановке Октябрьских завоеваний. На 1 сентября 1920 г. в РСФСР насчитывалось 24.650 пунктов по ликвидации неграмотности, на 1 октября 1921 г. их уже было 37.170; по 40 губерниям на 1 ноября 1920 г. мы имели 530.318 обучающихся грамоте на этих пунктах, а к 1 октября 1921 г. количество обучающихся грамоте поднялось до 78.370. На 1 октября 1921 г. мы имеем 33.012 изб-читален, 13.250 постоянных библиотек и 5.970 передвижных, 4.509 общеобразовательных школ для взрослых, 3.319 клубов, 3.132 народных дома и т. п. Все это говорит о том, что просветительная работа среди взрослого населения была решительно сдвинута с места и огромные массы взрослого рабочего и крестьянского населения, которые десятки лет жили в темноте и невежестве, были втянуты в это движение.

К 1922 году в просвещенском деле в нашей советской стране назревает кризис. Материальное оскудение больно ударяет по делу просвещения, а удержаться на одном только порыве и страстном стремлении к знанию народных масс оказалось делом непосильным. Отсутствие ресурсов ведет к резкому сокращению сети просветительных учреждений, и этот болезненный процесс сильно ударяет по массовой школе и по учителю: так, количество школ I ступени к 1 апреля 1923 г. сокращается до 50.357 с 3.613.844 учащихся. Массовая профтехническая школа и политико-просветительные учреждения также подвергаются резкому сокращению: так, количество профтехнических школ сокращается к октябрю 1922 года до 2.058 с 212.917 учащихся; количество пунктов по ликвидации неграмотности сокращается к этому же моменту до 1.012, количество изб-читален до 3.400, постоянных библиотек до 5.955. Наибольшую относительно устойчивость обнаруживает сеть вузов: к 1 ноября 1922 г. мы имели 98 вузов с 131.793 учащихся и 75 рабфаков с 30.000 (с округлением) учащихся.

Наше самое слабое и весьма для нас больное место—это невероятно низкая заработная плата школьного работника. Во всем остальном мы из кризиса выходим и выход этот наметился X с'ездом советов и памятным выступлением по народному образованию в печати Владимира Ильича Ленина. И если говорить только о количестве, то и здесь с несомненностью вновь наметилось движение вперед: сеть школ I ступени дальнейшему сокращению за этот год не подвергалась, а кое-где, правда очень медленно, она начинает понемногу расширяться. То же можно сказать и о сети политико-просветительных учреждений: уже к 1 апреля 1923 г. количество изб-читален поднялось до 6.253, пунктов ликвидации неграмотности—до 3.330, постоянных библиотек—до 6.762, передвижных—до 3.595, клубов—до 2.209 и т. п. В текущем году Главполитпросвет ставит своей задачей пропустить через ликпункты до 2.000.000 человек.

Но самое главное—наши **качественные достижения, наше завоевание школы в ее внутренней жизни и наше завоевание учителя.**

Что бы ни говорили о нашем теперешнем положении, а мы все-таки создаем нашу новую пролетарскую интеллигенцию. Наши рабфаки и наши перестраивающиеся и меняющие свое лицо вузы—это фабрики и лаборатории, в которых советское государство вырабатывает своих новых образованных людей из рабочих и крестьян, своих инженеров и агрономов, своих врачей, своих учителей, своих журналистов—одним словом, свою пролетарскую «соль земли», как любят о себе выражаться достопочтенные образованные люди буржуазного общества. И мы уже можем теперь отчасти, а дальше сможем в полной мере руководить развитием и воспитанием сотен тысяч и миллионов детей и молодежи. Когда мы это осуществим (а мы это осуществим), тогда советский строй и строительство социализма обретут такую идеологическую базу, о которой трудно было и мечтать.

Конечно, наша массовая школа еще во многом напоминает старую школу учебы; но это об'ясняется двумя серьезными причинами: крайней трудностью и медленностью (об'ясняемой той же трудностью) разработки новых программ и неподготовленностью старого учителя к этим новым программам. Однако и эти причины понемногу устраняются. Совсем недавно Наркомпросом выпущены новые программы для школ I ступени и первых групп II ступени. Программы эти в корне, принципиально, отличаются от того, что до сих пор мы привыкли по старой привычке под программой понимать. Все отвлеченное, мертвое и нудное, всякая схоластика из этих программ беспощадно изгнаны; преподавание и обучение по этим программам строится на принципе изучения природы, труда и общества, причем за исходное берется конкретный материал каждого данного района, его природа, его экономика, его бытовой уклад. Не будем увлекаться—эти программы не сразу и не гладко войдут в нашу школьную жизнь, ибо нет у нас, как мы уже отметили, достаточно подготовленного для этого, и в политическом отношении и в общепедагогическом, школьного работника. Но и здесь мы за последний год добились ощутительного успеха. Наш старый учитель, забитый и придавленный царем и помещиком, с одной стороны, и тысячу раз обманутый эсерами и меньшевиками—с другой—буквально перерождается. Он страстно рвется к знанию и притом к **нашему советскому коммунистическому знанию**. За летние месяцы этого года десятки тысяч учителей прошли через курсы и конференции по переподготовке (повышение квалификации). Здесь среди всяких других дисциплин школьные работники подкрепляли себя по части ознакомления с дисциплинами общественными. И по общему признанию всех участников этого большого дела, именно эта сторона работы курсов всюду проходила с огромным под'емом: учителя жадно глотали каждое слово о коммунизме, о советской власти, о религии, об истории рабочего и вообще революционного движения и т. п.

Не будем обольщаться уже достигнутыми результатами. Они—значительны вообще, но они ничтожны в сравнении с нуждами огромной рабоче-крестьянской страны. У нас все еще только около 50 проц. (а на окраинах гораздо меньше) детей школьного возраста охвачено нашей школьной сетью, у нас только в РСФСР все еще 17.000.000 безграмотного взрослого населения. Советское правительство ни на минуту не заблуждается относительно настоящего положения и предстоящих задач. Оно прекрасно понимает, что покуда наше население не получит хотя бы самых элементарных начальных знаний,—нам трудно будет двигаться вперед. Наше законодательство последнего времени идет навстречу этой потребности. Декрет о введении всеобщего обучения в 10-летний срок и декрет о поголовной ликвидации безграмотности среди взрослого населения к 10-летию Октябрьской революции—вот какие проблемы поставлены советским правительством перед всей страной. Этими проблемами в последнее время был захвачен Владимир Ильич—это одно свидетельствует об их важности, своевременности и жизненности. И вся наша просвещенская работа в ближайшие годы должна быть поставлена на службу этим задачам.

И еще одно. Мы достигли кой-каких успехов в городе, на фабрике и в руднике. Но **мы еще очень мало сделали для деревни.** Нажать на этом участке нашей работы, двинуть сюда наши силы, развить сеть сельских школ, ликвидировать безграмотность среди крестьянской массы, поднять жизненный уровень и расширить кругозор сельского учителя—вот, когда мы все это сделаем, тогда мы так крепко врастем в быт деревни, и тогда наше дело будет стоять настолько прочно, что никакие силы враждебного мира ему не будут страшны.

И. ХОДОРОВСКИЙ.

НОТ в СССР.

Среди фактов шестого года революции зарегистрируем:

Увлечение НОТ'ом—научной организацией труда.

Впервые наша партия сказала свое слово о НОТ, и наш с'езд принял резолюцию на эту тему, в связи с реорганизацией госаппарата. Термин НОТ вошел в нашу терминологию.

Мы должны реорганизовать наши политические и хозяйственные учреждения *по принципам НОТ. О проблемах НОТ* ведутся дискуссии. Книги по НОТ расхватываются в несколько недель. Растет число учреждений, работающих в этой сфере. В высшую школу НОТ уже входит, как предмет, и в одной Москве насчитывается свыше 1.000 студентов, изучающих НОТ в специальных семинариях. В газетах есть отделы по НОТ. Ячейки лиги «Время», пропагандирующие теорию и практику НОТ, множатся, как грибы.

И одновременно растет стремление все, что попадет, пропустить под флагом НОТ: красят забор и утверждают—согласно принципам науки!

Вопрос—есть ли это увлечение НОТ, только быстротекущая и непрочная мода, или здесь кроется факт глубокого значения? Мода, конечно, есть—она есть всегда там, где концентрируется общественное внимание. Но, несомненно, наличие крупных причин, вызвавших массовое тяготение к НОТ'у.

В рядах партии, среди пролетариата, даже в массах рядовых служащих уже осознается необходимость в новых методах работы и иных, *свежих научных приемах* организации. Всем ясна необходимость восполнить наш недостаток в квалифицированности (сил и методов). Наша бедность, отсутствие больших финансовых и технических возможностей еще более настоятельно требуют корректива в смысле максимальной экономии, точности учета, ясного планирования. Мы начинаем понимать, что строительство социалистического хозяйства составляется из ряда очень сложных моментов, требующих специальных, чрезвычайно точных методов. Мы хотим науку сделать непосредственной соучастницей в нашей хозяйственной *работе: отсюда*—НОТ.

НОТ, проповедующая научность приемов, точность, планирование, учет, постоянный контроль, широкий обхват всех частей, становится необходимым и самым естественным элементом социалистического строительства. Научная организация труда связывается, таким образом, как со всей нашей хозяйственной жизнью, так и со всей работой культурной. Иными словами:

НОТ есть неотделимая часть всей нашей настоящей борьбы за коммунизм.

Специальная работа по НОТ идет сейчас по трем руслам: научная разработка проблем стоит во всей сложности, поскольку мы должны отрешиться от ошибок тейлоризма и учесть опыт и Запада, и наших революционных лет. Работа практически—при соучастии РКИ, президиума ЦИК'а, десятков других учреждений и институтов—захватывает все новые области. Работа массовой агитации за НОТ и его принципы проводится прессой, лигой «Время» и другими учреждениями.

Эта *сложная и большая* работа не имеет еще полного организационного оформления. Но является вопрос—да и возможно ли оно? И нужно ли? Конечно, мы должны избежать параллелизма, надо установить обмен опытом, контроль партии и т. д.

Но на ряду с этим надо дать возможность для максимального выявления инициативы, для здорового творчества мест, для гибких организационных форм.

Резолюция XII с'езда недаром подчеркивала необходимость при реорганизации госаппарата широко привлекать к участию в работе служащих и рабочих. Только при правильном соотношении между творческой инициативой масс и регулирующими мероприятиями центра возможно не подавить начавшееся движение, а действительно извлечь из него пользу.

В данном случае в полной мере приложима аналогия с нашей просветительной и культурной работой. В это дело втянута (как и в НОТ) сеть разнообразных организаций (Наркомпрос, партия, профсоюзы, Пур, газеты, издательства и т. д.). *Создалось* известное разграничение сфер работы и полезное соревнование. Координация через партию и госорганы налицо. Но единой организационной формы нет.

Если мы и в деле НОТ пойдем по этой же дороге—будет правильно. Если мы попытаемся забить всю работу в одну рамку—мы затормозим и даже разрушим дело, которое является сейчас столь многообещающим и уже дающим результаты.

Истекший год дал нам несколько образцов того, как организации нового, добровольческого типа энергично выполняли работу, стоявшую в порядке дня (ОДВФ, шефство над деревней, лига «Время» и т. д.). Это тоже не случайность. Усложнение нашей работы и расширение ее форм вынуждает нас организационно себя дополнить. Добровольчество, идущее под контролем партии, не минус, а плюс, поскольку речь идет об областях работы дополнительного характера.

Наступающий седьмой год увидит заметные результаты научной, практической, массовой работы по НОТ—если мы сумеем дать движению гибкие организационные формы.

П. КЕРЖЕНЦЕВ.

6.

Разгром гробниц—до пирамид Египта
Бой гаубиц—до косных касс врага:
Рабочий мрак смири подошвой сапога,
Коль скоро под бичами не погиб ты.

Круг Россфесорея в сотни миль,
Как страшный круг горящей оцены цирка,
Взбушевал в шторм труда молотокиркой—
Молотосерпной волей вздыбить быль.

И быль дана, быль создана титанно,
Владыкой мира ныне назван труд,—
Владыкой мира встал на взгорье груд,
На цоколе костей страны избранной.

Под сводами полярной полуночи
В лохматии слепи пусть нас таранят льды
Пусть моря черного свергаются хребты
Лишь стереть в лоб крутой рабочий,
И Запад нас распять вкопал кресты.

Но мы—на арене, мы—пред ярусами,
Пред этажами тысяч ступеней,
В движеньи дивном толп среди огней,
Помост на круглом дне мостим упрямо,
Над нами страх каскад с вершин понес глазами,
Застывшим водопадом дней.

Смотрите и слушайте, ярусы мирового цирка,
Смотрите на круг со ската ступенек театром лиц,—
Арена грохочет грозовой границ распаширкой,
Арена в огне, вскинувшем космы до лож ваших божниц,
И балконам подошвы поджигает хлестко,
На помосте—валит кирпичи, известку,
На фундаменты—в огне бороздой.

Вглядитесь в пламень вскинутых рук-ракет,
Там в гриве огня, точно львиной шкуре—каждый,
Это мускулатура толп, запылавшая однажды
Из огня встает новых строек след,
Вырастает воочью, как могучий мираж,
Как за кряжем горный кряж.

Полыхает пламень ввысь,
Гулкотромно арена гудёт:
Берегись — ярусы — берегись,
Покрет — огонь — покрет
Простись!

Подступает в броне железа
На арену борьбы, труда
Зашагавший жуткий лес,—
Квадратами орда.

Перебегай тысяченого,
Аэропланами до баррикад,
Невероятная тебе дорога,
Пролетарьят.

Перелезай
Вдесятеро—
Уж все ярусы
В огне.

Не загасить магаи
Строй монархий...
Шагом
Марш!

Арена—вся мира,
Круг—весь мир.
Один ты в мире
Командир.

Разгром гробниц—до пирамид Египта,
Бой гаубиц—до конких касс врага,—
Рабочий мрак мертви подошвой сапога,
Коль скоро под бичами не погиб ты.

ИВАН ФИЛИПЧЕНКО.

Великий Октябрь говорит трудящимся:

Чтобы создать свободный союз народов мира, надо разрушить разделяющие их рамки буржуазных государств.

Чтобы установить всепобеждающую власть человечества над природой, надо осуществить братский союз науки и труда.

„Обществу хозяйственной разведки"

вольного хозразведчика Л. Сосновского.

РАПОРТ № 1.

Вместо предисловия: «Я — с вами!»

Ознакомился с вашим воззванием. Докладываю, что именно хозяйственной разведкой я кустарно занимался до вас, в одиночку. С 1918 г. и до сего дня слабыми моими силами найдены, зафиксированы в печати, прослежены в дальнейшем десятки и сотни лиц, предприятий и учреждений, вполне подходящих под ваше определение:

фаланги людей с огненным зарядом хозяйственной энергии.

Я их искал, находил, выявлял, выставлял на вид. Более того, кустарным порядком я старался в тяжелые для них минуты помочь им, устранить с их пути особо громоздкие препятствия. Иногда для этого достаточно было напечатать статью, иногда кому-то позвонить по телефону, написать письмо, с'ездить лично. Иногда все эти способы оказывались безнадежными, и прорекламированные мною «американцы» все равно попадали под колесо «российской» телеги.

В особом рапорте я попытаюсь подвести итоги, какой процент пионеров порядка и творчества раздавили в этой борьбе и какой уцелел. В вашем воззвании к товарищам и гражданам вы свою картину рисуете дело так:

«Мы видим эти героические просветы, встающие из моря хаоса и рутины. Мы хотим их возвеличить, резко зафиксировать и сделать заражающим примером для всего хозяйства СССР.

Вы ставите ставку на

бесстрашных хозяйственных организаторов, создающих дела на гиблых предприятиях и местах».

Море хаоса и рутины. Среди моря—героические просветы. Бесстрашные организаторы дела на гиблых местах.

Надо понять, что море хаоса и рутины и не думает ласково баюкать на своих волнах отважных бойцов. Оно их треплет и терзает, держит все время на грани бытия и частенько выбрасывает их трупы на берег.

Когда-нибудь в будничном порядке я расскажу, что иные организации, подписавшие воззвание «О-ва хозяйственной разведки», причастны к угашению духа и обламыванию крыльев.

И тем не менее я заявляю «О-ву хозяйственной разведки»: я с вами, теперь, мои глаза, уши, мое перо в вашем распоряжении. Кончается кустарный период моих разведок и наблюдений. Начинается индустриальный. Вхожу в общество со всей галлереей «американцев», взятых мною под наблюдение, и думаю, что буду для начала едва ли не самым богатым пайщиком.

Только одно предостережение обществу. Из моего пятилетнего опыта я узнал, что быть только наблюдателем и бытописателем в наших условиях — очень мало. Действительность требует от нас:

— Не восхищайся, а помогай! Пока ты восхищаешься нашей доблестью, нас тут захлестнет «море хаоса и рутины». Более того, именно после твоих похвал «море хаоса и рутины» взбесится еще сильнее. Поэтому — помогай, если считаешь нас достойными поддержки.

«Общество хозяйственной разведки» вынуждено будет превратиться в какого-то большого коллективного ходатая по делам и толкача. Иначе над ним будут горько смеяться и только. Тысячи и тысячи пионеров бесплодно ищут годами, к кому бы прислониться в самый критический момент борьбы с хаосом и рутиной. Мощно скромными силами я спасал от гибели единицы, допустим, десятки хороших дел. Но сколько их гибло? В вашем воззвании эта функция очерчена слабо и туманно. Надеюсь, вы к ней придете твердо и станете центром притяжения для всех пионеров или, как их уже называют, «советских американцев».

После этого предисловия перехожу к рапорту о моей очередной хозяйственной разведке.

В гостях у советского «робинзона».

Не без колебания назову я имя и адрес человека, о котором идет речь. Боюсь, что волны хаоса и рутины не раз яростно лизнут его за то, что он выдвинут над ними. Сам он — человек скромный до крайности. Если бы он не был мужественным бойцом, я бы не решился его называть печатно: заклюют, затолкают. Но он парень мужественный. Устоит.

Прихватил я с собой товарища из редакции «Правды» и поехал на «хозразведку» в Иваново-Вознесенскую губернию, Юрьевецкий уезд, Парскую волость (близ Родников). Раньше уезд входил во Владимирскую губернию. Я кое-что слышал о работе в этой волости партийного товарища В. А. Красильникова, известного мне по работе в Екатеринбурге в 1919 г. Хотелось увидеть своими глазами.

Все [illegible] вается в следующую историю. Тов. Красильников—из беднейших крестьян Парской волости. Мать последнее время в деревне жила милостыней и умерла нищенкой, оставив в наследство сыну то, что может остаться после таких «завещателей», т.-е. ничего. Красильников работал на ткацкой фабрике Анны Красильщиковой в Родниках, научился сборке машин. В партии стал принимать участие с 1908 г. В годы революции был на разной мирной, но больше на военной работе. В последний период гражданской войны на польском фронте Красильников был комиссаром дивизии.

По нашим положениям, комиссар имел права не меньшие, чем начальник дивизии. А начальник дивизии, если перевести на старые чины, всегда имел генеральский чин. Так вот, советский генерал Красильников воевал на фронте, мать его в это время побиралась по деревне, а жена с детьми бедствовала так, как редко бедствовала семья простого красноармейца. Достаточно сказать, что ребенок Красильникова попросту замерз и умер от холода, ибо квартиру жене не дали, и ей пришлось зимовать чуть не в амбаре. В хрупком теле этой слабой молчаливой интеллигентки поместился, должно быть, сильный, мужественный и гордый дух.

С фронта Красильников писал мне иногда о бедственном положении семьи, опасался, что погибнут от мороза и ребенок и жена. Но с еще большей тревогой писал, что заморозили фабрику б. Красильщиковой. Убеждал меня, что это — замечательно хорошо и экономно оборудованная фабрика, что ее спецы из ВСНХ заморозили, тогда как поблизости «дырявое решето» работает, не имея у себя железнодорожной ветки, теряя крестьян гужевыми перевозками, а у Красильщиковой ветка ведет прямо во двор. Просил меня вступиться за фабрику, не допустить позора.

К одному из писем Красильникова приложены были красноармейские штаны, сшитые, словно на-смех, на двенадцатилетнего мальчишку. И такие штаны временами посылали на фронт из центра воинским частям. Красильников просил ткнуть этими штанами кому следует в физиономию, чтобы не питали контр-революционных настроений в армии, и без того голодной, разутой и усталой.

И видно было, что судьба боевой позиции на фронте, судьба фабрики в Родниках, судьба его близких—все слилось в один клубок чувств и мыслей, владеющих его душой. Человек, гражданин, боец.

Наконец, в мае 1921 г. он демобилизовался. Является в губком. Там нашего «генерала» увольняют «с мундиром и пенсией», Выдают ему на руки 2 фунта селедок и 2 фунта хлеба и отпуск—на все 4 стороны. Куда пойти, чем жить, с чем притти к семье? Просить должности? Как-то совестно, точно богадельщик, в партию итти за прокормлением...

Отправился в деревню. Просил у общества земли, какой угодно, хоть заболоченной. Отказали. Жадность на землю у мужиков. «Ишь, новый пахарь явился. И без тебя тут тесно». Просил хоть усадьбу под жилье отвести, раз пашни не дают. Дали за деревней усадьбу. Взял в ссуду 5 пуд. овса и посеял на усадебной земле. Мужики явились и со зла распахали его посев. Посеял турнепс, снял осенью 90 пудов.

А до осени как? Продавали с себя последнюю одежонку. Жену посылал за грибами, а сам... (пусть меня простит тов. Красильников за нескромность!) сам генерал лазил по огородам, брюкву воровал. Грибы варили, брюкву «парили» в костре. Тем и питались. Тем и спаслись до осени.

В сентябре Красильников сговорился с местной артелью плотников, работающих по деревням. Плотничать он не умел, но топором владел в кое-какую помощь мог в работе оказать: бревно обчистить, подготовить, отпилить и т. п. За это ему артель кое-что давала. Да и подучился плотничать.

Тем временем удалось выхлопотать у волостного совета участок земли. 3 десятины вырубленного леса и вообще дикой земли. К весне на новом участке с помощью той же артели плотников выстроил домик не домик—в роде баньки, об одном окошечке. Весною поселился в этом «генеральском» помещении. Все-таки свой угол. Начали с женой хозяйство. Ни лошади, ни коровы, ни собаки. Точно робинзоны на острове среди моря мужицкого недоброжелательства...

До чего недоброжелательны были мужики к новому согражданину, видно из того, что однажды ввалились к нему с обыском. Чего искали—неизвестно. Все как-то подозрительно казалось им. Старый коммунист, большую должность занимал—и вдруг на мужицкое положение пожаловал. С чего бы это? Не иначе, как награбил там и сюда притащил добро прятать. Порылись, порылись—ни одного пороха не нашли.

А робинзон, поселившись на будущем хуторском участке с осени, когда еще жилья не было, для пробы посеял 1 фунт озимой пшеницы. Собрал на следующий год 120 фунтов (3 пуда). Кое-что прикопил в этой механике.

С весны начал сеять овес. Лошади нет, плуга нет. Пни еще не выкорчеваны. Так, между пнями мотыгой основательно разработал землю и посеял овес. Да посеял раньше всех. Только... [illegible] «Подопнешь ты на своем хуторе». Однако, не подох. Овес вырос на удивление всем. Клевер посеял (тоже между пнями). На скопленный клевер выменял и купил поросенка, пару уток, козу. На берегу речки посеял овощи и корнеплоды, не в грядках, а прямо в грунте. Всего уродилось по здешним местам очень большое количество. Наконец, завел пчелок. Этому искусству когда-то, между прочим, Красильникову довелось обучиться на краткосрочных курсах.

Попутно расчищали территорию хутора от пней и готовили материал для постройки избы. Бревна приходилось таскать на себе из лесу. Лошади, ведь, нет и нанимать не на что. Сняв урожай, вздохнул немного и принялся с помощью той же артели строить себе настоящее жилье.

Тем временем море хаоса и рутины вокруг него тоже не дремало. «Всколыхалося *сине море*», как говорится в сказках, и выплеснуло судебный процесс по обвинению Красильникова и волостной земельной комиссии в порче будущего (!!) леса и превращении его в пашню. И нашелся в России суд, который судил и осудил Красильникова и волостную земкомиссию за разработку 3 десятин вырубленного уже леса.

Бездельник лесничий прокурорствовал: «Помилуйте, от этого леса, когда он вырастет, государство могло доход получать, а вы его в пашню превращаете. Леса надо беречь»... и понес, и понес.

Красильников ему отвечает: «Государство получит от этого леса доход только через 50 лет и то при условии, что вы оградите молодняк от скота и потравы. А мне при культурном хозяйстве этот участок будет давать минимум 1.500—2.000 руб. в год (золотом). Так за 50 лет государство сколько пользы получит с этих трех десятин? Кроме того, я берусь разбить по вашему указанию питомник и ежегодно выпускать столько саженцев, чтобы в несколько лет облесить гораздо большую площадь».

Ничто не помогло. Осудили. Якобы берегут народное достояние. А по дороге из Родников на хутор мы видели, что весь лес завален гниющими сваленными деревьями, вершинами срубленных деревьев, сучьями, и все это гниет, гниет и ждет только спички, чтобы вспыхнуть зловещей иллюминацией. И никакой лесничий с этим не борется. А лесничества в этом районе понасажали вдвое больше, чем было при старом режиме. И живут лесничие большими боярами. Жалованья из государства платит мало, да они не жалуются. В пору, чтобы наше бедное государство с них жалованье брало в виде процента с их «доходишков».

Я специально собирался навестить ревностного лесничего, побеседовать с ним, посмотреть, как он живет и чем дышит. Да не пришлось из-за недомогания. Надеюсь до него добраться в другой раз.

Колыхнулось море и с другой стороны. Пока Красильников, как затравленный зверь, метался по пням в лесах, спасая себя и семью от голодной гибели и создавая на глазах у крестьян на голом, диком месте культурное хозяйство, партком вычистил его из партии, перевел в кандидаты.

Надо сказать, что даже в самые лютые дни голода и робинзонады Красильников вел политическую работу в своей округе. Выступал с докладами, проводил конференции, выполнял поручения партии в разных агиткампаниях.

Зато у крестьян начало складываться о нем другое мнение. Видя, как он, безлошадный бедняк, бьется вместе с женой-интеллигенткой вокруг пней, как работает большевистский генерал и за хлебороба, и за лошадь, и за агитатора, крестьяне изменили свое отношение к нему и выразили это в такой формулировке:

— По всему ты коммунист, а по рукам не коммунист.

Другими словами, в коммунистах темные крестьяне привыкли видеть белоручек, администраторов, умеющих приказывать, но не работать, а если работать, то хуже других. Красильников за 2 года (1921—23) ужасной работы и ужасных душевных испытаний показал крестьянам, что такое настоящий коммунист.

Теперь уж к нему обращаются за советом и с просьбами. Заглядывают на его огород, посев, пчельник. Дивятся, как он выхаживает поросенка. Советуют, так поросенок за ним как собачонка идет в деревню, где его вывезут, и обратно. Берут у него семена огородных растений. Одним словом, вынуждены признать, что их, природных землеробов, перегнал в хозяйстве за 2 года бедняк-коммунист, не имеющий ни лошади, ни коровы, а вначале не имевший даже избушки.

В нынешнем году мы застали на хуторе у Красильникова следующую картину. Скошенный и связанный овес превосходного качества. Снопы достигают человеческого роста. Посеял между пнями на пространстве около ½ десятины всего 4 пуда, Красильников собрал около 90 пудов. Такого урожая—«сам-22»—никогда не видала еще округа. Секрет урожая Красильников об'ясняет, помимо сортированных семян и раннего сева, еще следующим приемом. Он с осени покрывал вспаханное к посеву овса место слоем лесного мусора: сухими листьями, сучьями, стружкой и т. п. Под этим покровом земли подпаривались, обильно размножались дождевые черви, которые сверлили землю и давали доступ воздуху в почву.

Точного научного об'яснения Красильников дать не может (он, ведь, не агроном), а результат двухлетнего опыта налицо—сам-20 с лишком.

Клевер дает прекрасные укосы и служит предметом обмена. Заодно клевер выполняет за Красильникова часть корчевальных работ, ибо, по уверению товарища, после трехлетнего пребывания вокруг пней, клевер подпаривает их корни, ослабляет их и позволяет потом легко извлечь их из земли.

Хорошо работают и «летучие коровы» Красильникова—пчелы. Он имеет, кажется, шесть ульев, и каждый улей дает 2—2½ пуда меду, всего, значит, около 15 пудов, на сумму 15 червонцев. Если принять во внимание, что продналога в той местности ложится на двор не более 20—30 пудов (брат Красильникова, *крестьянин соседней деревни*, обложен всего около 10 пудов), то доход с одного улья покроет полностью весь продналог. А за остальной мед можно купить и корову и лошадь.

Вот вам и ключ к легчайшему подлинному безлошадной бедноты: свиноводство, пчеловодство и огород на усадебной земле. Это доступно всякому бедняку и, в крайности, на эти нужды они должны найти минимальный кредит в комитете взаимопомощи, об'единясь в артель пчеловодов, пользуясь содействием земотдельского инструктора. Это доступно даже инвалидам.

Далее, он получает овощи. С 70 кв. саженей—100 пудов корнеплодов (морковь, репа, свекла, брюква), то-есть,—из расчета на десятину,—3.400 пудов с десятины. Это полевым посевом, без грядок.

Капусты тем же способом со 100 кв. саженей—75 пудов, то-есть с десятины 1.800 пудов.

И, кроме того, с избытком картошки, гороху, луку и т. п.

Затем, очень ценные семена собственных семенников. Далее, 13 уток, свинка (или две, забыл уже).

Построен и почти закончен светлый, удобный домик, небольшой амбарчик, и т. п.

Минувшей весной Красильникова партком назначил заведующим рабочего клуба при фабрике. Подчинился Красильников. Начал развертывать работу. Ухитрялся бегать на хутор (верст 7—8), и во-время быть на своем месте. Квартиры ему не могли дать. Ютились в одной комнатке 6 душ. В кладовке-конуре задохся без воздуха, захирел и умер второй ребенок. Это было как раз во время моего пребывания там. Без восклицаний, без вздохов отвез товарищ вечером тело ребенка к себе на хутор. А рано утром в одном уголке хутора сами зарыли могилку, сами похоронили ребенка, сами закопали. Весною обсадят могилку душистыми цветами и для памяти о тяжелых годах притащат с речки тяжелый камень вместо памятника. Вот вам и новый для деревни быт.

Умершие дети, как 2 вехи, отметили две полосы в жизни товарища. Холод и духота. Без тепла и без воздуха. Но такова уж пролетарская доля.

Едва Красильников развернулся-было на клубной работе, как секретарь райкома (человек в партийном отношении совсем новый) снял Красильникова с работы в клубе и в довольно оскорбительной форме стал намекать, что Красильников должен бросить свое хозяйство. Почему? Почти половина родниковских рабочих имеют такое же хозяйство и даже более крупное, имея 1—2 коровы. Имеют хозяйство и коммунисты-рабочие.

Красильников напомнил, что он неоднократно предлагал нескольким коммунистам образовать вместе с ним коммуну, взяв в качестве фундамента его хутор. Но те не пошли. Ему некуда было деваться.

Он не оставлял работы среди крестьянства словом и делом, главное — делом. Завоевал доверие крестьянства ближайших волостей. Завоевал доверие враждебного раньше учительства и был избран в председатели районного отделения просвещенцев. Чего от него хотят? Возложили бы на него работу в 2—3 ближайших волостях, обязали бы его поставить на ноги кооперацию, народный дом, с.-х. товарищества, политработу и требовали бы практических результатов. Либо, оторвав от деревни, дали бы работать в фабричном клубе, но уж не дергали бы хоть с год. И, во всяком случае, отнеслись бы с некоторым интересом к той работе, которую он на диком месте проделал на виду у крестьян, подняв в их глазах престиж коммуниста, как строителя нового культурного хозяйства.

Чем все это сейчас закончилось, — еще не знаю. Красильников, утром похоронив ребенка, вечером ехал вместе со мной в Москву хлопотать по крестьянским делам своего района: насчет плугов, насчет пальмового дерева для кустарей, насчет передвижного кинематографа, насчет картофелетерочного завода и маслоделки. Он засуетился тут по крестьянским делам, я—по своим, и мы потеряли из виду друг друга. А переписываться некогда. Последнее письмо он мне прислал, когда вернулся с крестьянами с выставки. По его инициативе группа передовых крестьян постановила начать у себя проведение плана обобществления всего хозяйства на новых началах. Прислали мне этот интересный план.

Л. СОСНОВСКИЙ.

О „плохой“ революции и „социальном распаде“.

Враги коммунизма часто говорят: Октябрьская революция «плохая», нелепая, неисторическая революция, ибо она явилась результатом войны и вызванного ею распада. Не будь войны—революции бы не было, заключи буржуазия мир вовремя—революция была бы избегнута. Не вызови война всеобщего развала и хаоса—большевикам не удалось бы победить.

Но в такой обстановке родившаяся революция, это—не солидная, не настоящая, не прочная революция... Вот если бы она вспыхнула не на почве распада и разложения, а в условиях общего расцвета, это был бы совсем другой разговор,—против такой революции никто не смел бы возражать.

Увы!—таких «хороших» революций в природе не бывает. Революция всегда является следствием кризиса, развала, разложения, банкротства господствующих классов. Война—концентрированный кризис капитализма,—из этого кризиса вышла первая в мире пролетарская революция. Почему же эта революция «плохая», случайная, неисторичная? Разве война—случайность, разве она не исторична? Разве она не являлась законнейшим детищем капитализма и империализма? Бесспорно, да! Но тогда и революция, вышедшая из вполне закономерной, имманентной капитализму, войны, тоже закономерна.

По мнению господ меньшевиков, эсеров и т. д. война нормальна, а революция, из этой войны вышедшая, ненормальна. Нет, извините, милостивые государи, революция является ответом миллионов масс на неслыханные преступления мировой буржуазии. Именно потому она хороша, именно потому она законна, именно потому она открывает новую эру в истории. Социал-демократия, находясь в плену у буржуазии, считает хорошим или приемлемым только то, что [illegible] буржуазия. Когда пролетариат из буржуазного безумия и ужаса делает соответствующий вывод, когда на войну он отвечает революцией, социал-демократия это считает анархией, авантюризмом.

Германия задыхается в послевоенном кризисе. Политический и экономический развал, распад, разложение бесспорны. Господствующие классы совершенно «нормальными», «законными», «естественными» путями довели страну до [illegible] состояния. Единственный выход—в революционном свержении классов, ответственных за довоенную, военную, послевоенную политику. Но меньшевизм считает, что революция, вышедшая из нынешнего германского развала и хаоса, будет «плохой» революцией. По мнению социал-демократии, нужно оставить судьбы страны в руках капитализма, доказавшего свою историческую неспособность и дальше оскудевать нацию к [illegible].

Теорию о том, что вышедшая из военного кризиса революция является «плохой», неисторической революцией, усиленно пропагандировал в 1918—1919 г.г. вождь правого меньшевизма Либер. Он говорил: то, что происходит ныне в России и Европе, это не социальная революция, а социальный распад. Война развалила хозяйство, разорвала политические связи, разнуздала страсти, разложила нравы. Никакого социализма на такой основе построить нельзя. Сначала нужно побороть всеобщий распад, восстановить порядок, а потом начать борьбу за социализм.

Но что на практике такая постановка вопроса означала? Пролетариат должен отказаться от своих классово-исторических задач и помочь стоящей у власти буржуазии побороть экономический и политический распад, помочь восстановить хозяйство на старой капиталистической основе. При создавшихся условиях буржуазия сможет эту задачу разрешить ценою неимоверного ухудшения положения рабочего класса, буквально на костях миллионов пролетариев, которые неизбежно окажутся жертвами капиталистического «восстановления»... Что-ж, пусть будет так,—ибо иначе нельзя, «ибо иными путями невозможно остановить «социальный распад».

Однако, выражением какого исторического факта является этот «социальный распад?». Бесспорно, что и в доктябрьской России, и в нынешней Германии социальный распад налицо. Но что это значит? Доктябрьский российский и нынешний германский развал выражают глубочайший кризис и банкротство господствующих имущих классов. Военный крах царской и «демократической» России, развал хозяйства, разложение армии, «обнаглевшие» рабочие, крестьянские самовольственные, сепаратизм национальный, все эти явления выражали собою социально-политическое банкротство классов, в то время командовавших страной.

Революционное низвержение обанкротившихся имущих классов, приход к власти новых классов и революционное решение этими классами вопросов о войне и мире, о земле, об армии, национального и т. д.—все это явилось содержанием социальной революции, которая уничтожила «социальный распад» уничтожением власти вызвавших этот распад классов.

«Социальный распад» нынешней Германии диктует пролетариату обязанность ответить на него социалистической революцией,—свергнуть обанкротившиеся имущие классы, возглавить нацию, привести к власти угнетенные миллионы, разрешить революционно основные вопросы эпохи..

Октябрьская революция, в самом деле, оказалась бы «плохой» революцией, если бы она потерпела поражение, если бы власть осталась в руках социально-политически обанкротившихся классов. Октябрьская революция является небывало чудесной, законнейшей и естественнейшей в мире революцией, ибо она начала закладывать фундамент нового мира, поборола «социальный распад» капитализма, открыла путь к социальному порядку коммунизма.

ИЛ. ВАРДИН.

Без десяти десять.

(Сырой материал).

...Теплый дождь лил три дня подряд—четвертого, пятого, шестого и в ночь на седьмое ноября 2017 года.

От дождя искрились скользкой чистотой крыши, стеклянные мосты и платформы аэровокзалов.

От дождя туманом набух воздух, и машинисту радиосветовой башни над редакцией «Правды» с раннего утра пришлось удвоить давление, чтобы праздничные слова юбилейной передовицы достаточно четко отпечатались на российских небесах.

У немцев и французов (слово «за границей» вышло из употребления за исчезновением границ в Европе и Азии, остальные части света, еще неполно завоеванные социализмом, кратко назывались «очередными»), несмотря на полное с нами индустриальное сотрудничество, техника все-таки преобладала над русской, и буквы немецкого издания «Правды» ложились на облака по способу нецдо-тинто при любой погоде и нормальном давлении.

Но с половины десятого небо торопливо очистилось.

Вторая страница «Правды», с наконец выделенными по вновь открытом архиве Сосновского неизданными стихами Демьяна Бедного, сияла над городом с ясностью визитной карточки.

Без десяти десять с центральной часовой станции был дан первый сигнал вещающий, что только шестьдесят секунд осталось до праздника Большого Октября.

Во всех неиспорченных часах сорока республик Советского Союза—башенных, уличных, аэродромных, стенных, каминных, карманных, колошельных—раздался резкий звон.

Циферблаты их, регулируемые по радио, стали постепенно краснеть.

У морских маяков звон спугнул часть в лесных перепутьях тетерева вспорхнули с пригородных часов, а миллионы хлевов электрифицированных деревень «верх-ярославские», улучшенной породы коровы вопросительно подняли головы и удовлетворенно опустили их обратно в кормушки.

Без десяти десять, услышав звонок, взмахнул палочкой дирижер в концертном зале Главного Управления Музыкальных Прожекторов, и, излучаемый огромными мембранами, вступительный марш поплыл в пространство, трепеща над пролетами улиц и площадей, вползая в открытые окна, волнуя поющей радостью уши.

И сейчас же грохнули первыми тактами многие тысячи военных оркестров в головах необозримых колонн, направляющихся в центральное место торжества, к подножью гигантского памятника Ленину.

Войны давно прекратились на большом материке, армии были распущены, но военные оркестры сохранены на вечные времена.

К трубам и литаврам были прибавлены заимствованные у двадцатых годов прошлого века знойные ухищрения джаз-банда, и соединенный радостный гам поющей меди и трещоток, всегда сопутствовал детям и взрослым при всех уличных шествиях.

В Москве юношеские колонны тронулись от покосившегося замшелого здания ЦК РКСМ мимо балкона, с которого приветливо махали рукой, и что-то растроганно пищали седобородые ветераны, виднейшие члены «Общества старых комсомольцев», вскормленные и вспоенные на заветах Авербаха и «Молодой Гвардии».

Без десяти десять, взглянув на краснеющие циферблаты часов, оторвались от своих мыслей все, кто еще не сосредоточился на великом юбилее.

Отдыхающие в санаториях и безнадежные поэты подошли к окнам, чтобы заглянуть на ликующий город.

Дряхлый красный профессор отодвинул в сторону свой многотомный труд «О кулачных боях в нашей древней журналистике, или еще к вопросу о том, кто же такие были Родов и Лелевич»,—и протер очки.

Без десяти десять световые буквы «Правды» сложились в огромный жирный заголовок на шесть столбцов небесной страницы.

Глаза двухсот миллионов (безграмотность была ликвидирована в срок) читателей, давно отвыкшие от сенсаций, предвкушающе-сладко насторожились.

Заголовок кричал:

«В последнюю минуту! Амнистия!»

«В последнюю секунду!»

«Мировой ЦИК постановил помиловать ко дню сотой годовщины Октября последних трех московских преступников».

«Три преступника будут через две минуты доставлены на Красную площадь».

«Три преступника горько раскаиваются в своих позорных деяниях».

«Они рыдают».

«Им стыдно!»

«Преступники будут сейчас выпущены и доставлены на Красную площадь».

«Им разрешено присутствовать на торжестве».

«Больше нет преступников в Москве!»

Глаза двухсот миллионов отвыкли от сенсаций. Они возбужденно прищурились на экраны Госкино, по радио принимавшие выход последних преступников из тюрьмы.

Без восьми минут десять двери открылись, трое злодеев показались, глаза миллионов зрителей с содроганием впились в выходивших.

Но головы преступников были опущены, их лица потуплены и не видны притихшей толпе.

Начальник тюрьмы, отныне безработный, с горечью сказал:

— Подымите же свои лица. Пусть они будут страшилищем и грозным поучением для молодого поколения.

И последние преступники подняли вверх свои закоренелые преступные физиономии. Что хуже: поступки или лица? Трудно сказать.

Первый из злодеев—самый молодой. Средь бела дня, на глазах у публики, он опоздал на полчаса на заседание общества любителей древонасаждения. Своим поступком он воскресил мрачные ужасы средневековья, когда для борьбы с опозданиями приходилось основывать Лиги Времени.

Второй—о, второй! Он курил папиросу, неизвестно где добытую и сфабрикованную, в каких-нибудь пятидесяти шагах от памятника Семашки.

И третий—о, третий! Он—корректор, допустил опечатку в полном собрании сочинений Троцкого. Подобные люди еще существовали.

Холодея от близости к уголовному элементу, толпа безмолвствовала. Но надо было спешить. Было уже без семи минут десять.

МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Русская революция и немецкие рабочие.

Русский Октябрь так сплотил и увлек рабочих всех стран, что все усилия социал-демократов дискредитировать его были напрасны.

1920 г.—Красная армия подходит к Варшаве. Пролетариат Германии с напряжением следит за ее продвижением. Франция направляет через Германию оружие, снаряжение, продовольствие для белой Польши. Среди железнодорожников, рабочих при каналах, моряков начинается мощное движение. Оно идет с низов. Трамвайщики выбирают специальные контрольные комиссии и поручают фабрично-заводским комитетам днем и ночью следить за проходящими грузами. Саксонские железнодорожники отцепляют и переводят на запасные пути столько вагонов со снаряжением, предназначавшимся для Польши, что все дальнейшее движение грузов [illegible] остановиться. Рабочие важнейших железнодорожных узлов Эрфурта, Магдебурга, Галле и др. устанавливают связь, благодаря которой военные грузы, случайно пропущенные на одной станции, задерживаются на следующей. Движение так широко захватывает массы, что социал-демократы и профсоюзы вынуждены поддержать призыв к контролю над транспортом в целях,—как формулируют реформисты,—«соблюдения нейтралитета Германии в русско-польской войне». Но рабочие идут дальше, чем хотят соглашатели. Эрфуртцы взрывают ряд вагонов с снаряжением для Польши. Этот акт встречает такое сочувствие со стороны всего населения, что судебным властям не удается открыть организаторов взрыва.

На всех заводах Германии даже среди самых отсталых рабочих слышны те же речи: «Красная армия победит, и мы при ее поддержке сделаем революцию в Германии».

Это настроение, с одной стороны, конечно, показывало, что в то время германская пролетарская революция в массах еще не созрела, с другой,—оно свидетельствует о мощном одухотворяющем влиянии русской революции на немецких рабочих.

Белая Польша при помощи парижской биржи спасается удачливее, чем ожидали революционные рабочие всех стран. В Германии идет деятельная подготовка к очередному съезду независимой социал-демократической партии, на котором должен быть разрешен вопрос о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. 21 условие, выставленное Коминтерном, обсуждается на всех партийных и многочисленных народных и заводских собраниях.

Общинное здание во дворе азотного фабрика искусственного удобрения—Лейна около Галле. Хотя большинство рабочих живет в окрестных городах, все около тысячи человек остается на фабрике до позднего вечера и горячо обсуждает доклад коммуниста о 21 условии. В центре дебатов—вопрос о красном терроре и о свободе печати. В заключение большинство голосует за принятие 21 условия. Гальский съезд в октябре 1920 г. показывает с несомненностью, что большинство рабочих независимой партии стоит, как тогда говорили, «за Москву».

Наступает тяжелый для России 1921 г. Сочувствие немецких рабочих и пролетарских женщин к голодным [illegible] так велико, что и желтый Амстердамский Интернационал профсоюзов и германская социал-демократическая партия вынуждены поддержать движение среди рабочих за сбор пожертвований. Но соглашатели тут же стараются подчеркивать, что кампания помощи России носит исключительно гуманитарный характер, что, дескать, руководствуются только «жалостью к русскому народу, независимо от существующей в России формы правления». «Форвертс» не устает писать, что немецкие рабочие помогают России не потому, что там советская власть, а несмотря на то, что в России власть в руках трудящихся. Одновременно социал-демократы пытаются использовать сборы для голодающих в целях бессовестной бешеной травли русских и немецких коммунистов. Социал-демократические газеты и в еще большей мере речи социал-демократических ораторов полны лживыми провокационными утверждениями, будто в России голод возник не вследствие засухи, а по вине советской власти.

Несмотря на эту жалкую клевету, рабочие и работницы с огромным сочувствием и истинно пролетарской щедростью работают для голодающих.

Наиболее активно и самоотверженно действуют коммунисты. Помню, как однажды поздно вечером пришедшая на заседание группа товарищей не могла пробраться в гамбургский комитет коммунистической партии, так как большая приемная была заставлена деревянными ящиками с посылками. Помню и Бремене, в рабочем квартале, небольшой домик моряка. Матрос, его отец и жена занимаются тем, что перебирают свое скромное имущество и отбирают вещи для посылки в Россию. «Эти новые шерстяные носки надо отослать»,—говорит жена,—«в России холодно, а ты человек здоровый, обойдешься без них».

Весна 1922 г.—Россия приглашена на Генуэзскую конференцию. Немецкий рабочий понимает, что империалисты пытаются заманить Советскую Россию, чтобы «мирным» путем грабить ее. В Берлине впервые после мировой войны происходит конференция, на которой встречаются коммунисты с соглашателями из 2-го и 2½-го Интернационалов. Представители Коминтерна предлагают соглашателям совместно созвать всемирный рабочий конгресс, чтобы об'единить силы международного пролетариата и противопоставить их нападающей буржуазии, собирающейся в Генуе. Соглашатели под всякими предлогами от рабочего конгресса отказываются. Но массы германского пролетариата настойчиво требуют его созыва в целях создания единого пролетарского фронта и укрепления позиций Советской России. 1-е мая 1922 г. проходит в Германии под лозунгом требования всемирного рабочего конгресса.

Вторая половина 1922 года.—Социал-демократы перестают писать о развале советского хозяйства. Ибо германские рабочие не только из коммунистической, но и из буржуазной прессы узнают хотя и о медленном, но неуклонном хозяйственном возрождении и культурном строительстве СССР.

Социал-демократам все чаще приходится ограничиваться молчанием, и «Форвертс» неделями не говорит ни слова о Советской России.

Январь 1923 года.—Французы оккупируют Рур. Немецкие рабочие в политическом отношении рабочие и массы мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции говорят, что они надеются только на то, что Красная армия поможет Германии освободиться от французского ига. Коммунисты открыто говорят массам, что у Красной армии нет никаких оснований помогать буржуазному германскому правительству против французского и защищать германских капиталистов от грабежа французских. «Русская Красная армия только тогда будет активной союзницей Германии, когда в Германии рабочие будут у власти», говорят коммунисты массам. Посланные в Рур 1.000 вагонов русского хлеба наглядно показывают всему германскому народу растущие хозяйственные возможности и пролетарскую самоотверженность Советской России.

Но особенно сильны и знаменательны уроки последних месяцев. В то время, как буржуазная Германия политически распадается и хозяйственно разлагается, когда массы немецких рабочих и германской мелкой буржуазии находятся под бичом голода, холода и растущей нищеты, СССР все более укрепляет свои позиции сильного, независимого государства, выступающего как реальная сила на мировом рынке.

Сравнительный уровень жизни рабочих, служащих и людей науки в Советском Союзе является в настоящее время недостижимым идеалом для соответствующих слоев Германии.

Все шесть лет, прошедшие с Октября, русская революция учила германский и весь мировой пролетариат мужеству, самопожертвованию, вере в силы своего класса.

Приближается время, когда пролетариат Германии учтет все эти уроки, в свою очередь кой-чему научит западноевропейских рабочих за Рейном, за Альпами и по ту сторону пролива.

КЕТЭ ПОЛЬ.

За границей.

Героическая борьба гамбургских рабочих.

(Выдержки из частного письма).

...Еще в субботу, 20 октября, забастовала одна из наиболее крупных верфей «Дейтше Верфт». В понедельник утром к этой забастовке стали присоединяться одна за другой и другие верфи. Удерживать массы не было никакой возможности. Настроение основного ядра гамбургского пролетариата было безусловно благоприятно для проведения всеобщей забастовки.

В ночь с понедельника на вторник рабочие, не имея в своем распоряжении ни одного печатного листка, ни вооружения, приступили к боевым действиям. В 4 часа утра пролетарские сотни, разбившись на группы по 10—15 чел., бросились на полицейские участки и почти без жертв заняли их, захватив и небольшое количество имевшееся в них оружия. В некоторых участках сотни крепко засели и были выбиты оттуда только спустя 24 часа, а в Баренбеке еще позже. Тем временем стали вырастать баррикады в различных частях города и началась баррикадная борьба. Борьба была жаркая, особенно в рабочем предместье Баренбеке. Баррикады были построены по всем правилам военного искусства. Товарищи, дравшиеся на баррикадах или бравшие полицейские участки чуть не голыми руками, проявляли чудеса храбрости, стойкости, самоотверженности и дисциплинированности.

Всеобщей забастовки в буквальном смысле слова не было. Железные дороги работали аккуратно, сообщения по трамваю и по подземной в течение первого дня не было, но в среду уже все способы сообщения работали, за исключением тех участков, где происходили бои. Печатники работали, и газеты выходили аккуратно, но все же бастовало больше народа, чем в августе. Магазины во вторник всюду были закрыты, в среду лишь на половину открыты.

Никогда и нигде я не наблюдал такого сочувственного отношения населения к борющимся товарищам, как в этот раз. Нечего говорить о рабочих; даже обыватель, мелкий лавочник, чиновник, люди свободных профессий — все отнеслись с живым сочувствием к героям, залегшим в окопах за баррикадами. Они кормили борцов, сообщали им всякого рода сведения о передвижении неприятеля. Мелкая лавочница с опасностью для жизни пробирается через военную зону, приносит 120 патронов и передает их знакомому коммунисту. Беспартийные женщины были главными строительницами баррикад; это они подпиливали вековые деревья, взрывали мостовые, рыли окопы и доставали инструменты для всех этих работ.

Я лично в эти дни много ходил по городу, чтобы прислушиваться к разговорам, к летучим митингам, и нигде, ни в одном случае не слыхал ни одного слова упрека по адресу коммунистов. Напротив, я много раз слышал, как, захлебываясь от восторга, рассказывали о геройстве «этих молодых людей». Я подходил к кучкам прилично одетых людей, но и здесь говорилось: «Разве можно этих людей осуждать?»

Должен сказать, что и сейчас у рабочих настроение великолепное. В четверг, например, было большое собрание портовых рабочих, на котором они постановили бастовать до тех пор, пока коммунистическая газета «Фольксцейтунг» опять не начнет выходить. В пятницу состоялось новое собрание, которое подтвердило это решение и прибавило еще одно требование: освобождение всех арестованных.

Большая часть работы по расправе с восставшими выпала на долю полиции. Она понесла огромные жертвы: официальный список указывает около 100 чел. В действительности их было гораздо больше. Но и среди полицейских были случаи открытого проявления симпатии к восставшим рабочим.

Рейхсвер участия в борьбе не принимал, но в среду утром в Гамбург прибыл из Киля крейсер «Гамбург» с двумя миноносцами. На берег высадилась половина экипажа, но матросы заняли посты, составили у забора винтовки и, заложив руки в карманы, с папиросками в зубах равнодушно стояли, точно посторонние зрители. Их на другой же день вернули обратно в Киль.

Потери восставших в общем невелики. Главное количество убитых и раненых (человек 500)—случайные прохожие. Много пострадало женщин при постройке баррикад. Сейчас идут обыски и аресты по всему городу, и многим придется весьма жестоко поплатиться. С согласия социал-демократического министра юстиции уже образован чрезвычайный военный суд, который сегодня приступил к своей работе.

Весьма знаменателен тот факт, что после всех этих событий (которые в известном смысле можно сравнить с нашими июльскими событиями 17 года) не последовало реакции. Полиция, конечно, свирепствует во-всю, но ни организации, ни рабочий класс разбитыми себя не чувствуют. Сознает это и буржуазия. Сегодняшний номер газеты «Гамбургишер Корреспондент» (орган г-на Куно) поместил статью под характерным заголовком: «После победы подпоясывайся потуже»...

Экзекуция над Саксонией.

(От нашего берлинского корреспондента).

Руководящие инстанции с.-д. партии, собравшись в Берлине, по пренебрежительному выражению органа крайних фашистов «Дейтше Цейтунг», «ошибаются до земли», чтобы увильнуть от [illegible] на них ударов распоясавшейся реакции. За свое постоянное братание и сотрудничество с буржуазией партия платит теперь дорогой ценой. Она [illegible] свои силы перед лицом позорного бегства из ее рядов в лагерь коммунистов или куда глаза глядят. [illegible] от твердых и решительных шагов. Вождей партии пугает призрак всеобщей забастовки, носящийся в воздухе. Еще больше пугает их мысль о самые факты вооруженного восстания, как это случилось в Гамбурге, где капитализм провоцировал, потому что он саботировали ведь, но где коммунисты, предоставленные самим себе, по общему свидетельству, боролись с беспримерным мужеством и, в [illegible] пылающего урока для масс, не напрасно понесли тяжелые жертвы. Вождей с.-д. пугает даже призрак новых выборов, на которых они в этот момент наверное вышли бы растерзанными на клочки.

И вот они «ошибаются до земли». А реакция хорошо это видит и знает. Она строит всю свою тактику на том расчете, что теперь пробил час, когда можно в конец сокрушить растерявшегося противника.

Социал-демократические министры ведут двусмысленную игру. Каждое более или менее решительное выступление, отражающее возмущенное настроение масс, тотчас обесценивается каким-нибудь бесхарактерным компромиссным шагом. Центральный комитет с.-д. партии в своем последнем заявлении не нашел более крепких слов, как назвать «необоснованным» образ действия рейхсканцлера в отношении Саксонии. И тут же он предупредительно прибавляет, что «постарается смягчить положение» в этой стране, наказанной берлинской штрафной экспедицией.

«Форвертс» обвиняет Штреземана в нарушении данных им обещаний. Так в ночь с воскресенья на понедельник Штреземан определенно обещал саксонскому посланнику Градмауэру, а также Гильфердингу, что до вторника в Дрездене не будет предпринято никаких шагов. Эти наивные господа поверили Штреземану и поняли его в том смысле, что берлинское правительство намерено дождаться соответственных решений саксонского ландтага. Далее «Форвертс» утверждает, что уже Эберта о назначении в Саксонию германского комиссара был передан рейхсканцлеру только в понедельник днем и с той оговоркой, что о проведении в действие этого указа должно состояться предварительное соглашение с кабинетом и с лидерами коалиционных партий. Но и в том и в другом случае Штреземан «непонятным образом» поступил как раз на оборот.

И все-таки социал-демократические министры оставались в германском правительстве. Еще в понедельник вечером, по сообщению «Форвертса», они в заседании кабинета высказали свое «решительное возмущение» всем происшедшим. Но и правительства они все же не ушли, предоставив окончательное решение этого вопроса «партийным инстанциям».

Вчера (30 октября) я в рейхстаге на минутку остановил саксонского посланника Градмауэра, который в бытность саксонским премьером, между прочим, держал в кутузке отставленных теперь коммунистических министров. На мой вопрос, об'явлена ли в Саксонии всеобщая забастовка, он довольно уверенно ответил: «Коммунистами, пожалуй: но со стороны нашей партии такого призыва не будет».. Возмущаясь «милитаристическим скандалом», разыгравшимся в Дрездене, ж[illegible] на демократического обербургомистра Гесслера, что он в праве не ставит с.-д. министров, имеющих за собой «фракцию в 173 депутата и миллионы избирателей», что и самый кабинет он «только по лояльности» уведомляет иногда о своих видах и намерениях,—среди всего этого недовольства существующими порядками министерство все же не забывает обрушиваться на партийный эгоизм и «вероломство» коммунистической партии, с которой «отныне исключена всякая возможность соглашения».

Берлинская организация с.-д. партии, как известно, провела недавно в распорядительный комитет так называемую радикальную оппозицию. Эта «оппозиция», однако, уже на первых порах свихнулась, когда по поводу закрытия «Роте Фане» и запечатания ее типографии также для всех прочих некоммунистических изданий заинтересованные группы типографщиков настаивали на об'явлении забастовки. Про с.-д. оппозицию вообще надо сказать, что она до сих пор оперировала подчас крепкими фразами, но на решительные действия была неспособна. Недавно один такой оппозиционер сказал мне: «Большая коалиция распадается. После нее придет правое правительство, которое также не сможет править. Тогда пробьет час для решительного выступления рабочих масс»...

Кто знает, что выйдет и из той оппозиции, которая была проявлена 30 октября на собрании функционеров партии.

Председатель берлинской организации Кюнстлер и депутатка рейхстага Матильда Вурм, одна из тех, которые покинули зал рейхстага во время голосования о «чрезвычайных полномочиях» правительства,—обе эти товарища сейчас в Дрездене, чтобы проверить официальные и газетные сообщения о саксонских событиях. По свидетельству Кюнстлера, вполне подтверждается рассказ о той позорной экзекуции, которой подвергались саксонские министры со стороны «республиканского» генерала Мюллера и германского комиссара д-ра Гейнце. Этот товарищ Штреземана по партии был министром юстиции в двух германских кабинетах и почему-то снискал себе симпатию даже со стороны социал-демократов. Но уже по случаю бегства известного политического бандита капитана Эрхардта из лейпцигской тюрьмы обнаружилось, что Гейнце и рейхсканцлер Куно косвенно были в этом деле попустителями. Теперь же Гейнце оказался усерднейшим вышибалой рабочего правительства. С обнаженными штыками, с музыкой и барабанным боем выдворял он с Мюллером саксонских министров из их служебных учреждений. Даже саксонские демократы в особой декларации заявили жалобу на этих «восстановителей конституционного права», воспрепятствовавших заседанию саксонского ландтага, занявших самое его здание солдатами рейхсвера.

Докладчик Кюнстлер, рассказывая о мелочах, творившихся в Дрездене и, в сущности, относящихся исключительно по [illegible] его собственных товарищей в берлинских инстанциях, не преминул, конечно, лягнуть коммунистических членов бывшего саксонского кабинета. Но его демократическое чувство все же возмущено бандитизмом германского правительства. И потому он, при шумном одобрении собрания, потребовал, чтобы товарищи-министры ушли из этого правительства.

Матильда Вурм также посетовала о тактике коммунистической партии. Но,—говорит она,—как бы ошибочны ни были действия коммунистов, они все же совершаются в интересах рабочего класса, между тем как все действия справа направлены против рабочих... Это замечание вызвало возражения одного из присутствовавших редакторов «Форвертса», который является угрюмейшим всей коммунистической печати и наполняет свои столбцы «материалом» о преступлениях коммунистов. Но М. Вурм имела мужество обвинить эту газету в том, что она «бессовестным образом» клевещет на коммунистическую партию. Она зло издевается над ЦК своей партии, который отправил в Саксонию людей добиваться там компромисса с буржуазной диктатурой. По сообщению Вурм, ЦК потребовал от Цейгнера, чтобы он уволил коммунистических министров, сам оставил свой пост и дал образоваться коалиционному правительству с буржуазными партиями. Едва саксонцы отклонили сложное с этим требование Штреземана, как в Саксонию является комиссар Гейнце для восстановления конституционного порядка.

Согласно рассказу Штреземана, вопрос об экзекуции над Саксонией был поставлен военным министром Гесслером. В совещании кабинета, состоявшемся по этому поводу, с.-д. министры предложили арестовать коммунистических членов саксонского правительства. По соображениям «высшего порядка» это предложение было отклонено, и роль палача была поручена президенту республики. Последний издал известный декрет о «преобразовании» саксонского кабинета. Рейхсканцлер назначено выполнять этот декрет, и он обратился с соответствующим письмом к Цейгнеру. С.-д. министры не возражали против этого. Они надеялись только, что преобразование саксонского кабинета может быть достигнуто «парламентским путем», а именно, таким образом, что саксонский ландтаг выразит недоверие саксонскому правительству и безболезненно его провалит. Но комиссару Гейнце было уже невтерпеж, и едва саксонское правительство отклонило требование Штреземана, как уже сам этот комиссар расправился с саксонцами «собственными средствами».

Под благосклонным прикрытием Гейнце и Мюллера, делегатам Ц. К. с.-д. партии Вельсу и Диттману, повидимому, удалось не только поссорить саксонских с.-д. с коммунистами, но внести разлад и в ряды собственной партии. Они соорудили «чисто социалистический» кабинет, который называют «переходным». Это значит, что за ним последует кабинет коалиционный с демократами и, вероятно, также с тамошними товарищами Штреземана, «нейтралитетом» которых новый кабинет уже теперь заручился.

В Саксонии получился конфуз невероятный. Цейгнер, на которого были обращены все взоры, покорно сдался и, может быть, навсегда сыграл свою политическую роль. Чуть не все его ближайшие товарищи по кабинету, выброшенные из одной двери, проскользнули в другую и кичатся тем, что выполняют свой патриотический долг. «Предатели!»—бросили им в лицо коммунисты в заседании ландтага, милостиво разрешенном берлинскими «поборниками» конституционного строя.

Вот уж никак нельзя отказать в твердости характера баварским «антимарксистам», перед которыми берлинское правительство все еще ползает на четвереньках. Оттуда слышится пушечная канонада. Армия Гитлера и Кара через Тюрингию и Саксонию идет походом на вражеский Берлин.

ГАММА.

31 октября.

К параду на Красной площади.

Начальник гарнизона гор. Москвы тов. Муралов об'являет:

Парад на Красной площади 7-го ноября с. г. вследствие болезни председателя Революц. Военного Совета СССР и наркома по военным и морским делам тов. ТРОЦКОГО будет принимать заместитель председателя СТО и Совнаркома тов. Л. Б. КАМЕНЕВ.

В дни борьбы и победы.

I.

В Смольном суета... Его огромные коридоры походили на бульвар, где сплошной ход в вперед сотни людей с озабоченными лицами. То и дело под'езжали грузовики и с них соскакивали группы красногвардейцев; подлетали курьеры, приносившие известия с гатчинского фронта. В одной из задних комнат бывш. института благородных девиц заседал бесперерывно военно-революционный комитет. Приказы тут же, на клочках бумаги, писались на столе и полномочиями самого широкого характера облекались те, кто попадался на глаза в приемной военно-революционного комитета кому-нибудь из его членов. Дзержинский, Молотов, Сталин, с землистыми лицами, с красными воспаленными от бессонных ночей глазами походили не на живых людей, а на машины, которые отчеканивали короткие, как выстрел винтовки, распоряжения:

— Взять роту самокатчиков.

— Сообщить Смилге о скорейшей присылке артиллерии из Финляндии.

— Арестовать всех находящихся в помещении.

— Выдать две банки консервов.

И приказы огромного политического и военного значения, от успеха которых зависела судьба революции, приказы, точное исполнение которых должно было изменить все лицо старого мира,—чередовались с «мелочами», с банками консервов, с индивидуальной выдачей револьвера, с нарядом на машину, с арестами, обысками и т. п. Только один Иоффе, будущий дипломат, сохранил среди этой лихорадочной суетни величавое спокойствие. Гладко выбритый, он почти с изысканной вежливостью об'яснял дремавшему в углу и ничего не понимавшему Лацису несуразность какого-то приказа.

Вечером я и Орджоникидзе (Серго) были вызваны к Ильичу.

— Борьба затягивается,— говорил Ильич,—и есть опасность, что части, высланные на фронт, начнут разлагаться. Муравьев требует присылки хороших опытных агитаторов, которые бы сумели поддержать настроение частей. Поезжайте!

Мы круто повернули и, ни о чем не расспрашивая дальше, направились к выходу. Через час паровоз увозил нас с Балтийского вокзала в Красное Село. На Красносельском вокзале с трудом отыскали комнату, где помещался штаб. В штабе находился Хаустов с группой офицеров, производивших впечатление отнюдь не своих людей. Это был импровизированный штаб, составленный наскоро из командиров полков, которые, под угрозами солдат, вышли со своими частями на позиции.

Керенского эти господа ненавидели всеми фибрами своей души. Но и нас они готовы были предать в любую минуту и перекинуться на сторону настоящего белого генерала. Это были натуральные корниловцы в самом буквальном смысле этого слова.

Мы об'яснили Хаустову цель нашего прибытия. Я никогда, ни до этого момента, ни после того, не видел человека, который бы производил такое измученное впечатление, как Хаустов. Хаустов не спал 6 ночей; он делал нечеловеческие усилия, чтобы понять то, о чем мы говорили. Но после тяжелой паузы он улыбнулся какой-то виноватой, почти детской улыбкой и сказал:

— Товарищи, я безнадежно устал. Возьмите на себя комиссарство в Красном Селе. Я же час хочу заснуть.

Так я стал комиссаром Красного Села.

Утром шел проливной, пронизывающий косточки, дождь, какой бывает только в северных болотах. Серго, захватив меня, отправился на позиции. В наскоро вырытых окопах, продрогшие около редких костров жались солдаты. Сообщение о прибывших из Питера людях со свежими известиями быстро облетело окопы. Нас засыпали вопросами.

— Ну, что, как в Петрограде?

— Как на фронтах?

— Много ли у него сил?

И тут же образовывались импровизированные небольшие митинги, которые заканчивались твердыми решениями «держаться до конца». Только господа офицеры, вытягивая несильно своими вожжами, пытались задавать вопросы, явно провокационного характера, вроде:

— Есть ли у нас артиллерия? Без артиллерии-де мы будем разбиты. У казаков-де превосходная конница...

Но тут же какой-нибудь псковичанин или калужец с оборванным хлястиком шинели досадливо перебивал:

— А ты, товарищ поручик, зря не болтай. Мы своего брата прощупали.

Было ясно, что солдатская масса драться будет, что при том энтузиазме, который вносят в дело обороны Петрограда рабочие и матросы, солдат внесет и свою долю участия.

II.

Ухая и стоная, проваливаясь каждую минуту в размытые дождем ямы, автомобиль несся к Пулкову. Темные слухи ползут, как удушливые военные газы. Они проникают в окопы, передаются из уст в уста сотнями людей, распространяются быстрее беспроволочного телеграфа.

Краснов прорвал фронт.

Краснов у Московской заставы.

Невский ликует. Котелки, студенческие шляпы, офицерские околыши, дородные дамы без желтого билета передают друг другу из самых «точных источников» известия:

— Идут...

— Сколько их?

— Полки, бригады, дивизии... армии. Неважно. Но они, те, кто освободит столицу от разгула «черни», кто откроет вновь «Палкина» и «Медведя», идут под предводительством Краснова на Петроград. Их несметные полчища видели воочию все торговцы из Гостиного Двора. Салопницы старухи, крестясь на Казанскую, Исаакий, собственными глазами —хоть [illegible] меня гром —видели, как красные, бросив винтовки и пулеметы, рассыпались стремглав в разные стороны. И посылает вслед Невский ликующий и взбешенный проходящим матросским и рабочим патрулям змеиное шипенье:

— Мерзавцы! Вешать будем!

А автомобиль несется по размытым дорогам все дальше и дальше.

Вдали горит огни Царского Села, занятого красновскими казаками. Около Пулкова, в холодной осенней мгле и грязи, потонула деревня. Здесь, на этом подходе к Петрограду, зорко бодрствуют в эту темную, холодную ночь путиловцы, выборжцы, васильеостровцы.

— Стой!—Чей-то штык упирается почти в радиатор.—Пропуск, товарищ!

Вытаскиваю мандат типа 17-го года.

— Ну, как у вас, товарищ, спокойно?

— Спокойно!

— Казаки фронта не прорвали?

Красногвардеец смеется здоровым заразительным смехом.

Автомобиль в'езжает в деревню. В небольшой крестьянской избе душно. На полу валяются человеческие тела; пахнет потом, табачным дымом и горячим чаем. Начальник отряда сообщает, что настроение красногвардейцев превосходное.

— Рвутся в бой. Приходится сдерживать. А приказа нет.

И это «приказа нет» в октябрьскую сумятицу звучит как-то странно, почти неестественно.

Зафырчал еще один автомобиль. С группой матросов останавливается народный комиссар по морским делам—Дыбенко. Вид спокойный, уверенный, как у настоящего Александра Македонского. Привозит с собой известие, что артиллерия подходит. Вдруг оживились лица, чувствуется большой, непередаваемый никакими словами, под'ем. У всех на устах один и тот же вопрос:

— Когда же будем наступать?

С такой армией санкюлотов можно победить мир. Недаром впоследствии Краснов, глядя на отважные отряды матросов и рабочих, лезших у Царского Села с винтовками на броневик, воскликнул:

— Ах, если бы у нас была такая армия на фронте. С нею бы мы, наверное, одержали победу над немцами...

А сверху моросит дождь. Северное петроградское небо плачет над несбыточными иллюзиями Невского.

III.

Решающий день. В три часа дня затрещали пулеметы, ухнули тяжело пушки. Идет бой не на жизнь, а на смерть: быть ли России советской страной? За несколько часов перед боем, запыхавшись, влетает в красносельский штаб какой-то поручик.

— От них прибыли парламентеры.

— Какие там парламентеры! Ну их к [illegible] матери!—первым говорит матрос, прибывший только что с каким-то сообщением.

Успокаиваем общими усилиями матроса и предлагаем ввести парламентеров. Во главе их—тщедушный молодой человек, эсеровско-меньшевистского типа, по фамилии некий Мартынов, всей своей фигурой свидетельствует о том, что «революционная демократия» успела стать на побегушки к красновским казакам. Держится нагло и развязно.

— Мы предлагаем вам следующие условия: вы отводите ваши части в Петроград, открываете свободный вход войскам Временного правительства. Мы вам гарантируем, что никто не пострадает, за исключением вожаков, вызвавших бунт против законного правительства до созыва учредительного собрания.

Матросик вытаскивает из кобуры револьвер и ругается непечатными словами. Его сзади кто-то хватает за руку.

— Это все? — иронически переспрашивает кто-то из присутствующих.

— Все.

— Можете итти.

Парламентер смущен.

— Но разрешите узнать ваши условия?

— Наши условия: убирайтесь к чорту и не оглядывайтесь. А то хуже будет...

Караул уводит парламентера. Но не успели закрыться за ним двери, как докладывают о прибытии новой делегации из Пскова. Просто какое-то «делегационное» наводнение. Эта новая делегация—что-то вроде помеси из меньшевиков-интернационалистов и умеренных левых эсеров. Они нескладно, но долго скулят по поводу неизбежной «братоубийственной войны внутри демократии» и предлагают свои услуги по части улаживания «конфликта». И от разговора с ними становится тошно, точно вас выкупали в застоявшемся лягушачьем болоте, подернутом зеленой тиной. Чтобы отделаться от них, дипломатически предлагаем:

— Вот что, товарищи, уезжайте в Петроград, а то будет поздно... Там-де отнесутся серьезно.

А через несколько времени уже кипит бой, решающий судьбы России, войны и человеческой истории. Через час один из железнодорожников доносит, что наши штабные белогвардейские офицеры ведут агитацию среди частей, охраняющих вокзалы. А по настроению видим, что наши белогвардейские офицеры наглеют. Убежденные, что красные части будут разбиты, они шушукаются по углам и держатся также несколько вызывающе. Прилетает грузовик с ранеными матросами; раненых укладывают на вокзале. Грузовик должен погрузить в обратный путь снаряды. Офицерня медлит, затягивает под всякими предлогами погрузку, явно саботирует. По телефону из полевого штаба требуют во что бы то ни стало скорейшей присылки снарядов и пулеметных лент. Но грузовик, который должен был везти их, оказывается почему-то с выпутым магнето. Среди железнодорожников тоже начинается ропот при виде раненых и по поводу того, что штатские люди отвергли мирные переговоры. Нужно было бы немедленно переарестовать весь штаб, но пехотинцы, охраняющие вокзал, не особенно надежны. Отправляемся с Серго на позиции. По дороге встречаем толпы дезертиров.

— Куда бежите?

— Так что он картечью кроет. А наших уже нету... Все перебиты.

А в это время матросы, рабочие и солдаты, верные долгу революции, рвутся в Царское Село. В полевом штабе, у телефонной трубки новые солдат 178 полка Осип Левенсон, впоследствии убитый в качестве комиссара одной из наших наиболее доблестных частей на северном фронте.

— Осип, нужно сейчас арестовать красносельский штаб.

— Бери, кого найдешь.

Захватываем небольшую группу матросов, человек 7, подсаживаемся на грузовик, везущий подбитое орудие и направляемся обратно. В помещении вокзала снимаем у полевого телефона ненадежный караул, с остальными матросами входим в помещение штаба. На лицах почтенного штаба некоторое замешательство. Не без вежливости Серго заявляет:

— Господа, продолжайте вашу работу под охраной.

Кто-то из офицеров робко спрашивает:

— Но мы не арестованы?

— Пока нет.

Один из солдат, присутствующий при этой сцене, раздраженно кричит:

— Вас сволочей за саботаж нужно сейчас же было бы перестрелять!

Господа офицеры несколько жеманно делают оскорбленный вид.

Работа кипит. Мы непосредственно сносимся с тройкой — Лениным, Троцким и Сталиным, выделенной в Петербурге в решительный момент для руководства обороной столицы. Вечером нервный звонок телефона. Подскакиваю к трубке. Из полевого штаба Чудновский сообщает:

— Только что наши ворвались и заняли Царское Село. Красновские казаки отступают, среди них смятение и развал. Сейчас Дыбенко выезжает на автомобиле в Гатчину для переговоров с ними. Победа за нами.

Я чувствую, как дрожит у меня в руке телефонная трубка и какое-то небывалое, огромное чувство, какое человек может пережить только раз в жизни, заполняет все мое существо.

Кончились дни тревоги, наступает полоса первой победы трудящихся всего мира на петроградском участке фронта. Господа офицеры за столом добросовестно чертили карту дальнейшей стратегической кампании против сводного отряда ген. Краснова.

Д. МАНУИЛЬСКИЙ.

События в Германии.

КОМПАРТИЯ ПРИЗЫВАЕТ РАБОЧИХ ВООРУЖАТЬСЯ И ГОТОВИТЬСЯ К ВСЕОБЩЕЙ ЗАБАСТОВКЕ В СЛУЧАЕ НАСТУПЛЕНИЯ ФАШИСТОВ. ПОДТВЕРЖДАЮТСЯ ИЗВЕСТИЯ О ПРЕД'ЯВЛЕНИИ УЛЬТИМАТУМА ФАШИСТАМИ ШТРЕЗЕМАНУ. ФАШИСТЫ ВСЕХ ОТТЕНКОВ ГОТОВЯТСЯ К РЕШИТЕЛЬНОМУ ВЫСТУПЛЕНИЮ.

Фашисты готовятся.

МОБИЛИЗАЦИЯ ТАЙНЫХ ФАШИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ — УСТАНОВЛЕННЫЙ ФАКТ. НАСТРОЕНИЕ РАБОЧИХ ТЮРИНГИИ БОЕВОЕ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). **Со всех концов Баварии сообщают о готовящихся фашистских выступлениях. Бригада Эрхардта требует немедленного похода на Берлин и бомбардирует Кара телеграфными резолюциями.**

Во вторник в Мюнхене под председательством профессора Бауэра состоится заседание представителей «отечественных союзов» (председателем которых состоит Кар), на котором должно выясниться, будет ли разрешен конфликт с Берлином мирным путем или насилием. Отечественные союзы находятся под сильным влиянием гитлеровских организаций и вчера демонстрировали перед Рупрехтом, Лоссовым, Каром и Гитлером. Демонстрация продолжалась 1½ часа.

Бригада Эрхардта продолжает свои приготовления к походу на Тюрингию. В Кронах (бл. тюрингенск. границы) прибыли 6 артиллерийских полков и тяжелая артиллерия. В связи с этим тюрингенское правительство усилило местную полицию и сконцентрировало ее на границе. **Настроение тюрингенских рабочих боевое.**

Позиция Кара до сих пор не выяснена. Кар, повидимому, не намерен препятствовать походу гитлеровских организаций на Берлин, надеясь избавиться от них.

Официальное сообщение баварского правительства гласит, что бригада Эрхардта, в виду денежных и продовольственных затруднений, распадется сама собою. Министерство обороны направило на тюрингенскую границу отряды кавалерии и артиллерии для защиты от возможного нападения, но отказалось от вербовки добровольцев, на которой настаивали республиканские союзы буржуазных демократов и соц.-дем. Циркулируют слухи, что 7 ноября (годовщина баварского переворота) или 9 ноября (годовщина берлинской революции) выступят организации Гитлера и Эрхардта.

Зеверинг сообщил буржуазным демократам и соц.-демократам, что мобилизация всех тайных организаций является установленным фактом. В связи с этим полиция приведена в боевую готовность.

СИЛЫ И СТРАТЕГИЯ ФАШИСТОВ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). Компартия оценивает положение следующим образом: Эрхардт располагает одной хорошо вооруженной дивизией и кроме того в его распоряжении находятся тайные союзы в Бранденбурге, Померании и Силезии, вместе составляющие еще одну дивизию. Фашисты рассчитывают на то, что рейхсвер не выступит против них, а наоборот, даже поддержит.

Сегодняшние демонстрации в Берлине являются первыми провозвестниками фашистского наступления. Фашисты развивают погромную агитацию и призывают безработных и голодающих к грабежам, с целью связать силы полиции вызвать в Берлине хаос.

ФАШИСТЫ ГОТОВЯТСЯ К ПЕРЕВОРОТУ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). В Тюрингию прибывают многочисленные беженцы из Баварии, принадлежащие к левым партиям. Кобургский полицейский инспектор получил распоряжение от баварского правительства арестовать коммунистов и сотрудников партийных комитетов рабочих партий. Из Кобурга предстоит также выселение евреев.

В Нейштадте арестованы 8 видных политических деятелей левого крыла рабочего движения и увезены неизвестно куда. Сообщение между Тюрингией и Баварией строго контролируется вооруженными фашистами, членами фашистского ордена «Юная Германия». Они производят аресты, утверждая, что действуют по поручению баварского правительства.

ПОГРОМЫ ФАШИСТОВ. — НЕДОСТАТОК ПРОДОВОЛЬСТВИЯ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). Кроме антисемитских выступлений в еврейском квартале, перед зданием биржи также имели место провокационные скопления. Во внутренней части города все продовольственные магазины закрыты. Наблюдается сильный недостаток продовольствия и вместе с тем сильное падение покупательной способности населения.

РАЗГРОМЫ БУЛОЧНЫХ В БЕРЛИНЕ. ФАШИСТЫ ПРОВОЦИРУЮТ АНТИЕВРЕЙСКИЕ ПОГРОМЫ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). **В связи с сильнейшим возбуждением берлинского населения по поводу нового повышения цен на хлеб, министерство продовольствия в официальном сообщении указывает, что цены на хлеб непомерно высоки.** В настоящее время ведутся правительством переговоры с пекарями в целях понижения цен на хлеб. Повышение цен об'ясняется прекращением отпуска зерновой прибавки государственными складами, что вынудило пекарей закупать всю муку на вольном рынке. **Сегодня было разгромлено большое количество булочных.** Имели место и антисемитские выступления, главным образом, в еврейском квартале. В этих выступлениях принимали участие спровоцированные фашистами безработные. Полиция вмешалась только к концу выступления.

Правительство намерено еще сегодня конфисковать запасы муки, находящиеся на частных складах, с целью добиться понижения цен на хлеб.

ФОН-ДЕР-ГОЛЬЦ ВО ГЛАВЕ МОНАРХИСТСКИХ ОТРЯДОВ.

ЛОНДОН, 5 ноября. (Роста). По словам корреспондента «Глоб Торонто», генерал фон-дер-Гольц, известный своей деятельностью во время войны, командир «Железной Дивизии», разгромившей в 1919 г. Красную Латвию, принял командование над всеми монархистскими отрядами Германии. «Балтийский корпус» фон-дер-Гольца принимал также в свое время активное участие в капповском путче.

В Саксонии.

ГЕНЕРАЛ МЮЛЛЕР ЗАПРЕЩАЕТ ПРАЗДНОВАНИЕ ГОДОВЩИНЫ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ДРЕЗДЕН, 5 ноября. (Роста). Генерал Мюллер издал распоряжение, запрещающее 9 ноября, в день годовщины германской революции, организацию собраний как под открытым небом, так и в закрытых помещениях во всех городах Саксонии.

ЦЕЙГНЕР БУДЕТ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ «ПРАВОСУДИЕ».

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). Цейгнер назначен председателем саксонской судебной палаты.

Отпор пролетариата.

КОМПАРТИЯ ПРИЗЫВАЕТ ВООРУЖАТЬСЯ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). **Компартия нелегально распространяет воззвание к рабочим, призывая к об'явлению всеобщей забастовки в случае выступления гитлеровцев. Далее компартия призывает рабочих вооружаться и вступать в пролетарские сотни.**

Вместо «Штурм Фане» сегодня нелегально вышел «Арбейтерруф», призывающий рабочих немедленно образовать на предприятиях пролетарские сотни и всеми средствами добывать оружие.

ФРАНЦУЗСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ЗАЩИТУ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

ПАРИЖ, 5 ноября. (Роста). Состоявшаяся в Труа конференция французской коммунистической молодежи, обсудив положение в Германии, приняла резолюцию о необходимости удвоить усилия в борьбе за победу революции.

Штреземан помогает фашистам.

АРЕСТЫ КОММУНИСТОВ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). В Эрфурте арестованы 25 сотрудников партийных и профсоюзных организаций.

В Хемнице закрыт коммунистический орган «Кэмпфер». Арестованы сотрудники редакции. Редакция занята полицией.

АРЕСТЫ КОММУНИСТОВ В БЕРЛИНЕ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). **Сегодня арестовано 16 ответственных работников компартии, в том числе заведующий типографией «Роте Фане».**

ШТРЕЗЕМАН ДЕЛАЕТ ВОИНСТВЕННЫЕ ЖЕСТЫ ПО АДРЕСУ ФАШИСТОВ.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). Германское правительство опубликовало за подписью Штреземана воззвание, которое косвенным образом подтверждает слухи об ультиматуме фашистских боевых союзов.

«Известные круги,—говорится в воззвании,—пытаются воздействовать на имперское правительство и угрожают гражданской войной. Правительство выступит со всей энергией с целью сохранить единство государства и обеспечить свободу и порядок. Правая диктатура не улучшит внешне-политического положения, а усугубит финансовый и промышленный кризис, а также опасность сепаратистского движения. Во внешне-политическом отношении такая диктатура была бы недееспособна, так как ее существование противоречило бы конституции. Имперское правительство имеет в своем распоряжении достаточно сил; оно имеет рейхсвер, полицию и пользуется поддержкой всего стремящегося к сохранению порядка населения».

Марка не котируется.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). Вслед за Нью-Йорком котировку германской марки прекратили копенгагенская биржа и Швейцария.

Официальный курс доллара 420 миллиардов; на черной бирже—1 триллион 400 миллиардов.

Бавария не хочет разговаривать со Штреземаном.

ФАШИСТЫ ТРЕБУЮТ ОТ ШТРЕЗЕМАНА РАЗРЫВА ДАЖЕ С БУРЖУАЗНЫМИ ДЕМОКРАТАМИ. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ, ЗАЯВЛЯЮТ АГРАРИИ, СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ ДОВЕРИЯ К ПРАВИТЕЛЬСТВУ ШТРЕЗЕМАНА.

БЕРЛИН, 5 ноября. (Роста). Правые продолжают энергично бороться с попыткой Штреземана создать малую коалицию из народной партии, демократов и центра. Граф Вестарп в статье в «Крейццейтунг» заявляет, что **Бавария несогласна начинать переговоры с правительством Штреземана, опирающимся на малую коалицию, ибо у Баварии нет гарантий, что это правительство окончательно освободилось от влияния «марксизма».** Вестарп далее продолжает: «Если не будет образовано действительно независимое от марксизма правительство, то выступление Баварии неизбежно. Один рейхсвер не в состоянии справиться с большевистской опасностью, если отечественные союзы Северной Германии не поддержат правительства».

Газета приводит также письмо союза, которое подчеркивает, что до сих пор не произошло еще никаких изменений в правительственной системе. **Наоборот, еще не устранена опасность, что имперское правительство попытается** путем значительных уступок заручиться поддержкой социал-демократии. «Тот факт,—говорится в письме,—что правительство все еще не ищет сближения с национальной партией, доказывает, что оно не желает решительного изменения курса национальной политики. Сельское население не может питать доверия к таким вождям». «Дейче Тагесцейтунг» приветствует решительное отклонение аграриями малой коалиции и подчеркивает, что все попытки Штреземана избегнуть ясного недвусмысленного решения окажутся несостоятельными.

Штреземан предполагает оставить пост министра восстановления незамещенным. С назначением министра внутренних дел Яккерта значительно окрепнет правое крыло кабинета Штреземана, стремящееся к разрыву с Францией. Представитель центра, министр труда Браунс, в последние дни склоняется к правой ориентации. Ему и Штегервальду, возглавляющему правое крыло партии центра, противостоит Вирт—лидер левого крыла.

Всеобщая забастовка в Польше началась.

ЛОЗУНГИ ЕЕ—«ДОЛОЙ ПОЛЕВЫЕ СУДЫ И МИЛИТАРИЗАЦИЮ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ!»

ВАРШАВА, 5 ноября. (Роста). **Сегодня утром началась всеобщая забастовка под лозунгами: «долой полевые суды и милитаризацию железных дорог!» В забастовке принимают активное участие компартия, ППС, бунд и народная рабочая партия. Против забастовки выступили христианские демократы, которые мобилизовали своих членов для штрейкбрехерства.**

В Варшаве забастовали с утра почти все фабрики, трамваи, газовые заводы, рабочие городских предприятий, городского союза служащих и больниц.

В забастовке пока не принимают участия рабочие водопровода и электрической станции. С рабочими электрической станции ведутся переговоры. Возможно, они прекратят работу еще в течение этой ночи. Утром и днем курсировало по двум линиям несколько вагонов трамвая, обслуживаемых штрейкбрехерами под охраной полиции. В один из вагонов была брошена ручная граната, ранившая вагоновожатого и полицейского. К вечеру трамвайное движение совершенно прекратилось. По городу—усиленные патрули полиции, вооруженные винтовками. Помимо полиции, охрану несут пехотные и кавалерийские военные части. Рабочие окраины наводнены полицией и войсками.

В эту забастовку впервые правительство использовало уголовных преступников для штрейкбрехерской работы. Так, группа арестантов работает в городских фильтрах.

На железных дорогах продолжает работать небольшая часть мобилизованных железнодорожников и военные бригады.

Всеобщая забастовка об'явлена по всей стране. О ходе ее пока нет исчерпывающих сведений. Достоверно известно только, что в Кракове, Вильно и Львове всеобщая забастовка проводится успешно.

ВОЗЗВАНИЕ ПОЛЬСКОЙ КОМПАРТИИ.

ВАРШАВА, 5 ноября. (Роста). Утром 5-го по городу было расклеено воззвание компартии, призывающее к всеобщей забастовке. В воззвании указано, что под давлением рабочих масс ППС и вожди профсоюзов вынуждены были приступить к активным действиям и об'явить всеобщую забастовку. Полиция получила распоряжение удалить листовки, которые в течение дня соскребывались полицейскими со стен.

РАЗРЫВ ПЕРЕГОВОРОВ ППС С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ.

ВАРШАВА, 6 ноября. (Роста). **Переговоры правительства с ППС прерваны, так как правительство потребовало прекращения забастовки до начала переговоров.** На завтра ожидается расширение забастовочного движения.

ППС ГОТОВИТСЯ СОРВАТЬ ЗАБАСТОВКУ.

ВАРШАВА, 5 ноября. (Роста). Рабочие сильно опасаются, что ППС сорвет всеобщую забастовку, организованную против ее воли. Тревожное настроение бастующих усилилось после обеда, когда стало известно о возобновлении закулисных переговоров ППС с Корфанти.

Дело об убийстве т. Воровского.

ПРОВОКАЦИОННАЯ ТАКТИКА ЗАЩИТНИКОВ УБИЙЦЫ.—СУД ВЫНУЖДЕН СДЕЛАТЬ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЗАЩИТНИКУ.—100 ИНОСТРАННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ.

ЛОЗАННА, 5 ноября. (Роста). Сегодня утром в зале, где происходила ближне-восточная конференция, начался слушанием процесс Конради, убийцы тов. Воровского.

Защитники обвиняемых провоцировали конфликты с целью создать благоприятную для подсудимых атмосферу. Так, защитник Конради Шопфер потребовал документального доказательства, что жена тов. Воровского его действительно законная жена, а его дочь действительно законная дочь. После реплики гражданского истца о недопустимости подобного рода требований, выступил прокурор, который указал, что это требование несовместимо с достоинством суда. После тайного совещания суд отклонил требование. Вслед за этим снова выступил Шопфер, обвинял гражданского истца Дикера в предании гласности секретных материалов предварительного следствия. Дикер отвел обвинение, доказав, что швейцарское правительство само опубликовало документы. Затем Шопфер и защитник Полунина Аубер пытались воздействовать на суд заявлением, что советское правительство якобы угрожает репрессиями в случае оправдания убийц. Выступивший тов. Чичеров подчеркнул лживость и вздорность этого утверждения, указав, что никто не в праве говорить о репрессиях после процесса. Председатель суда призвал Шопфера к порядку и сделал ему предупреждение. Вслед за этим утреннее заседание было об'явлено закрытым.

Согласно официальному обвинительному акту, Конради обвиняется в предумышленном убийстве тов. Воровского и в ранении и оскорблении т.т. Аренса и Дивильковского без намерения убийства. Полунин обвиняется в соучастии в убийстве. По делу привлечено 80 свидетелей. На процесс с'ехалось свыше 100 иностранных корреспондентов. Здание суда тщательно охраняется. Запрещено проносить пакеты и фотографические аппараты.

Международная рабочая солидарность.

АНГЛИЙСКИЕ РАБОЧИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ПРАЗДНИК.

Английская коммунистическая партия энергично готовится к празднованию Октябрьской революции. Как сообщает «Воркерс Уикли», 7 ноября рабочие Манчестера организуют крупную уличную демонстрацию, во время которой выступят следующие ораторы: Филипп Прайс, лично участвовавший и наблюдавший пролетарскую революцию в России, Саклатвала, представляющий угнетенные массы Индии и являющийся представителем английских рабочих в парламенте, и другие деятели английского рабочего движения.

МИТИНГ В ПАРИЖЕ В ЧЕСТЬ 6-й ГОДОВЩИНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В честь 6-й годовщины российской революции в Париже состоялся огромный митинг под председательством Анри Барбюса, выступившего с приветственным словом.

«В былое время,—сказал он,—на ряду с капиталистической властью существовало нечто в роде неосуществимой мечты. Обливающаяся кровью и отчаявшаяся Россия дала угнетенным всего мира прочные доктрину и веру. Россия сделала из марксизма естественную силу. Она с очевидностью показала, что среди рассеянных рас и народностей, в действительности существуют только две расы: эксплоатируемых и эксплоататоров, побежденных и победителей.

Необходимо, товарищи, проникнуться чувством организованности и запастись терпением. Нельзя бросаться в борьбу с легкостью. Мы сделаем все человечески возможное, чтобы ускорить тот час, когда пролетариат сумеет взять в свои руки свою собственную судьбу».

Затем Барбюс коснулся германской революции и предложил выразить немецкому революционному народу братские чувства.

После Барбюса выступил Кашен, который, отметив завоевания России за шесть лет существования Советской власти, закончил речь следующими словами:

«И вот в настоящий момент народы пришли в движение, чтобы разбить свои цепи. В момент своего освобождения они обращают свои взоры к востоку, где они могут быть уверены, что найдут пример, бодрость и братскую поддержку в самом великом движении, которое когда-либо потрясало мир».

ПРОЛЕТАРИАТ ПРИБАЛТИКИ В ЗАЩИТУ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

10 октября с. г. на совместном заседании правлений профсоюзов и фабрично-заводских старост города Ревеля принята резолюция, в которой, между прочим, сказано следующее:

«Общее собрание представителей профсоюзов и рабочих организаций обращается к трудящимся Латвии и Литвы с призывом единодушно поддержать германскую революцию.

Задушение германской революции фашистами и международными жандармами не означает только лишь усиление внутренней реакции в Прибалтийских странах, но угрожало бы им и новой оккупацией — более кровавой, чем все предыдущие годы белого террора. Правящие слои не в силах вести политику защиты народов Прибалтики против бывшего помещика, балтийского барона, ожидающего победы германского фашизма, чтобы тогда вместе с русскими монархистами овладеть Прибалтикой. От силы революционного пролетариата Прибалтики зависит—посмеют ли правящие классы этих стран пойти вместе с другими международными жандармами против революционной Германии и ее союзницы—Советской России, или же будут принуждены отказаться от поддержки германских и русских монархистов. Создадим единый фронт всех трудящихся Прибалтики против немецких баронов, русских монархистов и против их союзников. Создадим единый фронт с революционным рабочим классом Германии, чтобы покончить с очагами контр-революции в Прибалтике, скрывающимися в фашистских организациях Макензена и Гинденбурга.

Да здравствует приближающаяся германская революция!

Да здравствует единый фронт трудящихся Прибалтики, поддерживающий германскую революцию!».

Подобные же резолюции приняты в городах: Пернове, Юрьеве, Нарве и Валке.

РЕЗОЛЮЦИЯ ПРОТЕСТА ПРОТИВ НАДВИГАЮЩЕЙСЯ ВОЙНЫ.

Общее собрание представителей всех рабочих организаций города Ревеля приняло 19 октября с. г. следующее решение против надвигающейся войны:

1) Призвать рабочий класс всех окраинных государств бороться совместно против тех, которые хотят использовать народы окраинных государств в качестве пушечного мяса для восстановления власти балтийских баронов и русских монархистов.

2) Призвать всех рабочих, служащих и чиновников, колонистов, крестьян и остальных трудящихся Эстляндии быть на-страже, чтобы их не пожертвовали для войны на пользу черной реакции и кровных врагов эстонского народа.

3) Требовать предоставления трудящимся права слова, собраний, печати и других политических свобод для борьбы с заговорами французских наемников и их союзников—баронов.

Долой французских империалистов и их подлых наемников!

Да здравствует борьба против реакции единым фронтом с революционным пролетариатом Германии и его союзниками!

СЕКРЕТАРЬ АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАРТИИ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЕ.

НЬЮ-ЙОРК, 5 ноября. (Роста). Секретарь Уоркес-партии, в связи с шестилетней годовщиной Октябрьской революции, заявил следующее: «Сегодня то, что Маркс писал о капитализме и пролетарской революции, уже не теория. Сегодня мы, называвшие себя когда-то социалистами и теперь называющие себя коммунистами, строим наше движение и организацию на доказанном факте. Пролетарская революция, установившая СССР, в течение шести лет устоявшая перед всем капиталистическим миром, пережившая голод, является живым доказательством правильности теории марксизма.

Разные известия.

ЗАБАСТОВКА МОРЯКОВ НА ФРАНЦУЗСКИХ КРЕЙСЕРАХ.

ПАРИЖ, 5 ноября. (Роста). **Матросы крейсера «Прованс», находящегося в заливе Жуан, отказались от выполнения своих обязанностей в виду плохой пищи и подняли красное знамя. Примеру «Прованс» последовали крейсера «Бретань» и «Лотарингия».** Работы не производились в течение 11 часов и были возобновлены после обещаний улучшить пищу. **Несколько моряков заключены в карцер. Коммунистическая партия на-днях опубликует требования моряков.**

РАБОЧИЕ И СОЛДАТЫ ПРОТИВ ПУАНКАРЕ.

ПАРИЖ, 5 ноября. (Роста). После от'езда Пуанкаре из Невера рабочие организовали демонстрацию протеста. **В демонстрации приняли участие солдаты местного гарнизона.**

3-я сессия ЦИК СССР.

Вчера, в 12 ч. дня, в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца состоялось открытие 3-ей сессии ЦИК СССР.

Сессия была открыта по поручению президиума ЦИК членом президиума ЦИК тов. Червяковым.

ПРИВЕТСТВИЕ ОТ КРАСНОГО ФЛОТА.

Первое слово было предоставлено командиру судна «Аврора», тов. Поленову, для рапорта своему шефу—сессии Центрального Исполнительного Комитета.

Члены сессии поднимаются со своих мест и стоя слушают рапорт.

Тов. Поленов заявляет, что военные моряки и командный состав крейсера «Аврора» понимают высокую честь и доверие, которые оказаны им принятием крейсера под шефство ЦИК.

Тов. Червяков от имени ЦИК'а просит представителей подшефного крейсера «Аврора» передать всем морякам, что значение советского флота чрезвычайно велико. Несмотря на материальные затруднения, которые переживает советские республики, правительство советов все же напрягает все усилия к тому, чтобы быть готовым на случай внезапных нападений со стороны наших врагов, которые стремятся к тому, чтобы разрушить нашу мирную работу. Поэтому нам, с первых дней революции провозгласившим лозунг «война—войне», приходится прибегать к мерам самообороны. В числе этих мер создание военного флота является одной из неотложнейших задач.

— ЦИК союза СССР, принимая на себя шефство над вашим судном,—говорит т. Червяков,—этим самым подчеркнул то великое значение, которое он придает созданию военного флота. Принимая ваше приветствие, я от имени ЦИК СССР выражаю твердую уверенность, что красный морской флот будет готов, когда этого потребуют интересы рабочих и крестьян, к тому, чтобы показать свою преданность рабоче-крестьянской революции. Да здравствует рабоче-крестьянский красный морской флот! Да здравствуют матросы, командиры и политический состав судна «Аврора!»

Горячими аплодисментами члены ЦИК'а приветствуют представителя Красного флота.

ПОРЯДОК ДНЯ.

Тов. Енукидзе оглашает опубликованный в печати порядок дня, который принимается.

ДОКЛАД ТОВ. ЕНУКИДЗЕ.

Затем тов. Енукидзе выступает с докладом по первому пункту порядка дня: о ЦИК'е, Совнаркоме и о народных комиссариатах Союза СССР.

ЗАБАСТОВКА ПОЛИЦЕЙСКИХ В АВСТРАЛИИ. КРОВАВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ.

ЛОНДОН, 5 ноября. (Роста). Из Мельбурна (Австралия) сообщают об эксцессах, которыми сопровождалась забастовка полицейских, поводом к которой послужило недовольство полицейских установленной за ними слежкой при помощи штатских филеров. Волнения носят серьезный характер. В центре города произошло столкновение между забастовавшими и отрядами штрейкбрехерской полиции, при чем трое убито и 100 человек ранено. Городу нанесены значительные убытки. Комитет граждан Мельбурна, во главе с известным генералом Монаш, организует специальную полицию общественного спокойствия.

ФАШИСТЫ ИЗБИЛИ СОЦИАЛ-ПАТРИОТОВ.

РИМ, 5 ноября. (Роста). В Милане на социал-демократов, участвовавших во главе с Турати, Тревесом и Драгона в патриотической манифестации по поводу годовщины победы над Австрией, набросились вооруженные палками фашисты и заставили социал-демократов выйти из кортежа. В то же время произошла свалка, во время которой знамя республиканцев было разорвано и избит лидер республиканцев депутат Киета.

АНТИСЕМИТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В РУМЫНИИ.—НАСЛЕДНИК ЗА ПОГРОМЩИКОВ.

ВЕНА, 5 ноября. (Роста). Недавно в Яссах снова произошли организованные студентами антисемитские эксцессы. Студенты обратились затем к румынскому наследнику с просьбой об освобождении арестованных по этому делу. Наследник престола обещал выполнить желание студентов.

В АНГЛИИ ОБЕСПОКОЕНЫ САБОТАЖЕМ ПУАНКАРЕ.

ЛОНДОН, 5 ноября. (Роста). Пресса продолжает с сожалением указывать, что Франция, настаивая на недопустимости пересмотра мирного договора, стремится свести значение предстоящей международной конференции к нулю. Общее настроение в политических кругах, однако, окрепло, в связи с неожиданным выступлением бельгийцев против сепаратистов в Рейнской области. Либеральная пресса, оценивая поведение бельгийцев, как результат английского влияния, выражает в то же время надежду, что Америка сумеет повлиять на Францию и заставить ее быть благоразумнее, напомнив Франции о ее долговых обязательствах перед Америкой.

ЧТО БЫ СДЕЛАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В АНГЛИИ?

Отказ от репараций. — Признание СССР и кредиты. — «Настоящая» Лига Наций.

ЛОНДОН, 5 ноября. (Роста). Комментарии либеральной и консервативной печати за последние дни доказывают, что в настоящее время лишь меньшинство консервативной партии высказывается против назначения новых всеобщих выборов в январе.

Независимая рабочая партия опубликовала манифест, в котором указывается, что если бы в Англии пришло к власти социалистическое правительство, то внешняя политика его свелась бы к следующему: отказ от всех репарационных претензий, аннулирование междусоюзнических долгов, признание советского правительства с предоставлением СССР больших кредитов для возобновления торговых сношений с Европой. Кроме того, социалистическое правительство выступило бы с конкретными предложениями о всеобщем разоружении на основе взаимного согласия; оно, далее, созвало бы международную конференцию, которая занялась бы не только репарационным вопросом, но также вопросом о восстановлении Европы, рассматриваемой, как экономическое единство. Эта конференция,—гласит далее манифест,—уничтожила бы экономические барьеры, ликвидировала бы вооружения, стабилизировала валюты, установила бы международный контроль над сырьем и, таким образом, придала бы Лиге Наций значение подлинной ассоциации наций.

По союзным республикам.

Телеграммы.

СЕССИЯ КОМИТЕТОВ НЕЗАМОЖНЫХ СЕЛЯН.

ХАРЬКОВ, 5 ноября. (Роста). Сегодня утром началась деловая работа 4-й сессии комитетов незаможных селян. Заслушан доклад центральной комиссии незаможных селян. На Украине имеется 10.000 комитетов, об'единяющих 700 тысяч незаможных крестьян. 11 проц. незаможных ведут коллективное хозяйство. Ощущается большой недостаток в с.-х. машинах.

В докладе отмечается, как вредный уклон, замкнутость комнезамов, которые превращаются в цеховые организации.

Затем был сделан доклад о сельскохозяйственной кооперации на Украине. Сельскохозяйственная кооперация об'единяет 245.000 членов. Кооперативные хозяйства составляют 5 проц. всех крестьянских хозяйств Украины. Среди кооперированного населения 43 проц. незаможных и 48 проц. середняков. Сельскохозяйственная кооперация организовала табаководство, играющее большую роль в материальном укреплении сельского хозяйства, так как десятина махорки дает доход, равный урожаю 2.000 пуд. хлеба. В этом отношении достигнуты большие успехи. В прошлом году сельскохозяйственной кооперации удалось организовать 3.000 десятин крестьянских махорочных плантаций.

Участие сельскохозяйственной кооперации в хлебных заготовках было довольно значительно. Однако, работа сельскохозяйственной кооперации наталкивалась на отсутствие долгосрочного кредита и на относительную высоту паевых взносов.

Сессия приняла по этому докладу резолюцию, указывающую на необходимость активного вовлечения крестьянства в сельскохозяйственную кооперацию. Организуемый сельскохозяйственный банк должен создать специальный фонд для льготного кредитования коллективных хозяйств. Решено возбудить ходатайство перед ВУЦИК'ом об отсрочке на год уплаты коллективными хозяйствами отпущенных им кредитов и о предоставлении сельскохозяйственной кооперации налоговых и имущественных льгот.

Сессией был также заслушан доклад о материальном положении студентов незаможных. Постановлено забронировать определенный процент суммы, поступающих для подшефных комнезамам Украины частей в пользу крестьянского студенчества. Возбуждено ходатайство перед ВУЦИК'ом об организации в Харькове общежития для студентов незаможных.

После принятия тезисов о задачах комнезамов сессия закрылась.

РАБОЧИЕ—ОКТЯБРЮ.

ЧИТА, 5 ноября. На Черновских копях открывается к 6-й октябрьской годовщине новый рудник имени Ленина.

ОДЕССА, 5 ноября. Железнодорожники депо Одесса Главная подносят к октябрьской годовщине в подарок республике передвижную электрическую станцию, снабжающую электрической энергией целый состав поезда. Рабочие Январских железнодорожных мастерских отремонтировали паровоз.

МИНСК, 5 ноября. К октябрьской годовщине в городе открывается ряд новых учреждений, в том числе дома для инвалидов, клиника для нервных больных и центральная амбулатория. Во многих деревнях открываются народные дома-читальни. Многие волости принимают шефство над воинскими частями.

СНЕЖНЫЕ ЗАНОСЫ.

ОДЕССА, 5 ноября. Поезда с севера пришли сегодня в Одессу с опозданием, вследствие снежных заносов в районе Москва—Брянск. По Киевской линии местами также выпал снег.

ЭКСПОРТ ХЛЕБА ЧЕРЕЗ ТАГАНРОГСКИЙ ПОРТ.

РОСТОВ-ДОН, 5/XI. Из Таганрогского порта отправлено 5 иностранных пароходов. Грузятся еще 4 парохода. Всего отгружено 18.803.000 пудов зерна.

ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ.

ЕКАТЕРИНБУРГ, 5/XI. Выборы советов в области проходят вполне успешно. В Челябинском округе в волисполкомы избрано 102 коммуниста и 81 беспартийный, в Троицком округе—66 коммунистов и 59 беспартийных. В Верхнеуральский горсовет прошло 50 коммунистов и 33 беспартийных.

Картинка будущего.

Известный американский ученый, «гений электричества» социалист Чарльз Штейнмец, опубликовал в американской печати статью, в которой он рисует картинку будущего. Несмотря на то, что эта статья не выдержана с точки зрения марксизма, она представляет значительный интерес.

«Германская и англо-саксонская система управления судьбами Европы,—пишет Штейнмец,—получила в связи с войной такой удар, от которого она не может оправиться. Источником коллективной цивилизации для Европы будет Восток, где родятся вожди будущего. Коллективистские тенденции славянских народов сделают их господствующей расой будущего». В связи с этим заявлением интересно вспомнить, что Штейнмец в свое время обращался с письмом к тов. Ленину, в котором он предлагал свои услуги для восстановления российского хозяйства.

Как бы ни были удивительны плоды последнего столетия, — пишет далее Штейнмец, — период, в который мы вступаем будет иметь для человечества несравненно большее значение, чем последнее столетие. В новой жизни, в которую мы вступаем,—а речь идет еще о нынешнем столетии,—человек будет освобожден от тяжкого труда. Все тяжкие работы будут производиться электричеством и после 4-х часов работы человек сможет предаться занятиям, способствующим развитию его индивидуальности.

По мнению Штейнмеца, развитие путей сообщения сделает возможным жить не в скученных городах, а на лоне природы, а это, в свою очередь, даст толчок развитию сельского хозяйства, но по совершенно другим линиям. Люди будут заниматься им не по нужде, а из-за любви к вольному труду.

Перспективы Штейнмеца не вмещаются в рамках нашей планеты. Он идет значительно дальше: «Если бы Соединенные Штаты посвятили ту энергию и настойчивость, с которой они вели войну, отысканию способов сношения с Марсом, то вовсе не исключено, что этот план был бы осуществлен. Штейнмец верит в гипотезу, что известные световые эффекты, отмеченные в свое время Маркони, действительно являются знаками с Марса, и вопрос заключается только в том, чтобы найти ключ к ним.

Театры и зрелища.

Врачебный справочник.

ЗА ОДНУ ОБЛИГАЦИЮ золотого выигрышного ЗАЙМА

в 5 руб. золот. Издательство Всероссийского Комитета Помощи Инвалидам Войны при ВЦИК СОВЕТОВ.

ВЫСЫЛАЕТ один из 10-ти РАЗЛИЧНЫХ КОМПЛЕКТОВ КНИГ

ПО РАЗНЫМ ВОПРОСАМ:

Комплект № 1. (Для крестьянина).
1. Крестьянин КИСЛЯНСКИЙ. Чем удобрить землю?
2. ЕГО ЖЕ. Бросайте трехполье!
3. ЕГО ЖЕ. Успехи передового крестьянства.
4. ЕГО ЖЕ. Сейте доходные растения.
5. Крестьянин ЕРКОВ. Что дает сортировка?
6. ДАВЫДОВ. Сажайте больше картофеля!
7. БЕЛАВЕНЕЦ. Глиноведение.
8. ЕГО ЖЕ. Огнестойкая постройка.
9. Болезни домашних животных.
10. Разведение домашних птиц.
11. Содержание домашнего скота.
12. Корма и их подготовка для с.-х. животных.
13. ДИВИЛЬКОВСКИЙ. Коммунисты и крестьяне.
14. Как власть хочет облегчить и украсить жизнь крестьянина?
15. ГАРШИН. Сигнал.
16. ЕГО ЖЕ. Бразильская пальма.
17. Д. БЕДНЫЙ. Правда и кривда.
18. ЕГО ЖЕ. Сытый голодного не разумеет.
19. ЕГО ЖЕ. Красный казак.
20. ЕГО ЖЕ. О Митьке-бегуне.
21. ЕГО ЖЕ. Всякому свое.
22. СЕМЕНОВСКИЙ. Биография ЛЕНИНА.
23. Беседа о вере.
24. Портрет ЛЕНИНА, ТРОЦКОГО или КАЛИНИНА по выбору.

Комплект № 2.
1. ЛЕНИН. Как учиться. (Издан. «Новая Москва»).
2. СПРАВОЧНИК. Куда идти учиться? (Изд. то же).
3. Октябрьское восстание в Москве.
4. ЗИНОВЬЕВ. 12 дней в Германии. (Госиздат).
5. КАТАЯН. Террор буржуазии в Финляндии.
6. ЭМИЛЬ ЗОЛЯ. Осада мельницы.
7. МАКСИМ ГОРЬКИЙ. Как я учился.
8. А. ЧЕХОВ. Спать хочется. Злоумышленник.
9. СЕНКЕВИЧ. Дружки.
10. ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Читай, Фома, набирайся ума.
11. РЕЙСНЕР. Бог и биржа. (Сборн. революционных пьес).
12. ЛЕЛЕВИЧ. Дни Самарской учредилки.
13. ЛИНДОВ. Великая французская революция.
14. 1 портрет по выбору: ЛЕНИНА, ТРОЦКОГО или КАЛИНИНА.

Комплект № 3. (Литературный).
1. БИВИК. К широкой дороге.
2. ЕГО ЖЕ. На черной полосе.
3. ГЮИ-ДЕ-МОПАССАН. Награжден орденом.
4. КОРОЛЕНКО. Мгновение.
5. ЧЕХОВ. Спать хочется. Злоумышленник.
6. СЕНКЕВИЧ. Янко музыкант.
7. ЕГО ЖЕ. Дружки.
8. ТУРГЕНЕВ. Бирюк.
9. ГАРШИН. Сигнал.
10. ЕГО ЖЕ. Бразильская пальма.
11. БОРЕЦКАЯ. Голодные.
12. ЭМИЛЬ ЗОЛЯ. Осада мельницы.
13. РЕЙСНЕР. Бог и биржа. (Сборн. революционных пьес).
14. УЛЬЯНОВ. Думы вольного казака.
15. ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ. Красный казак.
16. ЕГО ЖЕ. Каиново наследство.
17. ЕГО ЖЕ. Диво дивное.
18. СИМКОВСКИЙ. Каторга и ссылка.
19. МОРДВИНКИН. Егорушкина жизнь.
20. ВЕРХОЯНЦЕВ. Конек-скакунок.

Комплект № 4.
1. БЕКЕТОВА. Англия. 3 тома.
2. ГОЛИКОВА. Якуты.
3. ИНФАТЬЕВ. Башкиры.
4. ЕГО ЖЕ. Вогулы.
5. МИГАЙ. Через Днепровские пороги.
6. ЕГО ЖЕ. В Ледовитом океане.
7. НОСИЛОВА. На китобойном пароходе.
8. ВАЛЬ. Солнце.
9. ЕГО ЖЕ. Луна.
10. ЕГО ЖЕ. Планеты.
11. ЕГО ЖЕ. Звезды.
12. АЛЬМЕДИНГЕН. Откуда люди получают металлы.
13. ЕГО ЖЕ. История спички.
14. ЕГО ЖЕ. История швеи.
15. КРОККЕТ. Приключение маленького шотландца.
16. ВОРОТЫНСКИЙ. Япша.
17. ГОГОЛЬ. Избранные сочинения.
18. ИЗМАЙЛОВ. В метель.

Комплект № 5.
1. Проф. В. И. СОЛОВЦОВ. Питание и работа.
2. Проф. Н. А. ШИЛОВ. Первые шаги в химии.
3. Проф. Ш. ГИБСОН. Автобиография электрона.
4. Карманн. библиотека. Первая помощь при заболевании.
5. Карманн. библиотека. Туберкулез.
6. » » Воздухоплавание.
7. ВАЛЬ. Солнце.
8. ЕГО ЖЕ. Луна.
9. ЕГО ЖЕ. Планеты.
10. ЕГО ЖЕ. Звезды.
11. ГОЛИКОВА. Об огнедышащих горах.
12. ИГНАТЬЕВ. Союзники воды.
13. МАЛЕК. Подводные лодки.
14. ПАРАМОНОВ. Яд и его значение у животных.
15. ПЕТРОЧЕНКО. Погребенный город.
16. ЗОЛОТАВИН. Воздух и климат.
17. Проф. В. Г. БОГОРАЗ (ТАН). Эйнштейн и религия.

Комплект № 6.
1. Л. КАРРОЛЬ. Алиса в стране чудес (роскошное издание).
2. ЕЛЬЯНОВ. Книжка-скакалка.
3. АЛЬМЕДИНГЕН. История маленькой швеи.
4. ГДАНСКИЙ. Маленький столяр.
5. РОГОЗА. Приключения горной курочки.
6. НАСИМОВИЧ. Конь-огонь.
7. ЯКУЦЕВИЧ. Коля—Колька.
8. БОСТРОМ. Афонькино счастье.
9. ГДАНСКИЙ. Марьянкина доля.
10. МОРОЗОВ. Лесовик.
11. НОСИЛОВ. Горе-рыболов.
12. РОБЕРТС. Домик под водой.

Комплект № 7.
1. БЕКЕТОВА. Англия (в 3 томах).
2. АРВАНИТАКИ. О северных холодных странах.
3. КУДАШЕВА. Тайна нижнего ледника.
4. НОСИЛОВА. На китобойном пароходе.
5. ПЕТРОВ. Негры в Америке.
6. ДИККЕНС. Оливер-Твист.
7. КОЛЬЦОВ. Стихотворения.
8. ЛЕРМОНТОВ. Сочинения в 3-х томах.
9. ДОДЖ. Серебряные коньки.
10. СЕТОН-ТОМПСОН. Краг.

Комплект № 8.
1. АЛЬМЕНДИНГ. История спички.
2. Его же. Яков Чернов.
3. Его же. Откуда люди получают металлы.
4. БАХТИАРОВ. На писчебумажной фабрике.
5. Его же. В типографии.
6. ГДАНСКИЙ. Маленький веревочник.
7. Э. ЗОЛЯ. Один день в копях.
8. К-ИЙ. Каучук.
9. МИЛОШЕВИЧ. Как строят железную дорогу.
10. ПЕТРОВ. Часы.
11. СКВЕРЦЕВ. На фарфоровом заводе.
12. КЕЛЛЕРМАН. 9 ноября.
13. А. ГРИН. Алые паруса.
14. Д. БЕДНЫЙ. Всякому свое.
15. ВЕРХОЯНЦЕВ. Конек-Скакунок.
16. БОРЕЦКАЯ. Голодные.
17. Э. ЗОЛЯ. Осада мельницы.

Комплект № 9.
1. ТУРГЕНЕВ. Бирюк.
2. СЕНКЕВИЧ. Янко музыкант.
3. Его же. Дружки.
4. ЧЕХОВ. Рассказы.
5. КОРОЛЕНКО. Мгновение.
6. ГЕТЕ. Герман и Доротея.
7. ГОГОЛЬ. Избранные сочинения.
8. ИЗМАЙЛОВ. В метель.
9. ЛЕССИНГ. Избранные сочинения.
10. ЛЕМЕРСЬЕ. Третий.
11. ЛОНГФЕЛЛО. Евангелина.
12. МУР. В бурную ночь.
13. ТАЛАМО. Героиня.
14. ШЕВЧЕНКО. Думы и песни.
15. ЯЗЫКОВ. Жар-птица.
16. ТРЕНЕВ. Владыка.
17. А. ФРАНС. Книга моего друга.
18. НИКАНДРОВ. Береговой ветер.

Комплект № 10.
1. ЛЕНИН. Старые статьи на близкие к новым темы.
2. ШУЛЬГИН. Очерки 20 года.
3. ВИЛЛИАМ. Белые.
4. Барабан № 2.
5. ФЕДОРЧЕНКО. Народ на войне.
6. АВЕРЧЕНКО. Записки простодушного.
7. ЛИДИН. Мышиные будни.
8. К. БЕРКОВА. Рыцарь духа.
9. Д. БЕДНЫЙ. Каиново наследство.
10. Его же. Песни прошлого.
11. М. ГОРЬКИЙ. Как я учился.
12. ВАРЕВОЙ. Великая новь.
13. БУРЕВОЙ. Колчаковщина.
14. БАХМЕТЬЕВ. 40 месяцев в белом флоте.
15. СЕМЕНОВСКИЙ. Красный угол.
16. ШЕРН. В белом доме.
17. ЛЕЛЕВИЧ. Дни Самарской учредилки.
18. СТЕПАНОВ. Беседа о вере.
19. СЕРГИЕВСКИЙ. Инвалиды.

К 6-летию Октябрьской Революции имеется большой выбор портретов деятелей Революции (гравюры и в красках).

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ: Изд-во ВСЕРОКОМПОМ'а,
МОСКВА, Неглинный пр., 3, Александровский Пассаж, помещение №№ 10, 11.

ПРАВЛЕНИЕ САХАРОТРЕСТА

ОБ'ЯВЛЯЕТ на 26 ноября с. г., в 12 часов дня в помещении Сахаротреста в Москве, Ильинка, Юшков пер., № 6,

СМЕШАННЫЕ ТОРГИ

НА ЗАГОТОВКУ и ДОСТАВКУ ДО ВОСЬМИ МИЛЛИОНОВ ПУДОВ
ИЗВЕСТКОВОГО КАМНЯ для сахзаводов,
расположенных на правом берегу Днепра (Правобережья),

Право заготовки камня предоставляется на закрепленных за Сахаротрестом карьерах в Рыбницком, Вознесенском и иных незакрепленных известковых районах Одесской и других губерний вблизи указанных сахзаводов.

Приблизительная цена всего подряда 28.000 червонцев.

Соискатель имеет право принять на себя выполнение как всего, так и определенной части об'явленного подряда.

Все учреждения, организации и частные лица, желающие принять участие в об'явленных торгах, приглашаются не позднее 24 ноября с. г. подать в Отдел Снабжения в запечатанных конвертах с надписью „К торгам на поставку известкового камня" заявления, с указанием количества камня, которое заявитель обязуется заготовить и доставить, и условия выполнения подряда.

К заявлению должны быть приложены: 1) документы, удостоверяющие личность соискателя, с указанием его местожительства; 2) квитанция Правления Госбанка о взносе на текущий счет Правления Сахаротреста залога в размере 10% цены принимаемой на себя соискателем части подряда, 3) подписка заявителя о том, что если, по утверждении торгов подряд останется за ним по цене, им об'явленной, и на условиях, предложенных Сахаротрестом на торгах, и он откажется в установленный срок подписать договор, то Сахаротресту предоставляется право либо обратить внесенный залог в свою пользу, либо взыскивать причиненные отказом убытки, оставив залог в обеспечение иска, и 4) подписка соискателя в том, что он обязуется ко времени подписания договора представить надлежащий патент на производство им подряда.

В качестве залога может быть принято по соглашению с заявителем и другое равноценное обеспечение. От Государственных Об'единений и Кооперативных организаций залогу не требуется.

Ко времени открытия торгов и вскрытия конвертов лица, подавшие заявления, равно как и иные соискатели, по выполнении всех перечисленных в сем об'явлении требований, могут явиться для производства устных торгов.

Ознакомиться с проектом договора и получить подробные сведения об условиях подряда можно ежедневно от 10-ти до 4-х в Отделе Снабжения САХАРОТРЕСТА, Москва, Ильинка, Юшков пер. 6.

Правление САХАРОТРЕСТА.

Государственный Торговый Флот.

Перевозка грузов и пассажиров
МЕЖДУ ПОРТАМИ С. С. С. Р. И ЗАГРАНИЧНЫМИ.

Регулярное сообщение.

Мурманск—Лондон ежемесячно.
Петроград—Лондон каждые две недели.
Одесса—Константинополь 3 раза в месяц.
Одесса—Владивосток второй пароход отходит из Черного моря в конце ноября.
Срочное сообщение между портами С.С.С.Р.
Центральное Правление: Москва, Петровка, 4.
Правление Черноморско-Азовского Госпароходства: Одесса, ул. Лассаля, 2 (ГОСЧАП).
Правление Балтийского Госпароходства, Петроград, В. О. набер. Лейт. Шмидта 11/2 (ТОРГФЛОТ).
Правление Северного Госпароходства, Архангельск, ул. Павлина Виноградова, 82 (СЕВЕРОФЛОТ).

ОРЕХОВО-ЗУЕВСКИЙ ТРЕСТ ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫХ ФАБРИК

ПРАВЛЕНИЕ и ГЛАВНЫЙ СКЛАД: Москва, Б. Трехсвятительский п., д. 2.

Телефоны: Председателя правления—1-14-40. Членов правления —3-70-75. Общие—2-88-85, 1-59-06, и 1-95-28.

ВЫРАБАТЫВАЕТ: бельевые, плательные, рубашечные, подкладочные и одежные ткани крестьянского и городского типа. Плиса и полубархаты, штучные изделия, специальн. восточные ткани: чалма, чаршап.

ПРОДАЕТ: Изделия производства своих фабрик Государственным учреждениям, Кооперативам, Акционерным О-вам и Об'единениям, а также частным фирмам и лицам **за наличные и в кредит.**

МАГАЗИНЫ:
ОПТОВЫЙ: Черкасский пер., д. № 9—телефон № 1-04-28.
РОЗНИЧНЫЙ: Кузнецкий мост, д. № 1—телефон № 1-43-34.

Акционерное Общество „МЕЛЬСТРОЙ"

МОСКВА, Мясницкий проезд, 5 (у Красных ворот).

МЕЛЬНИЦЫ, МАСЛОБОЙНЫЕ, КРАХМАЛО-ПАТОЧНЫЕ ЗАВОДЫ

ОБОРУДУЕТ, РЕМОНТИРУЕТ и СНАБЖАЕТ ИХ

всеми необходимыми машинами и материалами РУССКОГО и ЗАГРАНИЧНОГО производства.

ПРАВЛЕНИЕ В МОСКВЕ. Тел. 2-57-69, 2-33-57, 2-54-69, 52-98.

ОТДЕЛЕНИЯ: в Киеве, Челябинске, Харькове, Ростове н/Д.

НА СКЛАДАХ в МОСКВЕ и В ОТДЕЛЕНИЯХ ИМЕЕТСЯ:

МЕЛЬНИЧНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. [illegible]

КРАХМАЛО-ПАТОЧНОЕ. Мойки, терки, сушилки, насосы, сита и прочее.

МАСЛОБОЙНОЕ. [illegible]

кредит по соглашению.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВОПРОСЫ ТРУДА"

МОСКВА, Старая площ., № 6. || ПЕТРОГРАД, Площадь Труда, № 2.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ:
ПРОФ. МАКСА ГИРШ

ЗДОРОВЬЕ и профессиональная заболеваемость ЖЕНЩИНЫ

в свете социальной гигиены.

(Перевод с немецкого д-ра Л. С. СЫРКИНА, под редакцией, с предисловием, дополнительной главой и указателем литературы С. И. КАПЛУНА, стр. 184).

СОДЕРЖАНИЕ: Женский труд, как социальная проблема. Статистика женского труда. Общая патология женских профессиональных болезней. Профессиональные болезни: сельско-хозяйственных работниц, промышленных работниц, женщин, занятых в торговле, домашней прислуги, женщин, работающих на дому, болезни связанные со свободными профессиями.

Женский труд и война. Санитарные последствия женского труда во время войны.

Разрешение проблемы женского труда.

Библиография.

Цена 1 руб. 75 коп.

Женотделы, профсоюзы, лечебно-санитарные организации при заказах не менее 10 экземпляров пользуются скидкой 30%.

КНИЖНЫМ МАГАЗИНАМ ОБЫЧНАЯ СКИДКА

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
БР. А. и И. ГРАНАТ и К°.

ВЫШЕЛ и ВЫДАЕТСЯ лицам, подписавшимся до 1914 г., 39-й том (симпат—соб.).
Цена тома (39-го и ранее вышед.) для прежних подписчик. (без перепл. и пересыл.) до 1-го декабря 3 р. 30 к. зол.
Обращаться в Редакцию: МОСКВА, Леонтьевский пер., 15 (от 11 до 4 ч.).

ЧЕРТЕЖНЫЕ ДОСКИ лучшего исполнения, рейшины, угольники, [illegible], слоновая тушь, заграничные и [illegible] готовальни, кальки, краски для технического черчения и кисти.
ДЛЯ ШКОЛ уголь для рисования, глина для лепки, большой выбор рисовальной бумаги на разные цены, тетради и пр.
ДЛЯ ХУДОЖНИКОВ краски масляные, гуашевые, темпера, акварель, кисти, картон, [illegible].
Покровка, 10/12, МАГАЗИН „ВСЕ для ХУДОЖНИКА".

В. С. Н. Х.

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОЖЕВЕННЫЙ СИНДИКАТ

Москва, Покровский бульвар, 4.

ПРОДАЕТ: Шевро русское и заграничное. Хром русский и заграничный. Вытяжки. Коневый раскрой. Обувь разную, рабоч. гор. типа и проч. Упряжь разную. Приводные ремни. Меховую пушнину, щетину.

ПОКУПАЕТ: химические продукты, Дубильные материалы. Фурнитуру для обуви.

ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ: на обувь, полушубки армейского и железнодорожного образца, тулупы, кожобмундирование и приводные ремни.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН—Москва, Зарядье, Зарядский пер., 8. Тел. 87-21.

ВЯЗНИКОВСКО-МУРОМСКОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЛЬНЯНЫХ ФАБРИК (2-е Льноправление).

Москва, Ипатьевский пер., дом 14. Телефон № 2-70-10, № 1-59-51, № 69-84, № 56-70.

В Об'единение входят 25 фабрик, расположенных во Владимирской г.

ПРОДАЕТ ТОВАРЫ:
ЛЬНЯНЫЕ ТКАНИ: бельевые, шинельные, подкладочные, брезентные, упаковочные.
Полотенца и Салфетки.
БРЕЗЕНТЫ ШИТЫЕ бунтовые и возовые.
МЕШКИ: грузовые, рабочие, зерновые и мучные всех сортов и размеров.
НИТКИ льняные всех №№ для пошивки и плетения сетей.

ПОКУПАЕТ:
СЫРЬЕ: лен сырец и чесаный, очесок и кудель.
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ и Запасные части прядильно-ткацкого производства.
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕДМЕТЫ и МАТЕРИАЛЫ, как-то: сани, колеса, рогожи, деготь, смолу, олифу и проч.
Продовольствие и фураж.

С предложениями и запросами следует обращаться в Коммерческий Отдел Правления: Москва, Ипатьевский пер., дом 14, телефон 69-84, или непосредственно к директорам фабрик.

ИМЕЮТСЯ ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА:
1) В КИЕВЕ—ул. Воровского (Б. Крещатик), д. 25, Пассаж 20/21. 2) ХАРЬКОВЕ—Московские ряды, № 21. 3) Н.-НОВГОРОДЕ—Рождественская, 6. 4) РОСТОВЕ н/Д. 5) БАКУ. 6) ОДЕССЕ. 7) САРАТОВЕ.

ТОРГОВЛЯ ТОВАРАМИ ОБ'ЕДИНЕНИЯ ПРОИЗВОДИТСЯ ОТДЕЛЕНИЯМИ ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕКСТИЛЬНОГО СИНДИКАТА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

„АЗНЕФТЬ"

Центральное Управление в БАКУ.

МОСКВА, Ильинка, Богоявленский, 3.

ТЕЛЕФОНЫ:
Директора 2-34-80
Управляющего К-рой....... 96-06
Закупочн. Отдела..2-33-40 и 5-71-27

ЧТО ТАКОЕ НОТ? это—Научная Организация ТРУДА.
ЧТО ТАКОЕ ЦИТ? это—Центральный Институт ТРУДА.
ТЕПЕРЬ, ПОЖАЛУЙСТА, ЗАПОМНИТЕ СЛЕДУЮЩЕЕ:
Если вы хотите купить книгу или библиотеку по НОТ, выписывайте таковую
ИЗ КНИЖНОГО МАГАЗИНА ЦИТ: МОСКВА, ПЕТРОВКА, 24.

Правление Московско-Киево-Воронежской железной дороги об'являет, что непринятые получателями в установленный срок багаж и грузы по нижепоименованным накладным

БУДУТ ПРОДАНЫ С АУКЦИОННОГО ТОРГА

согласно ст. ст. 82-й и 74-й Устава 20 декабря 1923 г. в 12 час. дня.

Если торги не состоятся, то вторая продажа назначается 22 декабря в те же часы.

СТАНЦИЯ. Отправления.	Назначения.	№№ накладных.	(Отправитель.)	Получатель.	Род груза.	ВЕС. Пуды.	Фунты.	Место продажи.
Одесса гор., Ю.-З.	Москва.	100846	Стенура.	Пред. дубл.	Дом. утварь.	3	2	НА СТАНЦИИ МОСКВА.
Одесса тов., Ю.-З.	»	993017	Об. гор. [illegible] А-ца Гос.	»	Медн. изделия.	27	18	
[illegible], С.-Вяз.	»	34416	Пароход Батурай	»	[illegible]	2	31	
Кременец, М.-К.-В.	»	2104	Самофалов.	Укр. торг. пред.	Жернова.	111	2	
Одесса тов., Ю.-З.	»	993550	Бредер.	Пред. дубл.	Дом. вещи.	6	35	
Бердичев, Ю.-З.	»	254392	Слепак.	»	Перья курин.	122	30	
Черкассы, Юж.	»	55177	Бомберг.	»	Дом. вещи.	23	13	
Бердичев, Юж.	»	49032	Зильберберг.	»	»	15	18	
Ст. Донец., Р.-Ур.	»	24149	Жел. Раб. Пр. Союз.	»	Сани деревян.	283	—	
»	»	24150	»	»	»	285	—	
Моршанск.	»	106772	»			1	5	
Одесса, Ю.-З.	»	262518	Из. Од. о. Т-ва Огонек	Т-во Огонек.	Книги.	3	—	
»	»	240028	[illegible]	Пред. дубл.	[illegible]	—	30	
Киев.	»	22362	Пятецкий.	»	Перья гусин.	4	20	
»	»	22267	Беренфус.	»	Картины.	1	—	
[illegible]	»	55718	Годин.	»	Пилы.	3	—	
[illegible]астов, Ю.-З.	»	1153			Газеты.	1	20	
Бахмач, К.-В.	»	92473	ДС.	ДС.	Кровать.	1	20	
Ромны, Юж.	»	143791	[illegible]	Пред. дубл.	Дом. вещи.	8	10	
Брянск, К.-В.	»	147964	Гурова.	»	»	8	32	
Гомель, Зап.	»	6256			Багаж.	1	38	
[illegible], К.-В.	»	4183			»	15	—	
Калуга, С.-Вяз.	»	4856			»	1	6	
Курск, К.-В.	»	4033			»	1	6	
Вапнярка, Ю.-З.	»	8591			»	1	35	
Дмитриев, К.-В.	»	14669			»	1	15	
Киев.	»	6140			»	1	—	
Одесса, Ю.-З.	»	3223			»	3	—	
Ромны, Юж.	»	3652			»	3	10	
Казатин, Ю.-З.	»	7965			»	1	30	
[illegible], С.-Вяз.	»	18039			»	3	10	
Гомель, Зап.	»	380			»	8	8	
Проскуров, Ю.-З.	»	1715			»	—	10	
Киев.	»	4147			»	—	6	
Винница, Ю.-З.	»	318			»	2	6	
	»	973			»	6	15	
	»	7382			»	1	10	
	»	1418			»	1	—	
	»	228			»	2	—	
Калуга, С.-Вяз.	»	129674			»	3	10	
Киев тов., Ю.-З.	»	874800	Трав. к-ра Экспорт.	Вайнштейн.	[illegible] вещи.	2	32	

Ручная кладовая №№ 9936, 5188, 6708, 6789, 7573, 8859, 9388, 9721, 9747, 9894, 61, 153, 387, 2078, 4621, 2491, 1574, 1395, 3292, 4703, 5893, 5923, 6005, 6435, 6469, 7008, 7700, 7838, 8598, 8640, 465, 1416, 2846, 2636, 452, 2890, 3195, без марки вес 0.5, 7538, 7553, 3536, без марки вес 0.10, без марки вес 0.35, без марки вес 1.00, без марки вес 0.15, без марки вес 0.18, без марки вес 0.7, 5788, без марки вес 0.13, без марки вес 0.5, без марки вес 2.03, без марки вес. 0.10.

Отправления	Назначения	№№ накладных	Отправитель	Получатель	Род груза	Пуды	Фунты
	Москва.	2884	без документ.	без документ.	Горох.	3	—
	»	без мар.	»	»		2	—
	»	4635	»	»		3	20
	»	161	»	»		3	5
	»	5145	»	»		5	0
	»	394	»	»		1	15
	»	456	»	»		1	12
	»	793	»	»		2	—
	»	33841	»	»	Стан. [illegible]	1	35
	»	14669	»	»	Багаж.	1	15

Найденные предметы: портфель ком., лист кухонный, [illegible], [illegible].

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ и КООПЕРАТИВНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ПЕТРОГРАДА.

«ГЛАВЛИТ». 13691. Москва.

Центральная газетная типография «Красный Маяк», Мосполиграф, Тверская, 48.